

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ВЕРОНИКА ЛЕТОВА
Ночной
Пленник

Вероника Летова

Ночной пленник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69168547

SelfPub; 2023

Аннотация

Марьяна жила счастливой беспечной жизнью с любящими родителями и младшей сестрой. Однако в дом пришла беда, и повзрослеть ей пришлось быстро, а потом и попасть в серьезные неприятности, связанные с ее новым занятием. Сдаваться она не собирается, но как быть, если ты оказалась в руках жестокого, но обольстительного главаря преступной банды? Можно ли верить его сладким речам или лучше принять очевидный факт, что он жесток и беспощаден со всеми? К тому же в жизни Марьяны вдруг оживают страхи детства, связанные с вампирами. Что сулит встреча с одним из них, особенно, если ты сама его спровоцировала? Смерть? Изощренное наказание? А может быть, любовь?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	16
ГЛАВА 2	33
ГЛАВА 3	56
ГЛАВА 4	71
ГЛАВА 5	90
ГЛАВА 6	104
ГЛАВА 7	126
ГЛАВА 8	145
ГЛАВА 9	166
ГЛАВА 10	184
ГЛАВА 11	203
ГЛАВА 12	216
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Вероника Летова

Ночной пленник

ПРОЛОГ

Только что отгремели раскаты последних салютных залпов над Невой. В воцарившейся тишине радостные крики, смех и гомон толпы казались наигранными и неуместными, но постепенно ухо приспособилось к привычному звуковому фону и все ночные звуки слились в неповторимую симфонию праздничной майской ночи. Тысячами огней светились дворцы, храмы, памятники, теплоходы на Неве и каналах, витрины магазинов, фонари на широких проспектах и в чернеющих парках. Ник находился в эпицентре этой феерии, в самой гуще толпы на Дворцовой площади. Отсюда он условно начал свою сегодняшнюю охоту за Ней, предварительная слежка была не в счет. Сегодня у него будет настоящий пир. В толпе он лучше всего ощущал остроту своего одиночества и своего превосходства над этим стадом.

Ник медленно потянул носом прохладный влажный воздух с набережной. Ее запах. Этот аромат ни с чем нельзя перепутать. Он миглом вызывал сладкий дурман в голове, голодный спазм в желудке, прилив слюны во рту и эрекцию. Под верхней губой набухли бугорки клыков, среагировав-

ших на потенциальную жертву. Ник инстинктивно расправил плечи, слегка сжал в карманах кулаки и повертел головой, разминая шею в предвкушении охоты и сладкой мести.

Некоторое время он шел, проталкиваясь сквозь толпу, ориентируясь только по нюху и наслаждаясь преследованием вслепую. Ему мешали запахи улицы – выхлопные газы, дым от салюта, человеческая еда, человеческие тела, парфюм... но Она пахла сильнее всего. Она его звала.

Молодой человек облизнулся. Он уже хорошо знал, что преследует девчонку лет восемнадцати или даже младше, русоволосую, зеленоглазую, в хорошей физической форме, к тому же девственницу. Удары ее сердца и частое дыхание он слышал через сотни метров, отделяющих их друг от друга. Когда расстояние между ними сократилось метров до восьми-десяти, Ник взглянул в ее сторону. Да, это была она. Визуальное узнавание тоже доставило удовольствие и вызвало едва заметную улыбочку-волчий оскал. Худенькая, как тростинка, но женственности и округлых форм в нужных местах не лишена. Походка пружинящая, посадка головы – гордая, правильная осанка, тугий пресс, круглая подкачанная попка, высокая крепкая грудь второго размера. Плечи расправлены, даже несмотря на то, что на голову натянут капюшон толстовки, а руки спрятаны в карманы... И идет она осторожно, стараясь быть незаметной для окружающих, как ласочка, медленно и неслышно пробирающаяся в траве и выслеживающая вкусную мышку. Такая маленькая, сосредоточенная и

такая отважная в этой шумной толпе зевак, веселых, подда-тых, рассеянных... Похоже, она тоже считала себя тут глав-ной, потому что пришла пожить, как и Ник. Только не кровью, а чужими денежками.

Недели две назад он обнаружил эту лапочку невдалеке от своего особняка, заинтересовался и выследил, где она живет. Вернувшись домой, он вдруг выяснил, что девчонка осмели-лась проникнуть в его дом и даже стащить кое-что... Глядя на нее, ни за что невозможно было и мысли допустить, что она может быть воровкой со стажем... Однако, дальнейшие наблюдения показали, что воровала она прилично... и при этом не попадалась... Такие способности и сила характера даже вызывали искреннее уважение... Особенно учитывая, что она не побоялась залезть именно в его не самое гостепри-имное жилище. Все-таки располагался особняк на отшибе от другого жилья, выглядел снаружи довольно мрачно и за-брошенно, да и царящая в окружающем парке запущенность и тишина не внушали уверенности... Тем не менее, сегодня она явилась туда еще раз, да еще раненая, лишив его покоя и пробудив инстинкт охотника. С одной стороны, ее следовало наказать за ее опрометчивый проступок и непомерное лю-бопытство. С другой стороны, ее просто хотелось отведать и насладиться. Девочка оказалась его любимым блюдом, изыс-канным лакомством, достойным мишленовского ресторана. Он и сам не знал, как выбирал таких... Некоторые жертвы казались ему отвратительными, хотя он мог сожрать кого

удобно, если бывал слишком голодным. Некоторыми было просто приятно поживиться и позабавиться с ними, как кот с мышкой. Но вот такие, как она, дурманили, кружили голову, распалили до предела. От них наэлектризовывалось все тело и по венам начинала течь не кровь, а кипяток.

Ник ощутил, как изменился вкус его слюны, в которую поступил анестетик. Острые кончики верхних клыков уперлись в нижнюю губу, нижние клыки разжали стиснутую челюсть, заставляя скрипнуть зубы и слегка изменить прикус. Во всем теле почувствовался прилив сил и полная готовность к преследованию и нападению. В брюках стало совсем тесно от мощной эрекции. Он приоткрыл рот и вдохнул аромат девушки полной грудью.

Она была одета в облегающие леггинсы под джинсу, которые подчеркивали ее идеальные стройные ножки, плоский живот, подтянутые ягодицы. Короткая спортивная курточка скрывала очертания тонкой талии и крепких высоких грудей. Длинные густые волосы сейчас прятались под капюшоном и, возможно, были стянуты в хвост. Лицо тоже было скрыто. Впрочем, он уже достаточно насмотрелся на это кукольно прекрасное личико с большими ясными живыми глазами, немного грустными и, возможно, слишком серьезными для столь юного создания, но манящими и волнующими. Ник представил себе, как окажется с ней один на один в огромном пустом особняке, как будет упиваться то ее страхом, то ее необузданным желанием, с которым она не смо-

жет бороться. Он попытался представить себе вкус ее крови на языке, ее нежные стоны, ее выгибающееся под ним тело и спазмы наслаждения, пьянящие их обоих, и тут же почувствовал, как жар объял все тело, сдавил грудную клетку, опалил щеки, осушил рот, вызвал внутренний трепет нетерпения.

Обычно он развлекался с такими игрушками дней пять. Этого хватало для того, чтобы насытиться ими полностью и чтобы они ему надоели, а также для того, чтобы практически полностью их вымотать. И тем не менее, за пять дней он все-таки не выпивал их до дна, а лишь значительно ослаблял. У них оставались все шансы выжить, если он слишком не увлекался. В последнее время он стал крайне осторожным, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания и не желая иметь дело с трупами и полицией. Поэтому девочки неизменно оказывались его заботами в больнице и получали необходимую помощь. Неделька под капельницами, усиленная диета – и они были как новенькие, совершенно убежденные, что их одурманили какой-то наркотой и весьма недвусмысленно воспользовались их беспомощностью в интимных целях. Впрочем, Ник был уверен, что на воспоминания о проведенных с ним пяти сутках разврата никто не жаловался, хотя и новых встреч с ним не искал. Все же инстинктивное чувство смертельной опасности не подпускало к нему людей слишком близко, если только он сам этого не хотел.

Выбранная им для сегодняшних утех девушка нетороп-

ливо продвигалась по ходу движения толпы к метро. От его внимательного глаза не ускользнула пара ловких движений тонкой женской ручки, вытащившей бумажники из чужих сумочек. Что ж, по крайней мере свое дело она знала. Никто даже ухом не повел... Интересно, станет ли она перед ним оправдываться, когда он загонит ее в ловушку? Будет изворачиваться и лгать или огрызаться? Он с удовольствием бы посмотрел и на то, и на другое.

Ник улыбнулся и позвал. Позвал так, как умеют звать только вампиры, маняще, волнуяще, многообещающе. Жертва начала беспокойно озираться. Сила этого зова до сих пор не была ей знакома и противостоять этой силе даже не пришло ей в голову. Она замедлила ход, а он свернул с главной улицы в ближайший переулок, остановился и снова позвал. Тут тоже народу было слишком много, поэтому нападать было рано. Необходимо было заманить ее в темное и безлюдное место, туда, где был припаркован его джип, затем промыть ей мозги гипнозом, а там уже дело оставалось за малым. Первую пробу он мог сделать прямо в автомобиле, чтобы не так кружилась голова и не дрожали руки, а дальше – добраться до особняка и предаться полной вакханалии, послав к черту все человеческое, что в нем еще оставалось...

Прождав минуты две, Ник, наконец, увидел ее: девушка вышла на самую середину переулочка, с сомнением и тревогой высматривая кого-то среди прохожих. Она сама не могла понять обуявших ее чувств. Ее сердце без причины ко-

лотилось, как у испуганной канарейки, внизу живота зарождалось тепло, но странный призыв из ниоткуда тревожил ее намного больше. Ника она не заметила, и он спокойно развернулся и медленно зашагал прочь, во тьму, туда, где его ждало удовлетворение голода и покой, хотя бы на некоторое время. Связь с нею он ощущал даже спиной. Теперь его разум контролировал ее чувства, он напевал ей божественную мелодию страсти, любви, блаженного воссоединения самца и самки, какую поют все живые твари, желающие избавиться от своего одиночества. Так поют инстинкты давно позабытые человеком.

Ник долго вел ее за собой по ночному городу, наслаждаясь его торжественной красотой, своей властью и томительным предвкушением, от которого кровь по венам бежала быстрее, все мышцы приходили в тонус и щеки горячо пылали на ветру. Постепенно убранство и чистота центральных улиц сменились мрачностью плохо освещенных переулков, болезненно бледными лицами облезлых фасадов, черными провалами арок, дверных проходов без дверей и окон без стекол. Здания, на которых еще оставались полуразрушенные вехи аристократизма в виде львиных голов, ажурных балконов и изящной лепнины, в этих закоулках будто осели и перекошились под тяжестью веков, совершенно не коснувшихся главных улиц. Контрасты этого города нравились Нику, потому что отвечали его собственному видению мира – уродство, нищету и деградацию всегда пытаются цинично спрятать за

фальшивой ширмой роскоши, достатка и процветания. И пока на свете существуют уголки, где есть место злу и греху, он и сам может оставаться в безопасности, жить, как ему нравится, творить, что ему хочется, показываться на свет, когда пожелает, и уходить во тьму, когда краски жизни опостылят и захочется выпустить на свободу таящегося внутри монстра.

Они вышли к арке, ведущей в один из дворов-колодцев, какими славится северная столица. Там он нырнул под тень деревьев, нависающих над покосившейся скамьей, и замер, прислонившись спиной к старому клену и позвав ее в последний раз. Место как нельзя лучше подходило для кровавого пира: ни одного светящегося фонаря в поле зрения, темные глазницы окон пустующего здания, заброшенная детская площадка со ржавыми, протяжно поскрипывающими качелями, заблудившийся ветер гоняет по разбитому асфальту обрывки мусора. Его джип был припаркован всего в сотне метров, за углом. Оставалось только одурманить эту лапочку, подхватить на руки и добраться до автомобиля. Желанная свежая юная кровь была так близко, что все тело зудело в нетерпении, а сердце выпрыгивало из груди. Клыки увеличились даже слишком сильно, скорее всего, началась трансформация челюсти, лица и глаз, он был слишком голоден и слишком ее хотел, чтобы контролировать этот процесс, но все же выдавать себя раньше времени было неразумно. Усилием воли Ник заставил себя вернуться к человеческому

облику и дышать ровнее... Разжав кулаки, он почувствовал боль – острые когти успели поранить ладони, но сейчас уже втянулись обратно, а раны быстро заживали.

Тепловым зрением он четко просматривал ее приближающуюся фигуру, еще не повернувшую в арку и пока не видную для глаз. Вскоре совсем близко послышались ее мягкие шаги, почти беззвучные благодаря удобной спортивной обуви. Потом появилась и она сама, немного неуверенно прошла под арку, добралась до середины двора и замерла у края стоптанной дорожки, ведущей к детской площадке. Призыв, приведший ее сюда, неожиданно стих, и она изумленно оглядывалась по сторонам, не понимая, как и где оказалась, а также зачем сюда пришла.

– Ты искала меня, – невозмутимо и без ненужных вступлений ответил на мучивший ее вопрос Ник, заставив девушку вздрогнуть, вглядываясь в его затемненную фигуру. Она задышала чаще, намного чаще, ее сердце пустилось вскачь, а пальчики в кармане инстинктивно сжались.

– Вас? Кто вы? Я что-то ничего не понимаю... – она тряхнула головой, пытаясь избавиться от наваждения и тут же изумленно озираясь по сторонам.

– Это я тебя звал, – пояснил голодный вампир, едва заметно улыбаясь краем губ. От голода и желания спазмы схватывали пах и желудок. Звериная сущность рвалась на волю, требовала своего...

– З-зачем? Мы знакомы? – на выдохе произнесла она, от-

ступая. Предчувствие смертельной опасности уже высосало кислород из ее легких, сковало движения, заставило оцепенеть.

Ник выступил из тени и предстал перед девушкой во всем своем эффектном облике молодого столичного денди: короткий легкий распахнутый плащ-шинель; белоснежная рубашка по фигуре; узкий черный галстук; великолепно сидящие классические черные брюки на ремне; элегантные туфли; опущенные до плеч густые волосы светлыми локонами развеваются по ветру и беспорядочно ниспадают на картинно красивое лицо. Он прочел в ее глазах, какое впечатление на нее произвел. Такие вещи считаются мгновенно. Он ей понравился, хотя девчонка явно была не из впечатлительных ветреных дурочек, с первого взгляда западающих на эффектных пижонов вроде него. Ею руководил разум и инстинкт самосохранения. Только все равно шансов у нее не было никаких. Его близость ее взволновала даже без гипноза, и он не без удовольствия втянул носом тонкий аромат ее возбуждения и трепета.

Вблизи ее личико оказалось не менее привлекательным, чем ее точеная фигурка: огромные миндалевидные восточные глаза, бархатисто-зеленые, блестящие; небольшой прямой носик; красивый овал лица с заостренным подбородком; чувственный рот с фигурно очерченными губками. На ухоженной белой коже ни грамма косметики. Да она ей и не требовалась, с такими-то ресницами. Ростом она едва дотя-

гивала ему до плеча, и вообще относилась к тому типуажу миниатюрных девочек, каких мужчины любят носить на руках. Странно, как такая прелесть до сих пор умудрилась сохранить невинность. Парни таких готовы сожрать с потрохами, без шансов... Неужто ей была присуща неподдельная добродетель? Ник разглядывал ее не без удовольствия. Даже немного жаль стало такой красоты, но привычки хищника, не способного к глубокой эмпатии, брали свое, поэтому жалость и симпатия быстро улетучились, когда живот в очередной раз свело от голода из-за такой близкой и желанной добычи рядом. Он нетерпеливо закусил нижнюю губу, понимая, что сегодня, именно сейчас, вполне может слететь с катушек и не остановиться вовремя.

– Нет, не знакомы... Но хотелось бы это исправить. При чем немедленно, – ответил Ник после затянувшейся паузы и одарил ее улыбкой, холодной как сама смерть. Он сделал к ней шаг. Она ошарашенно попятилась, но в какие-то доли секунды он отпустил в себе хищника, давно готовящегося к нападению, налетел на нее, как взбесившийся ураган, и сжал в удушающих объятьях, зубами нацелившись точно на пульсирующую на шее артерию.

С ним редко когда такое происходило, но вообще-то в какой-то момент он выпустил ситуацию из-под контроля и позволил себе расслабиться. Столько раз он успешно и совершенно беспрепятственно совершал это упоительное и безнаказанное действие – акт насыщения, что, видимо, позволил

себе потерять бдительность. Да и стоило ли ожидать сопротивления от щупленькой, легкой как пушинка невинной девчонки? В общем Ник вдруг почувствовал резкий и болезненный укол в бедро. Эта сучка, кажется, умудрилась как-то опередить его укус и чем-то его ранить, да еще и увернуться от его зубов, потому что они звонко клацнули всего в сантиметре от ее соблазнительной шейки, не добравшись до возжеленной цели. А затем... затем девушка ловко выскользнула из его почему-то ослабших рук и отскочила в сторону, а он начал задыхаться, его голову и грудь объял сухой жар, во рту пересохло, окружающая реальность поплыла перед мутнеющим взором, ноги подкосились, и он рухнул на пыльный асфальт на колени, а потом и ничком, не в состоянии даже подставить руки, чтобы смягчить удар.

ГЛАВА 1

Шестью годами ранее...

Марьяна сидела в холле приемного отделения детской больницы и дрожала так, что это, должно быть, было заметно со стороны. Зуб на зуб не попадал, руки и ноги были ледяными и не находили себе места, вдоль позвоночника то и дело пробегал жестокий озноб, от которого холод пробирался до самых внутренностей. Она пыталась следить за тем, что творилось вокруг, выискивая в наводненном людьми помещении отца или мать, но их не было уже больше трех часов, и в сердце начинал расти слепой, безотчетный, ничем не объяснимый страх, что ее забыли и оставили тут навсегда. Марьяне уже было двенадцать. Она понимала, что родители не оставят ее здесь одну, что они заняты, и им не до нее. Ей просто нужно взять себя в руки и набраться терпения. Но только события этой ночи совершенно не позволяли ей мыслить здраво, ужас перед произошедшим несчастьем с ее младшей сестренкой напрочь отшибал всякую логику, он вносил панику, он сводил с ума, он пожирал изнутри, заставляя сгибаться пополам от спазмов в животе.

Маленькие пациенты сменялись постоянно. Марьяна уже потеряла им счет. Одни, со сломанными ногами и руками, направлялись по коридору направо, в травмпункт, других провозили мимо на каталках, третьи сидели в очереди у ка-

ких-то кабинетов и на вид даже не казались такими уж большими. Большинство вообще были грудничками. Только все они были с родителями и рано или поздно их куда-то уводили или уносили, и лишь она оставалась здесь так долго совершенно одна, ночью, не зная, что происходит с ее сестрой и когда придут мама или папа.

В горле давно зрел комок и дико хотелось заплакать и попросить у кого-нибудь помощи, но ей было стыдно вести себя как маленькой, тем более когда все кругом больны, а она совершенно здорова... К тому же теперь она была уверена, что случилось что-то по-истине ужасное и непоправимое, хотя изначально всем казалось, что Настя всего лишь подцепила обычную ОРВИ. Мама лечила ее как всегда, да и участковый врач не заметила ничего особенного, но прошло дня три, а сестре только стало намного хуже, этой ночью температура у нее скаканула за сорок и вдобавок пошла носом кровь, а на теле появились странные синяки.

Марьяна понятия не имела, что все это значит, да и мама, кажется, пребывала в панике и шоке, не в состоянии что-либо ей объяснить. Когда наконец прибыла скорая, врачи попросили ее выйти из комнаты, когда осматривали Настю, но Марьяна лишь скользнула за дверь и вся превратилась в слух. Тогда-то она и узнала, что все очень плохо, и что у сестры, скорее всего, внутреннее кровотечение... Как?! Почему?! Никто пока что не потрудился ей объяснить. Папа работал в ночную смену, а мама сама пребывала в полуоб-

морочном состоянии. Бледную сестру без сознания погрузили на носилки, делали какие-то инъекции, надели маску, и про Марьяну все забыли... Только потребовали собраться и ехать вместе со всеми, чтобы не оставаться дома одной. Марьяна, как была в пижаме, только и успела нацепить на себя курточку и надеть кроссовки. Возможно, поэтому она все еще никак не могла согреться, ведь весенние ночи пока еще были прохладными.

Почувствовав вдруг чью-то ладонь на своем плече и заметив краем глаза склонившуюся над ней сбоку фигуру, девочка подпрыгнула на месте и чуть не вскрикнула от неожиданности.

– Ты с кем? – строго спросила женщина в брючном темно-зеленом костюме врача, внимательно заглядывая в лицо оторопевшей девочки пытливым взглядом.

– Я... я с родителями... и сестрой... ее привезли сюда с... – Марьяна не смогла озвучить тот кошмар, который произошел с Настей, и быстро облизала пересохшие обкусанные губы, – с чем-то серьезным... – выдавила она из себя и быстро опустила глаза, почему-то чувствуя себя провинившейся. Рука врача зачем-то коснулась ее лба и показалась ей приятно-прохладной.

– Как себя чувствуешь? По-моему, у тебя жар... – Врач, довольно молодая рыжеватая блондинка с веснушками на носу, но какая-то измотанная и бледная, присела на корточки и продолжала сверлить ее своими пронизательными се-

рыми глазами. Брови ее были сведены, и Марьяне показалось, что та ею не довольна.

– Я... просто замерзла... – попыталась оправдаться она.

– Боюсь, что не просто... Подожди... – врач быстро поднялась, вздохнула и снова положила руку Марьяне на плечо, будто пытаясь ее удержать. – Ань! – громогласно и гневно окликнула доктор какую-то другую молодую женщину в медицинском халате, должно быть, медсестру. – Почему у нас ребенок с температурой сидит без присмотра?! Давай ее в четвертый бокс! Мне нужен анализ крови и градусник.

– Четвертый занят, – встрепенулась медсестра, глядя на Марьяну так, будто впервые ее увидела, хотя за три часа пробежала мимо нее уже сотни раз.

– У нас все занято! – огрызнулась строгая блондинка. – Я должна ее осмотреть все равно где. Пойдем! – тем же командным тоном приказала она в конец растерявшейся девочке, которая теперь и вправду почувствовала головную боль, слабость, ломоту во всем теле и смертельную усталость. Тем не менее, она заставила себя подняться и пойти за удаляющимся по коридору зеленым брючным костюмом, едва поспевая. Врач свернула в один из кабинетов, Марьяна свернула за ней, беспокойно оглядываясь по сторонам и все надеясь, что вот именно сейчас, откуда ни возьмись, покажутся мама или папа. Только их по-прежнему не было видно, и все, что ей оставалось, это подчиниться единственному взрослому, который сейчас проявил к ней внимание и заботу.

– Садись, – потребовала доктор, указывая на кушетку и сама усаживаясь на стул напротив. – Рассказывай, что болит, как себя чувствуешь.

Эти вопросы тоже прозвучали как приказ, и Марьяна поспешно сглотнула, чтобы совладать с голосом.

– Не знаю... как-то не очень... голова болит, холодно и трясет, – зубы и правда продолжали стучать.

– А чем, говоришь, твоя сестра заболела?

– Я... Мне не сказали... Она... у нее... температура была высокая, синяки на теле и, кажется, я видела у нее кровь на губах... – Марьяна как-то вдруг вспомнила это кошмарное зрелище, увиденное мельком, и ее невольно передернуло. – Врач скорой говорил родителям, что у нее внутреннее кровотечение...

– Так... – обдумывая услышанное, протянула молодая женщина, внимательно осмотрела Марьяну с ног до головы, закатала ее рукава, заглянула в глаза, потребовала открыть рот и посветила туда фонариком, а затем помогла стянуть ей куртку и верх от пижамы и провела пальцами по коже. – Как зовут твою сестру и тебя?

– Сестра – Настя Логинова. Я Марьяна.

– Значит, так, Марьяна. Сейчас мы возьмем у тебя кровь и мочу на анализ, медсестра принесет градусник, я позже загляну узнать, как у тебя дела. Думаю, нам придется тебя госпитализировать и получше обследовать. Твоих родителей я найду и про сестру все узнаю. Так что оденься-ка обратно и

посиди здесь спокойно. Все будет хорошо. Поняла?

Последние слова тоже прозвучали в том же деловом и строгом тоне, что и предыдущие, поэтому Марьяна поспешно кивнула. Ей очень хотелось верить, что все будет хорошо, потому что в голову проворными цепкими щупальцами стали заползать жуткие мысли о том, что, возможно, и она больна тем же, чем и Настя... Оставшись на какое-то время одна, девочка закрыла глаза, думая, что сейчас заплачет, но сил почему-то не осталось даже на это. Она закуталась кое-как в курточку и прилегла на кушетку, свернувшись калачиком, даже не снимая кроссовок. Теперь уже она отчетливо узнавала это состояние – ее трепала высокая температура...

Инфекционное отделение больницы казалось адом. Маленький тесный муравейник до предела наполненный тяжело больными детьми и их родителями, в котором больше всего на свете хотелось забиться в какой-нибудь угол, чтобы не слышать надрывный кашель и плач, страшные диагнозы и названия непонятных процедур, обследований и операций. Но больше всего хотелось не видеть все эти больные лица, сопливые носы, воспаленные глаза, фурункулы, пылающие в агонии тела, рвоту, грязные судна и не чувствовать пропитавший все запах болезни, лекарств, хлорки, туалета и больницы столовой. Только в этом замкнутом пространстве пе-

реполненного отделения попросту некуда было деться. Кровати стояли даже в коридоре и в проходном холле между палатами. Даже в общий для целого этажа туалет постоянно стояла очередь, так что и там невозможно было уединиться надолго.

Единственное место, куда можно было иногда сбежать, был коридор, через который из отделения можно было пройти к выходу из здания. Там было холодно, темно, неудобно, по битому кафельному полу тянуло сквозняком, да еще чаще всего там за столом сидел охранник, следивший за тем, чтобы ни один пациент не сбежал из ада. Сейчас охранника на месте не оказалось, и Марьяна с облегчением выскользнула за тяжелую дверь, опустилась на ободранный диван и поджала под себя ноги. Как же легко и приятно здесь дышалось! Два дня назад здесь же ей разрешили немного повидаться с папой. Он передал ей вещи, но сказал, что больше им видеться вплоть до выписки не разрешат, так как в инфекционном отделении карантин, а ему ни в коем случае нельзя что-нибудь подцепить и, не дай бог, заразить Настю. У той, как выяснилось, обнаружили рак крови, и ее перевели в другую больницу, онкологическую, она находилась в тяжелом состоянии, и ей требовалась химиотерапия, а в будущем и пересадка костного мозга. Маму положили вместе с ней. У Марьяны был всего лишь грипп, поэтому папа попросил ее набраться терпения и быть мужественной и взрослой девочкой, потому что без ее поддержки им всем не справиться.

ся с этой бедой. Ей придется пролежать здесь еще недели две, потерпеть уколы, капельницы, процедуры, таблетки и всякие неудобства, а потом ее заберут, и все пойдет для нее, как прежде... Относительно... Если с Настей все будет в порядке... Но последнее «относительно» и «если» папа уже не озвучивал вслух, Марьяна сама догадалась по его виду, что в порядке, скорее всего, ничего не будет... и как прежде тоже...

Иногда Марьяна терпеть не могла Настю... та порой бывала вредная и очень умело злоупотребляла своим положением младшей... Но сейчас, сейчас она готова была простить ей все на свете, лишь бы снова увидеть ее веселой, беспечной, здоровой, даже пусть немного задиристой и хитрющей. В конце концов, самой Марьяне тоже иногда бывало стыдно за свое поведение. В некоторые моменты на нее будто накатывало что-то: распирала злость, зависть, чувство несправедливости, ревность... Теперь же она пыталась припомнить эти чувства и породившие их обстоятельства, но никакой логики в своем поведении не просматривала... В общем, она сама порой бывала хороша...

Шмыгнув носом и поплотнее прижимая ноги к подбородку, чтобы было теплее и чтобы меньше болел живот, девочка уныло озиралась по сторонам. Смотреть тут было не на что, коридор как коридор, больше похож на подъезд старого дома, чем на помещение больницы. От такого вида на душе тоже становилось уныло. К тому же внутри у нее все опять

начинало крутить... За восемь дней, проведенных здесь, в очаге всяческих инфекций, она, скорее всего подцепила еще что-то, отчего много раз приходилось бегать в туалет. Такое тут происходило со всеми: попадали в больницу с одним, а лечились уже от целого набора симптомов и диагнозов, на это жаловались все мамы. Впрочем, вылечивали и выписывали в итоге тоже всех, так что Марьяна могла быть спокойна за итог... Главное, что у нее не обнаружили того же, что у Насти...

В конце коридора вдруг скрипнула огромная входная дверь. Девочка невольно плотнее обхватила руками колени, будто охранник тогда не заметит ее на диване... Но в дверь проскользнуло что-то маленькое, хрупкое и светлое, кажется, ребенок, какая-то девчонка. Пялиться было как-то неудобно, но пришедшая вела себя странно. Она начала напевать что-то себе под нос и прыгать по плиткам пола так, будто играла в классики. Судя по росту и виду, лет ей было приблизительно столько же, сколько и Марьяне, но слишком уж непосредственное поведение в совершенно неуместном месте как-то не вязалось с обликом этого странного существа. Девочка уложила руки на подтянутые к подбородку колени и уперлась в них щекой, лениво наблюдая за развлекающейся не по годам сверстницей, пока та не приблизилась настолько, что Марьяна уже могла хорошо разглядеть ее лицо и весь ее вид. Довольно хорошенькая, вся такая ухоженная и модная. Сразу было видно, что она из хорошо обес-

печенной семьи, что вещи у нее марочные, и что мама явно следит за ее стилем, даже не просто следит, а помешана на нем. Белоснежная дутовая курточка с тонкой меховой оторочкой и стразами, пухлая вязаная розовая шапочка с кошачьими ушками, из-под которой во все стороны рассыпались светлые густые кудри, шарфик с большими пушистыми помпонами, короткая мини, лосины, вязаные гетры и увесистые высокие розовые ботинки на тяжелой платформе... перчатки тоже белоснежные, с кошачьими лапками на ладонях и со снимающимися пальцами... Круто...

Девочка в пижаме презрительно фыркнула про себя. Таких вообразил и выпендренниц она терпеть не могла. Они с утра до вечера жужжали о всякой дребедени типа модной одежды, косметики, украшений и прочей фигни... но больше всего о крутых тачках родителей, о дорогих ресторанах и поездках куда-то за границу, где останавливались исключительно в пятизвездочных отелях. Марьяне порой казалось, что им плевать на страны, куда те ездили, их интересовали исключительно понты. Задай им любой вопрос по географии – и они точно сядут в лужу...

Между тем, девочка, приблизившись, остановилась прямо напротив, завела за спину руки и улыбнулась во все тридцать два белоснежных зуба.

– Ты чего тут сидишь? – с любопытством поинтересовалась она, как-то бесцеремонно заглядывая Марьяне в лицо.

– А ты чего тут скачешь? – буркнула в ответ Марьяна,

глядя на нее исподлобья.

– Да просто настроение хорошее... А ты, я вижу, не в духе... – Девочка походила туда-сюда у нее перед носом, но потом вдруг приземлилась рядом на диван, закинув ногу на ногу и в свою очередь начиная изучать Марьяну с ног до головы. – Ну и что у тебя за диагноз? – Не слишком-то деликатно поинтересовалась она наконец и тронула свою неприступную собеседницу за плечо, причем как-то нелепо ткнула ее пальчиком в перчатке, будто зверушку, с которой хотела развлечься.

– Не твое дело, – также невежливо ответила Марьяна, которую передернуло от такой фамильярности. – А будешь трогать – заразишься. Тут инфекционное отделение к твоему сведению.

– Я тебя умоляю! – модница хихикнула и картинно закатила глазки. – Я получше тебя знаю все местные отделения. К тому же ничем я не заражусь. У меня иммунитет от всех болезней.

– Не ври. Так не бывает.

– Бывает.

– Пфф! – фыркнула Марьяна теперь уже вслух. Такую чушь она терпеть не могла, но и спорить с полной дурой не собиралась.

– Ладно. Не веришь – как хочешь, – беспечно заявила девочка вместо того, чтобы обидеться. Она лишь устроилась поудобнее на другом конце дивана, развалилась на нем по-

дулежа и закинула на сидение одну ногу, почти касаясь ботинком пижамы больной. Марьяна не выдержала и повернула голову, поняв, что эта балда в добавок ко всему еще достала откуда-то яблоко. Вот уж ума палата – притащиться в инфекционное отделение, чтобы закусить! Но вслух она ничего не сказала, лишь покачала головой и тяжело вздохнула. Девчонка ее бесила, но уходить отсюда раньше времени в жару, смрад и столпотворение отделения совсем не хотелось. Пришлось только крепче прижаться к подлокотнику, чтобы не касаться этой развязной штучки.

– Может, хочешь? – поинтересовалась незнакомка, ничуть не унывая и протягивая яблоко Марьяне. – Меня угостил один пациент, которому оно уже больше не пригодится.

– Вот спасибо! Я не стану брать еду у незнакомого человека, тем более от неизвестных мне пациентов. У меня же нет иммунитета от всех болезней... – съязвила Марьяна.

– Ах, да...

На этот раз девочка, похоже, смутилась и даже куда-то убрала яблоко, а Марьяне вдруг стало стыдно. Ну чего она опять вредничает, ведь эта пигалица не сделала ей ничего плохого, даже попыталась угостить. Подумаешь, слегка не в себе... Все мы немного сумасшедшие...

– У тебя кто-то из родителей здесь работает? – из вежливости поинтересовалась она.

– У меня? – искренне удивилась девочка со светлыми кудряшками. – Еще чего не хватало... Неприятное место...

– Тогда что же ты тут делаешь?

– Да так... гуляю...

– Э... по больнице? – Марьяна на этот раз подняла голову и уставилась в неестественно светящееся жизнерадостностью лицо. Ярко-голубые глаза незнакомки просто лучились от счастья, а губы улыбались лукавой, какой-то то ли хищной, то ли язвительной улыбочкой, от которой по спине пробежался табун мурашек.

– А что? – юная хищница небрежно пожала плечиком, продолжая улыбаться. – Здесь можно встретить весьма любопытные экземпляры... Поболтать...

– И многих ты сегодня повстречала? – решила поддержать этот бредовый диалог Марьяна уже из любопытства, хотя под ложечкой начало как-то неприятно ныть и посасывать. Что-то в этой девочке казалось странным, чужим, опасным. Может, она действительно сумасшедшая? Кажется, бывали такие психи, которые сначала издевались над животными, а потом, попрактиковавшись и набравшись смелости, могли с улыбкой достать ножик и... Марьяна сглотнула, проклиная себя за то, что иногда почитывала желтую прессу, пестрящую подобными статьями, а потом боялась. Папа ее за это ругал.

– Да не то чтобы... – не спеша ответила модница. – Познакомилась тут с одним клевым парнем из кардиологии... Симпатичный такой, старшеклассник... Перенес операцию на сердце, но уже шел на поправку... Правда... вот только

что вдруг внезапно умер... – последовала странная пауза, зловещая, потому что все вышесказанное было произнесено каким-то небрежным, глумливым тоном и все с той же странной улыбочкой. Марьяна даже задохнулась, не зная, как реагировать и глядя на собеседницу широко распахнутыми глазами. Девочка, между тем, продолжила как ни в чем не бывало. – Потом я просто прошлась по территории, заглянула сюда, и вот наткнулась на тебя...

Модная пигалица снова недобро улыбнулась, и Марьяне даже показалось, что улыбка у нее какая-то неестественная, зубастая, как у оскалившейся собачонки, которая вдруг увидела что-то смешное.

– Мне его жаль... – пробормотала она, не зная, что еще сказать и действительно испытывая сожаление.

– Мне тоже немножко... – не слишком-то искренне отозвалась собеседница. – Так чем ты болеешь?

– Обычный грипп... – нехотя созналась Марьяна, чтобы не показаться слишком уж упертой или трусливой и не желая признавать, что находилась в шоке.

– А... фигня... – девочка, кажется, немного разочаровалась и даже небрежно отмахнулась. – Я-то думала, тут по какому-нибудь серьезному поводу карантин...

Марьяна нахмурилась. Все в ней возмущалось из-за такого небрежного тона, такой наглой насмешливой улыбки, такого высокомерного вида этого злого избалованного подростка. Даже страх куда-то отступил на мгновение.

– Нашла чем интересоваться! Тебя, похоже, забавляют чужие страдания? – вспылила она, даже не замечая, что на глазах у нее выступили слезы.

– Угадала, – ухмыльнулась эта маленькая стерва подленько, будто наслаждаясь такой эмоциональной реакцией. – Я люблю редкие, особенно неизлечимые болезни. А вот что с тобой-то не так? Ты же говоришь, что не больна ничем серьезным...

Марьяна вскочила с места, хотя девочка даже не думала подниматься. Так и сидела, развалившись на старом драном диване, как у себя дома перед телевизором, и смотрела на стоящую Марьяну снизу вверх, но все равно свысока и насмешливо.

– Если хочешь знать, у моей сестры рак крови! И она, может быть, умрет! И ты понятия не имеешь, как это ужасно – знать, что близкий человек страдает! Она даже младше меня на три года! – Марьяна даже не почувствовала, что у нее по щекам всюду текут слезы, а руки так крепко сжаты в кулаки, что костяшки пальцев побелели.

– Ах, вот оно что... Так и думала, что что-то с тобой все-таки не так... Что ж... на онкологических я тоже насмотрелась достаточно... Это очень, очень, очень страшная болезнь... – со вкусом, будто наслаждаясь каждым произнесенным словом, протянула эта дрянь. – При особо тяжелых формах внутренности просто превращаются в кровавый кисель после химии... они кашляют кровью, ходят в туалет

кровью, их рвет кровью, и с них слезает кожа, а еще у них выпадают волосы... Так что я тебе не завидую... Такая сестра – сущий кошмар!

– Это неправда! Ты... ты... Ты просто гадина! – не выдержала Марьяна, вся вскипая от шока и возмущения и одновременно захлебываясь слезами, которые сдерживала все это время, не позволяя жалости к себе и страху за сестру взять верх.

– Не стану с тобой спорить... – невозмутимо ответила ее бессердечная собеседница и наконец неторопливо поднялась с места. – Но знаешь что? Ты мне чем-то понравилась. Все-таки не такая доверчивая дура, как большинство, ну и не боишься говорить правду что ли... Поэтому я даже могу тебе помочь советом, хотя сомневаюсь, что ты к нему прислушаешься. Твою сестру можно спасти. Она полностью излечится, если ты кое-что для нее сделаешь...

– Что? – Марьяна в конец растерялась, особенно теперь, когда девочка стояла прямо напротив нее и смотрела ей в глаза своим жутким тяжелым колючим взглядом. Дыхание перехватило, сердце замерло, руки вспотели от волнения.

– Тебе всего лишь нужно найти вампира, который согласится ее обратить, – с полной серьезностью, на сей раз без тени насмешки, ответило это маленькое чудовище в обличье ребенка. Теперь она почему-то показалась Марьяне совсем взрослой и еще более опасной.

– Что?! – только и смогла выпалить она.

– Ну да... например, такого как я... Которого тянет на слабых и больных... Правда, заранее хочу предупредить... я никого обращать не собираюсь. Слишком рискованно и сложно. Да и плевать я хотела на тебя и на твою сестру...

– Что за бред! – выдохнула Марьяна, тут же задыхаясь.

– Можешь думать, что хочешь... Я и так слишком многое тебе рассказала... Ну, счастливо! – девочка сняла перчатку и кокетливо помахала пальчиками прямо перед лицом ошарашенно уставившейся на нее маленькой пациентки в пижаме, а затем развернулась и пошла по коридору, иногда подсакивая на битых плитках и бормоча себе под нос какую-то песенку. Слишком поздно до Марьяны дошло, что во всем ее облике было не так и почему ноги у нее подкашивались от ужаса: вся ладонь и пальцы девчонки были вымазаны в застывшей крови, как и край белоснежной куртки, который стал виден, когда она подняла руку... Проходя мимо урны у входа, девочка отравила в нее даже не начатое огромное красное спелое яблоко, которое с громким стуком ударилось о пустое железное дно. Марьяна бросилась к двери отделения, ворвалась в нее, врезавшись в идущую навстречу медсестру и, даже не извинившись и не обращая никакого внимания на ее возмущения, понеслась в свою палату. Нет, лучше уж болезнь, жара и вонь, чем этот пустой холодный коридор и этот монстр в обличье белокурого ангела!

ГЛАВА 2

Наше время...

Ночное осеннее небо обрушилось сегодня на город проливным дождем, таким ледяным и безжалостным из-за бешеных порывов ветра, что вода проникла везде, промочила до костей, не оставив на теле ни одного клочка сухой одежды. Кроссовки тоже набрали воды и противно хлюпали по лужам, уже ни капельки не согревая ноги. Сначала Марьяна шла под старым маминым зонтом, но после того, как особенно жестокий шквал изломал его спицы в труху, оставалось только перейти на бег и нестись по пустым малоосвещенным лабиринтам дворов, обтекая холодными потоками. Некоторые участки привычной дороги к дому были настолько темными, что в любое другое время она замедляла ход, чтобы собраться с духом и нырнуть в эту темноту. Сейчас же она неслась, не останавливаясь, благо каждую кочку, каждую яму, каждый бордюр она давно выучила наизусть и едва ли могла споткнуться. Ну а лужи ее сейчас не пугали. Весь тротуар превратился в вышедшую из берегов реку, которая давно уже пробралась в ее обувь.

В этот не слишком-то уютный и благоустроенный окраинный район семья Марьяны переехала шесть лет назад, вскоре после того, как у Насти впервые обнаружили рак крови. Старую их большую квартиру на Васильевском острове при-

шлось продать, так же как и дачу, чтобы были деньги на дорогостоящие импортные препараты. От отечественных, как утверждали врачи, можно было запросто отправиться на тот свет гораздо быстрее, чем от болезни. Теперь семья из четырех человек ютилась в крошечной двухкомнатной квартирке на первом этаже. Одну спальню занимали девочки, другую – родители. В те периоды, когда Настя чувствовала себя особенно плохо, Марьяна с мамой менялись местами. Тогда мама ночевала в ее постели и дежурила у кровати больной, а она спала на раскладном кресле в одной комнате с отцом. Но в тесноте, да не в обиде, как говорится.

Сейчас Марьяна мечтала только об одном: сбросить с себя мокрую и отяжелевшую одежду, отпариться в горячей ванне, а потом поужинать и выпить чаю в теплом семейном кругу. Папа работал в ночную смену электромонтером в метрополитене, но его рабочий день начинался в одиннадцать вечера, а сейчас было только восемь. Это значило, что все будут в сборе, встретят ее приветствиями и расспросами, составят ей компанию за столом и будут весело делиться последними новостями под звуки маленького телевизора.

Марьяна отперла дверь своим ключом и скользнула в прихожую. Папа и мама сидели на кухне, о чем-то тихо переговариваясь, даже не услышали, как она вошла. Встречать ее выбежал только белый персидский кот Фунтик, уже старенький, почти глухой и подслеповатый на один глаз, но зато разделивший с семьей все тяготы переездов и прочих невзгод.

Он хотел было притереться к ногам хозяйки, но девушка предусмотрительно отступила на шаг назад и наклонилась, чтобы погладить пушистика и слегка отстранить его в сторону.

– Куда ж ты суешься, дурачок? Не видишь, я вся мокрая?

Отец, наконец, услышал ее голос и вышел навстречу, а Марьяна включила свет и взглянула на себя в зеркало. Видок был ужасный...

– Ну и погодка там... К тому же зонтик сломался... Не знаю, как ты пойдешь... Обязательно надевай дождевик и резиновые сапоги, – болтала она, раздеваясь, не сразу обратив внимание на то, что папа не отвечает. – Что? Что-то случилось? – наконец подняла голову она, стянув с себя кроссовки вместе с промокшими насквозь носками.

Отец вздохнул.

– Последний анализ пришел не очень хороший...

– Но... как же так? Ведь говорили, что ей становится лучше...

– Не знаю... Кто их разберет, этих врачей... Вроде, еще какой-то препарат нужен... Она плохо переносит поддерживающий курс химии...

– И сколько на этот раз?

Отец снова вздохнул и махнул рукой.

– Лучше не спрашивай...

Марьяна кивнула, долго рылась в рюкзаке, наконец извлекла откуда-то со дна несколько крупных купюр и протя-

нула отцу. Он некоторое время как-то отстраненно смотрел на деньги, потом нехотя взял.

– Сегодня повезло... – пояснила она. – Дали премию за успешные продажи... – Как и всегда, она покраснела, потому что врала. Никаких премий ей никогда не давали, а зарплата продавца-мерчендайзера была довольно жалкой. Девушка облизала губы и поспешила отвернуться. – Я только переоденусь, поздравляюсь с Настей, приму душ и приду к вам... – виновато добавила она, чтобы не продолжать этот диалог.

Она понятия не имела, догадывался ли о чем-то отец и задавал ли себе какие-нибудь неприятные вопросы насчет этих денег. Марьяна все-таки склонялась к тому, что нет. Он гордился ей, начал потихоньку на нее полагаться, мучился от того, что ей приходится сейчас работать, а не получать высшее образование... Поэтому тему предпочитали не поднимать. За все эти годы болезнь Насти редко когда давала им расслабиться. Ремиссии сменялись новыми обострениями, длительные курсы химиотерапии прерывались недолгими передышками, они начинали было обретать надежду, но болезнь неизменно возвращалась вновь. Оставалось только восхищаться терпением девочки, лучшие свои годы проводящей на больничной койке или в постели дома. Казалось, она ничуть не унывала. Стоило только отступить страшным приступам, она вновь становилась веселой оптимисткой, уверенной в завтрашнем дне, порхала по дому, училась дистанционно, готовила, гуляла, занималась обычными девичьими

делами. Что бы они только делали, если бы не ее боевой дух и неиссякаемая надежда...

– Ну и что они там уже успели тебе наплести? – встретила она Марьяну вопросом с беспечной улыбкой вместо приветствия, когда та зашла в их общую комнату. – «Кошмар-кошмар! Она снова умирает!» Мне кажется, на эту тему уже можно писать комедию... Младшая сестра полулежала на постели, упрямо скрестив на груди руки, но как всегда худенькая и бледная, с головой, обмотанной платком, чтобы скрыть отсутствие волос. Однако, на ее белом как мел лице сияли двумя огромными черными бриллиантами веселые необыкновенно живые и любопытные глаза и чуть теплилась лукавая улыбочка.

– Они только успели пожаловаться, что ты много болтаешь чепухи, плохо ешь и слишком много смеешься.

– Я, знаешь ли, слежу за фигурой. А смех – продлевает жизнь! – На этот раз она действительно рассмеялась.

Марьяна поспешно разделась до нижнего белья, пока что побросав все мокрые вещи на пол, присела на край кровати сестры, склонилась и прижалась губами к ее лбу. Настя поймала ее руки и притянула к груди, выдержала всего несколько секунд этих нежностей и тут же оттолкнула.

– Ты же ледяная вся! Промокла до нитки! Простудишься! А ну марш в ванну!

– Никуда не пойду, пока не расскажешь, что сказал врач по анализам. Хочу услышать это сначала от тебя, – строго

произнесла Марьяна.

– Ничего не скажу, пока не примешь душ! – упрямо передразнила тон старшей сестры Настя, с вызовом глядя ей в глаза.

– Ты кого хочешь доведешь... – Марьяна покачала головой, поднялась и принялась рыться в шкафу в поисках махрового халата и сухого белья.

– Вот-вот! Я еще всех вас переживу... – с готовностью подхватила эта вредная девчонка, и ее голос приобрел еще больше командных ноток. – На тебя даже смотреть холодно! Тапочки надень!

Так и не поворачиваясь, Марьяна закусила губу. Слезы сами вдруг навернулись на глаза и тут же потекли по щекам градом, подбородок предательски задрожал и горло перехватило железным ошейником. Ну что же она творила! Нельзя было позволять себе так распускаться в присутствии Насти! Да и родителей лишний раз нельзя было доводить... Им и так всем было тяжело.

– Знаешь что? – голос сестры снова прозвучал звонко, без тени грусти и дрожи.

– Что? – хрипло выдавила из себя Марьяна, мимоходом подтирая слезы и стискивая зубы.

– Я решила, куда буду поступать после школы.

– И куда же?

– На ин. яз. Хочу много путешествовать и повидать мир, а переводчики наверняка много ездят в командировки.

Марьяне наконец-то удалось совладать с собой. Она закуталась в халат и повернулась.

– Настюх... Уверена, у тебя все получится. Ты же у нас отличница.

– Ага. Ботаничка. Вся в тебя...

– Точно.

Сестры улыбнулись, встретившись взглядами. Глаза одной будто точно отражали глаза другой. Когда-то они были похожи не только этим, а еще шелковой гривой спело-ржавых волос, например, или яркими открытыми улыбками и звонким, как колокольчики, смехом. Теперь лежащая в постели девочка казалась призрачной тенью той, что стояла посреди комнаты. И все равно обе были естественно красивы и восхищали. Первая – хрупкой нежностью, сочетающейся с каким-то жизнеутверждающим бесстрашием. Вторая – бьющей через край энергией и силой, прикрывающей мягкую женственность и беспомощность.

Даже теперь, спустя шесть лет, Марьяну передергивало от детских воспоминаний о больнице. Особенно теперь, когда она стала взрослой и все яснее осознавала, что ее жизнь тогда, возможно, висела на волоске. А еще потому, что только в детском возрасте она могла всерьез воспринять услышанные тогда откровения малолетней психопатки и попытаться до-

копаться до истинности ее слов. Вампиры стали кошмаром ее детства, ее безумием, ее одержимостью, о которой никому нельзя было говорить, если она все-таки хотела оставаться для окружающих прежней рациональной, уравновешенной, серьезной, целеустремленной девочкой, какой ее привыкли считать. Желтая пресса, криминальные сводки, нездоровый интерес к любым странным происшествиям, а также мифы древности и средневековья, зловещий фольклор, сомнительные исторические изыскания и трактаты на мистические темы, эзотерика и художественная литература. Она поглощала все это стопками, ее интересовало все, что хоть как-то касалось этой темы... Что угодно, за что можно было бы зацепиться и найти опровержение своим страхам... но, может быть, на самом деле, оправдание своим надеждам?

В любом случае теперь все эти наивные вопросы приходилось оставить без ответа. Детство как-то неожиданно оборвалось с окончанием школы. Вместо вуза пришлось пойти на работу. Время беспечных романтических устремлений и достижений, за которые всего лишь ставили пятерки и гладили по головке, прошло. Нужно было становиться на ноги, вырываться из оков беспомощной и малообеспеченной жизни, помогать выбивающимся из сил родителям и взять на себя часть забот об ослабленной болезнью сестре.

С тех пор как у Насти впервые обнаружили рак крови, маме пришлось бросить работу, чтобы фактически превратиться в сиделку. По удачному стечению обстоятельств, если

такие обстоятельства вообще можно было называть удачей, она была медсестрой по профессии, поэтому, кроме навыков и квалификации, у нее еще оставались кое-какие знакомства в среде медиков. Именно благодаря этим знакомствам она иногда подрабатывала сиделкой у других онкобольных, чтобы помогать отцу содержать семью. Вот все это Марьяна обычно и приводила самой себе в качестве доводов и оправданий, когда совершала не очень хорошие поступки во благо. Все в ней сопротивлялось собственному поведению, от стыда пылали щеки, совесть выедала внутри черную дыру, неторопливо, по крошечному кусочку, упиваясь пыткой. Не молчало и здравомыслие, без конца нашептывающее, что она играет с огнем и очень скоро попадетсЯ. Не бездействовал и инстинкт самосохранения, пытающийся парализовать все тело страхом. Только первый рубеж невозврата был давно уже пройден, поэтому девушка научилась не обращать внимания на все эти голоса в голове, ну или почти не обращать...

Марьяна прошлась по продуктовому магазину, приглядываясь к витринам и товарам, но толком ничего не выбирала, а между делом незаметно осматривалась. Она понятия не имела, как действовали бы на ее месте профессионалы... Возможно, промышлять в супермаркетах они считали глупой затеей, так как здесь кругом были камеры. Но Марьяну камеры почему-то не пугали, а напротив, мотивировали и дисциплинировали. Она знала, что должна совершить невозможное – не ошибиться, не дрогнуть, не выдать себя ни вол-

нением, ни спешкой, ни странным поведением. Обычным ее ритуалом было неспешно обойти весь зал, выбрать себе пару продуктов для перекуса, типа йогурта, булочки, сока или шоколадки, и на ходу, незаметной тенью проскользнув мимо одного из покупателей, вынуть у него кошелек и отправить его в свою широкую сумку. Главное было не задерживаться рядом с ним ни на секунду и никак его не потревожить. Легкое мягкое касание одежды – вот все, что он мог почувствовать. Ради этой простой операции нужно было внимательно изучить практически всех людей в поле видимости. Ни один не должен был в этот момент смотреть на нее, иначе ей конец. В такие моменты мысли о своем возможном провале и позоре она старалась загонять далеко-далеко. В конце концов, помучить себя раскаянием можно было и позднее, когда опасность будет позади.

На этот раз Марьяна проделала все в точности как всегда: не торопясь, выбрала себе злаковый батончик и молоко, осмотрела еще несколько полок с продуктами и как ни в чем не бывало прошла в опасной, но не бросающейся в глаза близости от одной из покупательниц. Это оказалась дама лет сорока, моложавая и не агрессивная на вид, к тому же слишком медленно продвигающаяся по проходу с тележкой, нагруженной товаром. Это означало, что до кассы она доберется не скоро и пропажу заметит только минут через двадцать-тридцать. К этому моменту девушка уже успела бы оплатить свои скромные покупки.

Марьяна прошла на кассу и встала в очередь. Наметанный взгляд все равно не переставал следить за окружающими. Все, вроде бы, было спокойно, но что-то не давало ей покоя, заставляя нервничать больше, чем обычно, какое-то недоброе предчувствие. Через пару секунд она поняла, в чем дело: на нее слишком уж пристально пялился какой-то парень, стоящий в соседнюю кассу. Встретившись с ней взглядом, он и не думал отворачиваться. Напротив, в его глазах загорелись насмешливые искорки, а губы изогнулись в недоброй ухмылке. Девушка выругалась про себя, но внешне изобразила полное безразличие, лишь отвела взгляд. А администратор, между тем, дала указание открыть еще одну кассу, потому что народу скопилось слишком уж много. Та самая дама с нагруженной тележкой вдруг оказалась в ней первой и принялась выкладывать продукты на ленту. Марьяна внутренне содрогнулась, поняв, что ее взгляд отследил тот парень, который так и продолжал пялиться на нее неотрывно. Губы пересохли, но она не позволяла себе даже облизнуться, чтобы не выдать паники. Стояла себе и глазела по сторонам, как делают обычно все заскучавшие в очереди покупатели. Дама, между тем, обнаружила пропажу кошелька и принялась нервно перебирать сумку, а потом вдруг оповестила на весь магазин: «У меня украли кошелек! Только что! Буквально минут десять назад он еще точно был!». Все кругом тут же оживилось и зашумело.

Едва держась на ватных ногах, Марьяна вдруг снова вы-

ловила из толпы лицо того парня. Глядя прямо на нее, он едва заметно вытянул губы, как бы недовольно цокая, и осуждающе покачал головой. Когда же она допустила ошибку?! Где он вообще находился в тот момент, когда она... Мысль не удалось закончить... Дама вновь начала шуметь и возмущаться, требуя, чтобы всех обыскали, потому что вор еще должен быть где-то рядом. Администратор и подоспевший охранник пытались уговорить ее успокоиться. Не могли же они обыскивать и задерживать всех подряд, у них не было на это права. Единственное, что они могли, это вызвать милицию, но до ее приезда вор, скорее всего, успеет улизнуть.

Украдкой поглядывая за всем происходящим, внешне Марьяна изобразила полнейшую скуку, даже зевнула для вида. На неприятного типа, который так и продолжал за ней следить, она уже не смотрела. Чтобы выдержать эти невыносимо медленно тянущиеся мгновения, она без конца убеждала себя, что этот парень просто с ней флиртовал. Парни часто к ней клеились, хотя она и повода-то им никогда не давала. Не было у нее на них никогда ни сил, ни времени, ни терпения. А, может, просто не готова она была к этому ко всему или не встретила еще того самого... В общем в основном ото всех от них была лишь головная боль... Это только Насте было прикольно слушать всякие такие истории и допрашивать ее во всех подробностях, и как он посмотрел, и что сказал, и что она ему потом ответила и так далее. От этих мыслей Марьяна даже невольно улыbnулась. Да, она по-

том расскажет об этом типе любопытной сестренке, как-нибудь приукрасит, и та будет пищать от восторга, уже рисуя себе образ прекрасного принца. «Принц» на самом деле вовсе не был прекрасным... какой-то обыкновенный пацанчик с неприятным лицом и наглым взглядом: ходит вразвалку, как ковбой, руки в карманах, сам какой-то ссутулившийся, будто в боксерской стойке.

Ее очередь подошла. Сама не своя от облегчения, Марьяна пробила свои покупки и выскочила из магазина, чувствуя, как невероятный груз свалился с плеч. Никто не догадался, никто ее не заподозрил. И даже если этот хмырь сейчас последует за ней, она быстро даст ему от ворот поворот. Он тоже ничего не мог видеть. Просто выпендривался.

Девушка сейчас находилась довольно далеко от дома. Она старалась не показываться слишком часто в одних и тех же местах. Теперь ей нужно было всего лишь вынуть деньги, избавиться от кошелька, добежать до автобусной остановки и проехать пару кварталов. Ноги сами ускорились, сердце все еще неистово стучало, спиной она почему-то чувствовала чей-то взгляд и присутствие преследователя. Не желая оставаться в неизвестности, она стиснула зубы, сжала руки в кулаки, готовая чуть ли не кричать и отбиваться, и резко повернулась. Никого подозрительного она не увидела, и того парня тоже не было... Он либо остался в магазине, либо ушел по своим делам.

Марьяна немного успокоилась и продолжила свой путь,

теперь уже не так быстро. На этот раз мысли вернулись к кошельку, который ей удалось утащить. Он был довольно толстый и увесистый. Что ж, если денег окажется действительно много, ей еще придется как-то их распределять, чтобы отдавать родителям по частям. Она вздохнула и свернула во дворы, чтобы сократить путь и незаметно избавиться от улики. На узкой пешеходной дорожке, тянущейся вдоль забора, почти не было места. Во дворе можно было бы идти и по проезжей части, но сзади стремительно приближался черный джип, а таким лучше было уступать дорогу.

– Эй ты, воровка! – вдруг послышалось из-за спины. Эти слова почти заставили ее вздрогнуть и оглянуться. Почти! Но она удержалась. Боже упаси – позволять себе откликаться на такие окрики. Снова леденя внутри, она прибавила ходу, прекрасно понимая, что звали ее, скорее всего, из джипа. Вот же попала! Но все же главное никак не реагировать и не выдать себя, держаться до последнего, будто она действительно не понимает, о чем речь.

– Так и будешь делать вид, что не с тобой разговаривают? – снова раздался глумливый голос и гогот нескольких мужиков, а еще ее уже нагнала эта черная здоровенная машина из металла и ехала, чуть выставив вперед нее бампер. Она практически чувствовала на спине дыхание водителя, ехавшего с открытым окном. Какого черта им нужно?! Девушка взглянула вперед – там, в центре двора, располагался довольно просторный сквер с детской площадкой. Возмож-

но, если она успеет пробежать его насквозь и выскользнуть из двора на улицу через арку противоположного дома, здоровенный джип не успеет развернуться на тесных дорожках, уставленных припаркованными автомобилями. На улице будетлюдно, а не так пустынно, как здесь. Там она сможет закричать и позвать на помощь, а, если повезет, еще и отправить украденный кошелек в ближайшую мусорку или кусты.

– По-моему, девочка не понимает по-хорошему... – намеренно растягивая слова, произнесли совсем рядом, у плеча. Ее руки кто-то коснулся, и Марьяна инстинктивно дернулась и побежала. Из джипа снова раздался смех, она ускорилаь, но навстречу из-за угла вдруг вынырнул, словно из-под земли, тот самый парень из магазина с такой же препротивной ухмылочкой на губах. Девушка практически в него влетела и, наверное, упала бы, если бы его пальцы не сомкнулись на ее плечах.

– Попалась, карманница! – весело выпалил он прямо ей в лицо, но тут же как-то очень ловко развернул ее к себе спиной, заводя назад руку, и подтолкнул к подкатившему джипу. Задняя дверь уже была открыта, из нее вышел еще один мужик, даже более грозной наружности, здоровенный, пузатый, небритый, неотесанный.

– Милости просим... – чуть ли не раскланялся он, с фальшивой любезностью указывая ошарашенной Марьяне на дверь. – Прокатим с ветерком. С такими красивыми ножками разве можно пешком ходить? Только на дорогих маши-

нах кататься!

На какое-то время тело девушки окаменело от страха, отказываясь подчиняться. Впрочем, и голова соображать совершенно не хотела. Все охватило оцепенение и паника. Только спустя несколько секунд она поняла, что ее продолжают толкать к автомобилю, перекрыв все пути к отступлению. Марьяна уперлась ногами, дернула заведенную за спину руку и тут же взвыла от боли.

– ААААА! – завизжала она, что было сил. – Помогите! Убивают! ААААА! – последний ее крик был грубо прерван на взлете, как и последняя надежда. Огромная грубая мужская ладонь крепко стиснула рот, вторая продолжала выкручивать руку. Из глаз брызнули слезы, из губ вырвался подавленный стон. Любезный громила встретил ее успокаивающим шепотом, надавил на макушку и помог толкнуть в салон автомобиля. Там уже кто-то сидел внутри и протащил ее вглубь, а сзади придавила тяжеловесная туша небритого бугая.

– ААААА! – опять во все горло завопила Марьяна, зная, что крик – единственный и последний способ привлечь к себе хоть какое-то внимание окружающих, но двери уже захлопнулись, и автомобиль тронулся. Даже парень из магазина уже успел обежать машину и усесться на переднем сидении рядом с водителем.

– Орать хорош... – совсем не дружелюбно прорычал кто-то справа прямо в лицо, обдавая горячим дыханием и боль-

но схватив за волосы, а потом продолжил давать инструкции тоном, не терпящим возражений. – Сидеть спокойно. Не высовываться. Будешь рыпаться – получишь по хлебалу. Я не шучу.

– Да че ты ее так страшашь. Она сейчас со страху Серому новый салон обдует, – гоготнул тяжеловесный тип слева, который, видно, в принципе любил пошутить и разрядить обстановку.

– За это точно получит, – угрюмо отозвался водитель.

– Да хорош пиздить зазря. Поняла она все. Ты же поняла, красатуля? – встрял в разговор парень из магазина с переднего сидения.

Марьяна сидела, ошалевшая, онемевшая, беспомощно зажата между телами двух незнакомых угрожающих ей мужиков, и только изо всех сил стискивала в напряженных до боли пальцах сумку. Господи, чего такого она натворила в жизни, чтобы так попасть?! Не слишком ли это страшная расплата за то, что она совершала? Это ведь даже была не милиция, которую раньше она боялась больше всего на свете... По рожам этих типов сразу становилось понятно, что к закону они не имеют ни малейшего отношения. Внутри начало черной лавиной подниматься отчаяние, затмевающее все, до чего могло дотянуться.

– В-вы кто? – выдохнула она наконец, чувствуя, что если не заговорит и не выяснит хоть что-нибудь, с ней точно случится истерика, и тогда ее действительно могут избить пря-

мо сейчас. Таких людей лучше не провоцировать.

– Ахахах! Кто мы?! – почему-то снова развеселился толстый. – Мы – блюстители местных порядков, деточка. Следим, чтобы у всех все было хорошо, и чтобы плохие девочки вроде тебя не угрожали безопасности и материальному благополучию добропорядочных граждан без нашего ведома.

– Я-я... не понимаю...

– Да все ты понимаешь, блядь! Вдохни и выдохни, а потом подключай мозги! – В совершенно другой, грубой и злобной манере отчеканил тип, сидящий справа. На него Марьяна даже взглянуть боялась, только видела краем глаза его здоровенную тощую кисть с длинными пальцами и широкими белыми ногтями, лежащую на колене. Она походила на огромного безволосого паука, только еще с татуировками. – Кошелек в магазине спиздила? Спиздила! – продолжил он ничуть не ограничивая себя в выражениях. – Вот только отбрыкиваться не надо. Скажи спасибо, что не сдали тебя охране и как порядочные люди даем шанс исправиться.

– В-вам... нужны эти деньги? Я-я... все отдам... – зацепилась за забрезжившую надежду Марьяна. Дрожащими руками она кое-как расстегнула сумку и достала оттуда украденный кошелек, протягивая его толстому и изо всех сил пытаюсь не заплакать, хотя голос все же дрожал. – Только отпустите меня, пожалуйста! У меня больная сестра! Я поэтому воровала. Ей на лечение нужно... На операцию по пересадке костного мозга... Иначе она...

– Эй, эй, эй! – грубо оборвал ее тип с паучьими руками, вырвал из непослушных пальчиков кошелек, сунул его обратно в сумку, а сумку небрежно швырнули на пол. – Во-первых, мне такие слезливые истории уже по самые печенки. Такое только на бабок в метро иногда действует. Может, на тупых домохозяек еще. Хер его знает.

– Но эт-это правда! – прошептала девушка, задыхаясь.

– Да мне по хуй! Спиздила – расплачивайся по полной! Кстати, если ты думаешь, что мы впервые тебя застучали, то очень ошибаешься. Ты в нашем районе уже не первый раз работаешь. Добытчица, блядь!

– Я... я... я не так уж много раз это делала! – запротестовала девушка, совсем теряясь и чувствуя, как тело немеет от осознания собственного безвыходного положения. Кажется, ей и правда пришел конец.

– «Не много раз!» – злорадно хрюкнул парень на переднем сидении, передразнивая ее слова. – Один раз – не педорас, да?

Вся банда дружно заржала, сотрясаясь от гогота. Вся, кроме того чудовища, что сидело справа от нее. Этот тип молча и терпеливо выждал, пока остальные успокоятся, и вдруг извернулся и снова схватил ее за волосы, больно нагибая вперед и выворачивая шею в свою сторону. Марьяна вскрикнула, но тут же зажмурилась и закусила губу, чтобы не разозлить этого урода еще сильнее. По щекам тут же неконтролируемо потекли слезы боли.

– Дай-ка я тебе кое-что объясню, мелкая сучка! – прошипел он ей в лицо, обдавая ее своим мерзким дыханием и брызгая в нее слюной. – Ты, блядь, промышляла на чужой территории! Давно промышляла и, по моим расчетам, нехило так заработала! Ежу понятно, что этих бабок у тебя на руках давно нет, поэтому те копейки, что ты стырила сегодня, я бы мог с успехом засунуть тебе в жопу. Тебе теперь долго придется отрабатывать! Очень долго! Поняла?! – зашипел он, нещадно ее тряхнув. – Поняла, я спрашиваю?!

– Д-да! – выкрикнула Марьяна, вся трясась от ужаса, хотя в следующий момент ее мучитель дернул ее назад, усаживая ровно, и отпустил, наконец, ее волосы. Находясь в полнейшем шоке, она закрыла трясущимися руками лицо и зарыдала.

– Ну зачем, блядь, так жестко-то, а? Довел же девчонку... – Толстый, вроде как, опять за нее вступился, но девушке уже было плевать. Все это была лишь видимость заступничества. Игра в доброго и злого полицейского – не более. Боль в затылке, в шее, в руке, крупная дрожь во всем теле, ужасные слова угроз, врезавшиеся в мозг болезненными осколками и застрявшие там, прекрасно давали понять, чем ей все это грозит. Автомобиль, тем временем, куда-то катил по улицам. Марьяна неплохо ориентировалась в городе, но сейчас была настолько напугана, что с трудом соображала, где находится и что они проезжают. Все дома казались одинаковыми, все перекрестки походили один на другой как две капли воды.

Да и сколько их было, этих поворотов и перекрестков? Она не могла уследить за всем, а теперь, в подступающих сумерках, и вовсе запуталась.

– П-пожалуйста... только не убивайте... – прошептала она, едва слышно сквозь слезы.

– Не бойсь. Кто ж тебя убьет, такую перспективную, ловкую, да славненькую? – слащаво усмехнулся выследивший ее сегодня парень, обернулся к ней назад и облапал похотливым взглядом ее колени, обтянутые облегающими джинсами. – Говорят же тебе – будешь на нас работать, пока не расплатишься за причиненный ущерб. Уверен, ты девочка талантливая, справишься...

От его похабненького тона и мерзкой улыбочки у Марьяны похолодела спина.

– Я... я ничего не умею... Я даже не училась нигде... Недавно школу окончила... Я простой продавец в супермаркете... – задыхаясь, запинаясь и глотая слова попыталась возразить она, но тип спереди только строго поцокал языком.

– А вот это ты зря... Себя не нужно недооценивать... Уверен, тырить кошельки – твой природный талант. Не каждая сможет так ловко... Я ведь от тебя давно фигею, цыпочка... Поверь, не будь я профи, ни за что бы не вычислил... К тому же ты наверняка и в постели – жаркая штучка. Мужики тащатся от таких славных миленьких девочек. На панели такие бабки будешь зашибать, что и не снилось, если, конеч-

но, не будешь лениться раздвигать ножки. Ты главное, всегда помни, кто твой хозяин, и расплачивайся в срок. Тогда и горя знать не будешь. Защитим, прикроем, из любой жопы вытащим, у нас тут один за всех и все за одного, как у мушкетеров, блядь. Ну да тебе еще умные люди объяснят, что к чему...

Слушая и постепенно постигая весь этот кошмар, Марьяна чувствовала, как ее с головой накрывает безысходность и паника. Нет, все это не могло быть правдой! Это был какой-то злой розыгрыш или страшный сон! Стоит ей ущипнуть себя побольнее – и она обязательно проснется!

– Я... я несовершеннолетняя... – глотая слезы, пролепетала она, прекрасно понимая, как неубедительно это звучит. Толстый хмыкнул, но ответил ей снова этот моральный урод, расположившийся рядом с молчаливым водителем.

– Да кого это сейчас парит? – небрежно усмехнулся он. – К тому же я уже выяснил про тебя все необходимое. Тебе скоро будет девятнадцать. Кстати, один тебе совет – кончай давай врать своим, если головняков не хочешь. Вкуриваешь, Марьяна?

Услышав свое имя, девушка почувствовала, как живот скрутило болью. Она стиснула зубы и вцепилась ногтями в собственные джинсы, но все же кивнула, потому что этот тип обернулся, ожидая от нее полной покорности и согласия. В груди тоже жгли рвущиеся наружу рыдания, горло перехватил жуткий спазм. Это конец... конец... Какая-то нелепая

ловушка, о какой она и подумать никогда не могла... Она откинула голову назад, на спинку сидения, уже покорившись безысходности. Автомобиль, между тем, вывернул на КАД и несся по эстакаде. Недавно включившиеся огни вдоль трассы сливались для нее в рваные огненные полосы, слезы беззвучно текли по щекам и душили, душили, душили подкапывающим ужасом.

– К-куда вы меня везете? – спросила она через некоторое время, когда удалось немного взять себя в руки.

– Познакомиться кое с кем, – угрюмо отозвался Паук. – Главный хотел лично тебя видеть. Он дорожит новыми ценными кадрами. Поэтому любезнее с ним. Понравишься – будешь вся в шоколаде.

Марьяна попыталась сглотнуть ком в горле, но его будто стиснули железным ошейником. Рука сама невольно потянулась к шее, но снимать оказалось нечего.

ГЛАВА 3

Вся дорога проходила в полном молчании. У девушки больше не осталось вопросов. После перенесенных потрясений она совсем вымоталась и ослабла. Глаза безразлично следили за проносящимися за окном черными деревьями. Автомобиль уже очень давно мчал их по загородному шоссе, и Марьяна понятия не имела, где они находятся. Чувство времени тоже ее подвело. Сколько уже прошло? Два часа? Три? А, может быть, всего минут сорок... Говорят, в аду понятия времени не существует. Паника совершенно не давала ей сосредоточиться, болела голова, пульсировало в висках, слипались и ныли уставшие от слез глаза. Когда вдруг зазвонил мобильный, она даже не сразу поняла, что он звонит у нее в сумке. Марьяна запоздало вздрогнула, но тяжелая паучья рука тут же накрыла ее руку.

– Подожди, пока пройдет звонок. Потом отдашь мобилу мне, – прорычал ей грубый голос справа. – Нужно пояснять, что никто не должен знать о том, на кого ты теперь работаешь?

Марьяна поспешно помотала головой.

– К ментам тоже не советую обращаться. Там есть наши люди. Зато если попадешься – вытащим.

Сама себя не контролируя, девушка горько усмехнулась. Кто бы сомневался, что в полицию ей тоже путь заказан? Ка-

жется, у нее начиналась истерика... Только бы не сойти с ума и не выкинуть что-нибудь, о чем ей потом придется очень пожалеть... Телефон умолк, она достала его и передала этому паучьему ублюдку. Последняя связь с нормальной жизнью, с привычным миром, была потеряна.

Между тем, джип явно начал замедляться. За окном было темно – глаз выколи. Небо еще оставалось светло-серым, солнце не совсем село за горизонт, но в тени деревьев уже царила ночь, да и фонарей что-то нигде не было видно. Теперь они двигались по какой-то узкой проселочной дороге, по-видимому, старой и заброшенной, потому что джип подскакивал на каждой кочке и раскачивался из стороны в сторону из-за ям, ухабов и выбоин в асфальте. Справа тянулась кованная решетка какого-то забора, но за ней не было никаких построек, дорожек или иных признаков цивилизации, только черный лес. Когда они наконец добрались до облезлых покосившихся ворот, и джип повернул в их сторону, озарив светом фар выведенную ржавыми буквами надпись, Марьяна прочла: «Аврора». Ассоциации и догадка пришли мгновенно – это был заброшенный пионерский лагерь.

Водитель открыл окно, махнул рукой и крикнул: «Свои!» Откуда ни возьмись появившийся у ворот мужик снял засов и по очереди развел скрипучие створки, между которых здоровенный Рейнджровер еле протиснулся. Теперь Марьяна разглядела покосившуюся полусгнившую деревянную постройку справа: скорее всего, некий пропускной пункт, но

изрядно пострадавший от времени. Рядом с ним был припаркован еще один джип и два мотоцикла. Там же толклись, покуривая, их владельцы. Господи, куда она попала?! Марьяна облизала губы и попыталась вспомнить какую-нибудь молитву, хотя верующей не была. Когда-то в детстве мама научила ее нескольким, но сколько бы она ни молилась тогда за здоровье сестры, это не помогало. В результате пришло разочарование и злость. Верить в жестокое божество, допускающее все эти муки и кошмары, совершенно расхотелось. Но сейчас ей просто нужно было чем-то занять мозг, чтобы не сойти с ума от обуявшего ужаса.

– Да не дрейфь ты... – едва слышно шепнул ей толстый, чуть тронув за рукав на плече. – Все будет путем.

Марьяна прикрыла глаза и выдохнула, но тут же снова начала нервно вглядываться в медленно проплывающие за окнами виды. Поросшая жухлой травой дорога, когда-то заасфальтированная, вела в глубь территории по одичавшему лесу. Валежник, непроходимые заросли кустов, облупившиеся гипсовые скульптуры пионеров, полуразрушенные корпуса лагеря с черными провалами окон, как беззубые рты в ужасе кричащих стариков, а еще кучи мусора, строительного и бытового, в беспорядке разбросанного практически везде, до чего доставал глаз. Все это рисовало в голове дикие сцены насилия, унижения и жестокости, скрытые от посторонних глаз и потому безнаказанные.

– П-пожалуйста, не трогайте меня... Отпустите... Я нико-

гда больше ничего не украду... – снова заскулила Марьяна едва слышно.

– Рот закрой, – коротко рявкнул Паук, давая понять, что терпение у него не железное.

Девушка хотела было еще что-то сказать, умолять, убеждать, доказывать, но автомобиль вдруг выехал на освещенную светом многих фар площадку и остановился. Когда-то она, видимо, служила местом общего сбора пионеров на торжественную линейку. На нее выходили фасады нескольких больших кирпичных корпусов, сейчас представляющих из себя облезлые, расписанные граффити, поросшие травой и мелким кустарником развалины. А еще вместо пионеров в белых рубашках, коротких шортиках и красных галстуках на шее здесь толпились всякие отморозки, и были припаркованы их транспортные средства: джипы, седаны, фургоны, мотоциклы. Только благодаря их включенным фарам площадь была ярко освещена. Направленные лучи выхватывали из тьмы леса жуткие виды искореженных построек, полуразрушенного обелиска, раскрошенных клумб, когда-то благоухающих цветами, а сейчас заплеванных и забросанных мусором. Байкеры были облачены в кожу и вальяжно расхаживали, подсвечивая темноту сигареткой, или сидели верхом на байках, не желая расставаться со своими железными конями ни на минуту. (21.04. – далее по 10.000 знаков через день)

Остальной народ был разношерстный, но Марьяна не

успела всех рассмотреть, потому что все ее сопровождающие вдруг покинули автомобиль, а Паук еще и ее прихватил с собой, ухватив пятерней за воротник куртки, как котенка за шкирку. Он выволок ее на улицу и потащил, так и не отпуская, заставляя нелепо перебирать ногами по раздолбанному асфальту в полуподвешенном состоянии. Дыхания не хватало, глаза слепили слезы, от слабости невозможно было в полной мере управлять телом, волосы растрепались и лезли в лицо после той взбучки, что эта тварь устроила ей еще в машине. Она в отчаянии рыскала взглядом по обратившимся к ней лицам, будто ища у кого-нибудь спасения, но в большинстве было либо полнейшее безразличие, либо мерзкая ухмылочка, либо легкое любопытство скучающего бездельника, ищущего хоть какой-нибудь забавы. Слезы еще текли, от дрожи зуб на зуб не попадал, но внутри уже начало расти возмущение и ярость. За что они с ней так?! Эти твари!!! Она ведь ничего им не сделала плохого!!! Ни один из них не выглядел бедным, обездоленным, голодным! Неужели у этих уродов ubyло от того, что она украла какие-то жалкие копейки, чтобы помочь сестре?!

– Отпусти меня, подонок! – сама не ожидая от себя такой смелости и силы, вдруг вскрикнула она зло, рванувшись из железной лапы этого монстра, возвышавшегося над ней чуть ли не на две головы. В ту же секунду ее швырнули вперед, и она упала на колени в пыль и грязь, на битые куски асфальта. Ноги пронзила боль, как и ладони, которые она успела под-

ставить, но охватившее бешенство заставило ее подскочить на ноги и тут же развернуться к своему обидчику. – Чтоб ты сдох! Слабак! Сволочь!

Она не успела договорить, хотя многое еще могла бы выплюнуть ему в лицо, да и остальным тоже. Когда его рожа вытянулась и побледнела, Марьяна даже испытала некоторое удовольствие за собственные страдания. Как он посмел хватать ее за волосы?! Как посмел тащить ее как какую-то собачонку, а потом швырнуть?! Еще чуть-чуть, и она бы бросилась на него, готовая порвать на части зубами и когтями и совершенно не осознавая, что ей просто не хватит на это сил – одного его маха левой будет достаточно, чтобы надолго ее вырубить, если вообще не прибить. В любом случае никакой схватки не последовало, потому что кто-то другой вдруг неслышно подобрался сзади, пока она буянила, ухватил ее за растрепавшуюся косу и приставил к горлу острый как бритва нож.

– Это что еще за бешеный волчонок? – совсем не зло, даже пугающе нежно прошептали в самое ухо, вызывая приступ мурашек и новый горячий прилив страха. – Кто-то тут покушается на мои лучшие кадры? Кажется, все мы в опасности... – в мужском голосе слышалась веселая улыбка и ирония, даже не злая, но почему-то от того не менее жуткая. Наверное, из-за острия ножа, колющего горло где-то под ухом. От этого острия очень хотелось отстраниться, но тот, кто его держал, не позволял. Его хватка хоть и не была болезненной

и зверской, как у Паука, но вывернуться, не напоровшись на нож, все равно было нереально. Те, кто стоял поблизости и слышал его слова, негромко заржали. Марьяна осторожно сглотнула и попробовала заговорить, но только ничего у нее не получилось, кроме как шевельнуть губами. Голоса просто не было. То ли она успела его сорвать, то ли от перенесенного стресса какие-то нервы переклинило. Вместо нее заговорил Паук.

– Та самая воровка, о которой мы тебе рассказывали, Барон, – мрачно констатировал он. – Видите ли, не довольна грубым отношением, сука.

– Ах вот как... – протянул густой низкий голос неспешно и мягко, словно бархатом провел по уху и щеке. – Тогда ее претензии вполне обоснованы... Никто ведь не любит грубого отношения, кроме опущенных, правда?

Вопрос, наверное, был обращен к Марьяне, но она не знала, следует ли ей что-то отвечать. Не успела она обдумать свой следующий шаг, как ее вдруг отпустили – мягко и осторожно подтолкнув вперед, но тот, кто ее держал, все равно остался за ее спиной очень близко, и она повернулась, чтобы его увидеть. Перед ней стоял молодой мужчина лет двадцати шести – двадцати восьми. Чтобы заглянуть в его лицо, ей пришлось поднять голову, потому что иначе взгляд упирался ему в грудь. Черноволосый, коротко стриженный, даже коротко бритый над ушами, но густые пряди на макушке аккуратно уложены, будто он явился не на бандитскую сходку,

а на светский раут, и провел у стилиста не меньше двух часов. Подбородок высокомерно вздернут, потому что он привык смотреть на людей сверху вниз. По коже причудливыми узорами вьется татуировка. Она начинается на голове, проступает сквозь короткую щетину волос, покрывает всю шею и уходит куда-то под черную трикотажную футболку, чуть расстегнутую на широкой мускулистой груди. А еще на нем черная кожаная куртка, подчеркивающая огромный размах плеч, и черные кожаные брюки, заправленные в высокие ботинки на шнуровке. Кисти рук и пальцы у него тоже покрыты какими-то узорами и унизаны массивными выступающими перстнями. Перстни, конечно, не для красоты, а чтобы разmozжить противнику лицо в случае кулачного боя.

Превозмогая страх и смущение, Марьяна заставила себя посмотреть в его глаза. Темные, порочные, они разглядывали ее с насмешкой и высокомерием, как любопытную букашку, случайно заползшую на его территорию. Долго выдержать такой взгляд она не могла и постыдно опустила ресницы, а мужчина сделал какое-то движение рукой, и Марьяна заметила, что он привычным жестом вытер здоровенный солдатский нож о штанину. Ее пальцы тут же метнулись к шее и тронули влажный порез на коже под ухом. Девушка поморщилась и взглянула на кровь.

– Не смертельно, – безразлично успокоил ее мужчина. – Жить будешь, волчонок. Пока мне не надоешь, само собой...
Марьяна сжала кулаки.

– Чего вам от меня надо? – снова взвилась она, устав рыдать и бояться.

– А что ты умеешь делать хорошо? Говорят, воровать кошельки... Может быть, еще трахаться? – Голос главаря снова прозвучал как-то приглушенно, словно шелест ветра, хотя на сей раз он говорил намного громче. Ничуть не смущаясь возмущением и страхом, отразившимся на ее лице, он тронул ее подбородок и мазнул большим пальцем по губам, почему-то вызывая в девушке совсем не прощенный внутренний трепет и жар. Марьяна тут же инстинктивно оттолкнула его руку в сторону и отвернулась.

– Я умею только воровать, – зло выпалила она, чувствуя унижение и злость, но прекрасно понимая, что стоит ей сейчас ляпнуть что-то не то или не проявить твердость, все это может быть истолковано совсем иначе и плохо для нее кончиться. Все кругом загоготали. Барон лишь снова усмехнулся в ответ, озарив тьму леса своей белозубой хищной улыбочкой, от которой мороз побежал по коже.

– По крайней мере честно... – прокомментировал он, откровенно глумясь над ней, и облизал губы. – Строптивая... Но я таких люблю... И даже много чему могу научить, если попросишь как следует... – добавил он ко всеобщему веселью. Похоже, весело тут не было только одной Марьяне.

– Зато я не люблю таких, как вы! – не выдержала она, а его рука в ту же секунду метнулась к ее лицу и крепко сжала щеки, заставляя смотреть в его темные гипнотизирующие глаза

в упор. Марьяна попыталась вырваться, но от этого только стало больно.

– Мне и не нужно, чтобы меня любили, волчонок. Мне нужно, чтобы мне подчинялись и делали так, как я хочу. И ты будешь делать все, что я прикажу, когда придет время. Ясно?

От его слов у нее покраснели даже уши. Она сама не знала почему. Его голос звучал сладко и ласково, но при этом угрожающе и холодно, словно шипение змеи или шуршание змеиной чешуи. Он обещал что-то томительно-прекрасное, но это был обман, в который ни в коем случае нельзя было верить... Аспид... Ему больше подошла бы кличка Аспид, а не Барон. Не успела она подумать об этом, как вторая его рука дернула молнию на ее куртке, расстегивая ее до конца, словно рассекая пополам, а потом наполовину сорвала куртку с плеч. Как на зло, на ней сегодня была тонкая облегающая футболочка с длинным рукавом, да и джинсы тоже в обтяжку. Главарь собравшегося вокруг сброда внимательно изучил ее с ног до головы взглядом опытного ценителя, еще раз тронул пальцем губы, заглянул в глаза.

– Зубы тоже смотреть будете?! – зло сцедила Марьяна, выдерживая мужской взгляд, хотя сейчас в ней больше говорила паника и стыд. Кажется, этот чертов Барон, или как там его, заставлял ее чувствовать вовсе не то, что она хотела в данный момент. От его прикосновений становилось дурно и сладостно одновременно, дыхание совсем сбилось, и между

ног разгорелся позорный, беспощадный пожар.

– На твоём месте, я бы больше переживал за другие части тела... – улыбнулся он открытой белозубой улыбкой, так чистосердечно и обаятельно, что девушка совсем растерялась, будто ослепла от яркого света. Воспользовавшись этой ее дезориентацией, мужчина ловко прошелся пальцами от ее груди, вниз по животу, вокруг бедра и слегка сжал попку. Марьяна запоздало попыталась отмахнуться, гадая, что только что произошло. Он, блин, только что ее обыскал или просто облапал?! Возмутиться больше не получилось. Его губы приблизились так, что она улавливала даже аромат его духов, крема после бритья, геля для укладки и прочей парфюмерной продукции, которой этот пижон явно не брезговал и которой весь благоухал.

– Чумазая недотепа, а все туда же... Глазки строишь и цену набиваешь... – прошептали его губы, почти касаясь ее рта. – Попку и титьки отрасти – тогда, может быть, я с тобой и позабавлюсь немного. – Слова прозвучали жестоко и отрезвляюще, как пощечина. Бесстыдная рука, которая только что прикасалась к ее телу, грубовато отпихнула ее назад, не сильно, но при этом небрежно, как какую-то ненужную вещь. Ощущение полета от его близости тут же оборвалось. На первый план снова вырвалась тьма леса, призрачные очертания исписанных краской развалин, кучи мусора, рокот незаглушенных двигателей автомобилей и мотоциклов, толпа бандитов вокруг, которым в любой момент могли от-

дать ее на растерзание. Что это было за наваждение рядом с ним?! Она будто голову потеряла...

Марьяна ошарашенно оглядывалась по сторонам, ожидая нового нападения, но никому больше не было до нее дела. Позабавились немного и ладно... Про нее, кажется, все забыли... Присутствующие разошлись группами и обсуждали что-то. Главарь отозвал в сторону Паука и, запанибратски положив руку ему на плечо, настойчиво что-то впаривал, периодически сверкая своими ослепительными улыбочками.

Вот же гад – от него по коже до сих пор бежали упоительные мурашки, хоть и было ужасно противно из-за тех издевательств, что ей пришлось выдержать. Но что же теперь? Этот Барон должен был решить ее судьбу? От одной только мысли об этом во всем теле опять почувствовалась лишающая сил дрожь... Да неужели все это вообще могло быть правдой?!

Отчаянным взглядом она попыталась выискать безопасное место, где она могла бы укрыться на время, чтобы не быть у всех на виду. Нет, бежать ночью через непроглядный осенний лес незнамо куда было откровенно тупо. К тому же этой шайке ничего бы не стоило прочесать лес на мотоциклах и вернуть ее на место, снова вдоволь над ней поглумившись. А еще эти люди знали ее имя и, наверняка, знали, где она живет. Нет, она попала по полной... выхода нет и, кажется, ее судьба действительно зависела от этого самовлюбленного выпендрейника, жестокого, циничного, наглого и беспринципного. Разве не будь он таким, смог бы он руководить

всей этой бандой?

– Эй, ты... – позвал кто-то из-за спины, и девушка тут же оглянулась. Перед ней стоял толстяк, который всего несколько часов назад затащил ее в машину, чтобы похитить. Этот факт совершенно не укладывался в голове, как, впрочем, и все, произошедшее этим вечером. Однако, ситуация, конечно же, казалась абсурдной и ужасной только ей. Толстяк же просто протянул ей открытую банку пива и пакетик сухариков. – Перекуси. Ты ж голодная небось, – заботливо произнес он. – Через полчаса отвезем тебя домой, а пока можешь расслабиться.

Марьяна машинально взяла банку с пивом и сухарики из его рук, хотя пиво на дух не переносила, как и любой алкоголь, да и сухарики казались сомнительной едой на голодный желудок. Тем не менее, она без раздумий отхлебнула большой глоток, потом еще и еще. Желудок приятно наполнился и, кажется, перестал болеть. Алкоголь тут же ударил в голову и расслабил мышцы. Черт, ей бы только не перебрать...

– Что со мной будет? – бесцветным голосом поинтересовалась она, понимая, что у нее даже слезы уже кончились.

– Ну, судя по всему, боссу ты понравилась. Значит, будешь жить. Может быть, даже неплохо...

– В смысле?

Ее собеседник хмыкнул.

– В смысле будешь работать на нас, тырить кошельки, отдавать всю выручку курьерам, потом получать через них же

свою долю. Ну и не париться особо. Только мой тебе совет – никогда ничего не присваивать. Они это не любят и легко тебя вычислят. У нас везде глаза и уши. Ну че, врубилась?

Марьяна обреченно кивнула и отхлебнула еще пива, чтобы не расплакаться. Руки и ноги заметно отяжелели, глаза так и закрывались, но она все-таки держалась из последних сил.

– Я хочу позвонить домой... Родители весь город на уши поднимут... – невесело заметила она.

– Не успеют... – отмахнулся толстяк. – Позвонишь из машины. Скажешь, что загуляла с подружкой или завела дружка. Сама придумаешь.

Марьяна выдохнула, содрогаясь от этой мысли. Это совсем не было на нее похоже, даже отдаленно.

– Как вас зовут? – решила сменить тему она, к тому же ей, кажется, нужно было заводить приятелей в новой компании.

– Все зовут Кабан, – отозвался новый знакомый.

– А нормальное имя?

– Нормальное – Мишка.

– Миша, – поправила зачем-то Марьяна.

Кабан хмыкнул и покачал головой.

– Угораздило же тебя в такое дело влипнуть... – с искренним сочувствием произнес он, но тут же будто спохватился. – Ладно... Пойдем...

Ее похититель и собеседник встал и неспешной тяжелой походкой вразвалочку потопал к джипу, а Марьяна уны-

ло поплелась за ним мимо периодически глазеющих на нее зевак. Кажется, среди присутствующих были и женщины, очень мало, но были. Одна из них как раз только что подкаатила на байке, ревя двигателем и поднимая за собой кучу пыли. Измученная и запуганная девушка невольно на нее загляделась – рыжеволосая, гибкая и стремительная, как пантера, бестия, казалось, чувствовала себя здесь в своей стихии. Ленивыми и изящными кошачьими движениями соскочив с мотоцикла, она направилась виляющей походочкой прямо в гущу столпившихся бандитов. На нее оглядывались, ее радостно приветствовали, ею восхищались, перед ней расступались. Только она не смотрела ни на кого, кроме Барона, продефилировала напрямик к нему и тут же повисла у него на шее в страстных объятьях, присосавшись к нему пожирающим поцелуем. Марьяну почему-то передернуло, и она отвернулась.

– Огонь-девка, – прокомментировал Кабан появление этой дамочки. – Феникс кликуха. И лучше ее никогда не злить. Конкуренток она не терпит.

– Никакая я не конкурентка, – устало и зло огрызнулась Марьяна.

– Кто знает... – усмехнулся Кабан и открыл перед ней заднюю дверь джипа.

ГЛАВА 4

Марьяна думала, что теперь ее жизнь изменится настолько кардинально, что она просто не сможет с этим жить. По началу воображение рисовало перед ней нечто пугающее и маргинальное, но на деле все вышло банальнее некуда. Лгать родным оказалось не так сложно, со временем это даже получалось все более мастерски. Воровать кошельки и отдавать деньги и документы каким-то курьерам тоже было делом нехитрым. Иногда даже курьером оказывался Кабан, и тогда она могла перекинуться с ним парой приветливых слов и получить от него какую-то поддержку и советы. Именно он намекнул ей не валять дурака и почаще выходить на дело, если она хочет быть на хорошем счету и не попасть в какие-нибудь неприятности. Ослушаться она не посмела и регулярно передавала каким-то незнакомым паренькам, которых находила по наводке в разных местах, все новые и новые доказательства своего трудолюбия и преданности. Если серьезно, то двигал ей практически только страх и ничего, кроме него. Страшные руки Паука, его грубые окрики и угрозы, заброшенный пионерский лагерь где-то за городом, толпа воров, убийц, наркоторговцев и сутенеров, которых ей посчастливилось там повстречать, а также отвратительно притягательный и потому вдвойне опасный главарь этой банды едва ли когда-нибудь могли полностью стереться из ее памяти.

Она точно знала одно – для нее же было бы лучше никогда больше с ним не встречаться лично, ну или по крайней мере самой не стать причиной их встречи. Может быть, когда-нибудь эта часть ее жизни благополучно закончится, она ни разу не попадетя, и банда ее отпустит... Она забудет все, как страшный сон, и эти люди навсегда забудут о ней, посчитав, что она уже достаточно расплатилась за свою ошибку. Ха... верилось в это с трудом, но особого выхода у нее не было.

С тех пор, как ее впутали в эти темные дела, уже прошло полгода. Ничего особо не менялось, только сумма на ее счету потихоньку росла. Марьяна знала, что когда-нибудь она всем им очень пригодится, а пока что оставалось только надеяться, что у сестрѐнки хватит сил выдержать ударные дозы химии и облучения до того, как они сумеют найти ей донора и организовать операцию...

Весна только вступала в свои права, но сегодня день уже был по-настоящему теплый и солнечный. Птицы уже оглушали своим нескончаемым звоном, особенно по утрам. Со дня на день деревья нельзя будет узнать – голые ветки как-то разом, вдруг, покроются клейкими зелёными листочками, можно будет не носить куртку и перейти на платья, юбки и шорты. Даже мрачноватые дворы их домов немного преобразятся. Ограждения и скамейки выкрасят свежей яркой краской, на улицы массово высыпет детвора.

Сегодня был выходной, и Марьяна с полным правом могла бездельничать, лежа на своей кровати и читая книжку.

Настя тоже смотрела какой-то журнал, но уже не раз поглядывала на сестру с любопытством, видимо, желая и не решаясь о чем-то ее спросить. Наконец, терпение ее лопнуло, она спустила с постели ноги в розовых носочках, покусала в нерешительности губу и громко вздохнула.

– Может, расскажешь, как у тебя с ним? – Вопрос был довольно предсказуемым и не слишком приятным для Марьяны. Он означал, что ей так или иначе снова придется врать, иначе ее легенда, шитая белыми нитками, расплывется по швам. Девушка бросила на младшую сестру поверх книги взгляд с упреком.

– Ты спрашивала совсем недавно... – попыталась отделаться малой кровью она.

– А ты практически ничего не рассказала... – совершенно справедливо парировала Настя. Как правило она умела быть настойчивой. И если уж кто-то ее и вычислит из родных, так только эта хитрая лиса...

– Это потому что я уже давно рассказала все самое интересное и добавить больше нечего... – Марьяна все еще пыталась защититься, хотя уже отложила в сторону книжку, понимая, что почитать ей в ближайшее время больше не дадут.

– Я думала, что между парнем и девушкой постоянно происходит что-то, чем можно поделиться с лучшей подругой и уж тем более сестрой... – Кажется, в этих словах уже звучала искренняя обида, и Марьяна слегка вспыхнула.

– Настя... Ты мной опять манипулируешь!

– Возможно! Потому что мне любопытно! Ты стала скрытной! Часто уходишь не понятно куда... Тебе постоянно звонят... И я беспокоюсь!

– Я просто имею право на свою личную жизнь!

Выпалив последнюю фразу и понимая, что обе они уже перешли на повышенные интонации, Марьяна сдалась, как всегда чувствуя себя виноватой. Во-первых, беспокоиться действительно было о чем. Самый близкий человек не мог этого не чувствовать. Родители были не в счет. Они и так вечно были замотаны делами и работой, а вот всегда находящаяся рядом сестренка просто не могла не чувствовать неладное. Во-вторых, возможно, эти рассказы немного заменяли больной девочке реальную жизнь, которой у нее самой не было и в ближайшем будущем не предвиделось. Последние несколько лет она находилась либо на заочном, либо на надомном обучении, поэтому даже толком не имела друзей и подруг, с которыми можно было бы поболтать о всякой чепухе и поделиться наболевшим. Понимая, что отступать дальше – чревато, Марьяна тяжело вздохнула.

– У него... сложный характер... Мы много ссоримся в последнее время. Он совершенно не оставляет мне права выбора... Только указывает, что и как я должна делать... Это утомляет, знаешь ли... И говорить об этом постоянно неприятно... – Выдавая очередную порцию лжи во благо, девушка, конечно же, даже не смотрела в сторону своей собеседницы.

– Хм... Сколько, говоришь, ему лет? – голосом заправско-

го эксперта по семейным отношениям уточнила сестра.

– Двадцать семь.

– Ну... тогда чего ты хотела? Он уже состоявшаяся личность и, конечно, считает себя в праве командовать какой-то девчонкой, тем более такой как ты.

– Такой как я?

– Да! Ты же сама вечно пытаешься всеми управлять и задираешь нос, как будто бы знаешь все обо всем на свете! И еще ты стала слишком мрачной и серьезной... На самом же деле ты просто капризничаешь очень по-детски. Это, знаешь ли, бесит... – Настя недовольно надула губки, видимо, припоминая какие-то свои накопившиеся обиды.

– Вот спасибо... – ошарашенно выдохнула Марьяна. – Я думала, ты будешь на моей стороне...

– Я всегда на твоей стороне, – рассудительно заметил ее юный эксперт. – Но ведь правда! Ты стала такой категоричной и вредной, что сил нет!

– Я подумаю над этим... – невесело согласилась Марьяна и отвернулась к стенке, свернувшись калачиком. В мыслях тут же всплыл тот самый образ ее несуществующего бойфренда, о котором она всегда думала, когда пыталась обмануть сестру. Он всегда врвался без спросу, заполнял собой все и мучил, мучил, мучил своей недоступностью, своей опасностью, своим равнодушием и невозможностью в принципе каких-либо отношений между ними. Это был Барон. Вернее, воображаемый Барон, такой, каким его себе нафан-

тазировала сама Марьяна, когда ей в голову пришло объяснять свои частые прогулки и телефонные разговоры наличием у нее молодого человека. Теперь даже сама эта идея злила ее, ведь она так явно демонстрировала ее собственную слабость и наивные чувства. Он ведь всего лишь посмеялся над ней, порезал ей шею, толкнул, а она, выходит, сохнет по нему, как какая-то малолетка. Воспоминания о его шепоте, его прикосновениях, его темных змеиных глазах вызывали трепет и жар, и томительную тяжесть внизу живота, и еще боль в груди.

– Почему ты не приведешь его к нам и не познакомишь с родителями? – никак не унималась Настя.

– Он пока что этого не хочет...

– Это плохой знак...

– Я знаю...

– Тогда за что ты его любишь? Ты ведь любишь его?

– Потому что он... сильный, умный и красивый.

– И добрый?

– Нет... не знаю... Но люди его уважают и ему подчиняются.

– И он богат...

– Ну... он директор в довольно успешной компании...

На некоторое время в комнате повисла пауза.

– По-моему, ты врешь... – вдруг хладнокровно вынесла свой приговор сестра, заставив Марьяну вздрогнуть. С чего это вдруг она поставила под сомнение ее выдумки только

сейчас? В чем она прокололась?

– Что ты... – попыталась возмутиться она, но Настя безжалостно ее перебила.

– Лучше скажи мне правду, Марьяна. Я же не враг тебе. К тому же я никогда тебя не выдам ни предкам, ни кому-либо еще... – В голосе юной девушки слышалась уверенность и решительность, а у Марьяны в животе начал подниматься страх, и она слишком долго не решалась обернуться, что еще больше подтверждало ее замешательство и проигрыш. Но отступить дальше было нельзя. Девушка села на кровати, сжав в руках подушку и вопросительно-строго взглянула на сестру.

– С чего ты взяла, что я вру?

– С того, что ты всегда говоришь общими фразами, не конкретизируешь, а по возможности и вовсе уходишь от ответов. А еще ты совсем не похожа на влюбленную... Ты стала нервной и какой-то замученной. Мне это не нравится, будь то из-за какого-то красавчика-директора или по другой причине.

Марьяна невольно сглотнула и покраснела, пока даже не зная, что ответить. Все ее тайны, переживания, страхи так невыносимо тяготили душу, что она с радостью избавилась бы от этого груза, открывшись перед кем-то... Но вид худенькой большеглазой девочки в пижаме и с замотанной банданой головой тут же ее отрезвил. Разве можно было посвящать ее во всю эту грязь и тем самым заставлять сходить с

ума и подвергать опасности?! Она и так была виновата перед своей семьей, ведь люди, с которыми она связалась, были жестоки и непредсказуемы. Стоит ей только совершить какую-нибудь ошибку, они могут явиться сюда... И что тогда?

– Насть, я... может быть, просто связалась не с тем человеком... Ты права, он, должно быть, относится ко мне не так, как мне хотелось бы... И... – она не успела договорить, потому что на тумбочке вдруг зазвонил ее телефон. Повинуясь внутреннему напряжению, она тут же схватила его в руки, должно быть, слишком быстро, чтобы это выглядело естественно. Наблюдающий взгляд сестры она чувствовала особенно сильно прямо кожей.

Обычно ей звонил Кабан, но сейчас номер оказался неизвестным. Тем не менее, тянуть или игнорировать звонок было нельзя. Ее не раз предупреждали, что, если не ответит, ее все равно найдут и будут недовольны, поэтому лучше никого не нервировать и всегда оставаться на связи.

– Алло? – прохрипела она в трубку, как всегда леденя от неизвестности.

– Волчонок? – мягко прошелестел в динамике знакомый низкий и в то же время ласкающий слух голос. – Мне нужно, чтобы ты вышла немедленно. Дело есть. У тебя две минуты.

Звонок тут же сбросили, даже не ожидая ответа. Собственно, ответ и не требовался. Кто же смел отказываться, когда звонил и приказывал сам Барон лично? Марьяна облизала губы, понимая, что она даже переменялась в лице. Пару

секунд она никак не могла побороть парализовавшую ее панику, а потом метнулась к окну, чуть отдернув штору и выглянув во двор. С первого этажа вид открывался отличный, так что здоровенный черный лимузин прямо перед подъездом невозможно было не заметить.

– Что-то случилось? – встревоженный вопрос сестры вывел девушку из ступора. Она бросилась к шкафу, нещадно перерывая вещи и пытаясь выискать там что-нибудь подходящее.

– Мне... нужно уйти... у нас свидание...

Настя поднялась с постели и подошла к окну, слегка отодвинув штору.

– Лимузин? – удивилась она, взволнованно выдохнув. – Да он и правда крутой... Видимо...

Чуть поразмыслив и заметив, что Марьяна так и роется в шкафу, ничего не подобрав, Настя приблизилась и открыла другую створку.

– Надень вот это. Тебе очень идет...

– Боже, только не платье... – кажется, ее голос дрожал от волнения.

– Как всегда джинсы? – несколько разочарованно прокомментировала девушка.

– Так спокойнее...

– А... – Настя, видимо, собиралась еще что-то спросить, но почему-то не стала. – Тогда вот эти – черные с рваными коленками. И розовую тунику на шнуровке. Она нежная.

Понимая, что сама все равно не в состоянии принять сейчас хоть какое-то решение, Марьяна схватила вещи из рук сестры и моментально в них втиснулась, путаясь в растрепавшихся длинных волосах. Приводить их в порядок все равно не было времени, поэтому девушка лишь отбросила их назад и сдула с лица щекочущиеся пряди.

– Спасибо! – только и успела с искренней благодарностью выкрикнуть она, выбегая из комнаты.

– Телефон забыла, растяпа! – Настя нагнала ее у самой двери и сунула в руки мобильный. – Удачи там... – прошептала она взволнованно, вглядываясь в растерянное лицо старшей сестры. Та набрала полную грудь воздуха, собираясь сказать что-то важное, но лишь помотала головой, чмокнула ее в нос, схватила куртку и выскочила из квартиры. – Чокнутая... – прошептала девушка, закатив глаза, но уже через секунду опять рванула в их общую спальню, к окну, и притаилась у чуть приоткрытой с краю занавески. Она внимательно проследила, как сестра вышла из подъезда и направилась напрямик к лимузину. Задняя дверь приглашающе открылась, и девушка скользнула внутрь. К сожалению, рассмотреть, кто же там сидел, было совершенно невозможно. Настя разочарованно цокнула языком, дождалась, пока автомобиль отъедет, и уселась на кровати. «Пожалуйста, сообщай, как у тебя дела!» – отправила она сообщение сестре и задумалась. Не нравилось ей все это почему-то... очень не нравилось.

Только оказавшись в подъезде, Марьяна поняла, что она даже не успела глянуть на себя в зеркало. Задержавшись у самой двери и в полутьме тамбура окинув себя взглядом сверху вниз, она заставила себя глубоко вдохнуть и выдохнуть. Может быть, ее видок и не тянул на подиумный и не очень-то соответствовал ожидающему ее лимузину, но, кажется, смотрелась она довольно мило, хоть и далеко не солидно. Обычная девчонка, каких в северной столице тысячи... Хотя беспокоило ее совсем другое – какого черта она вдруг так распереживалась из-за собственного внешнего вида?! Будто и правда шла на свидание с главарем мафии... На самом деле, встреча с Бароном не предвещала ничего хорошего... Что ее ожидало? Какое-то задание? Какое-то наказание? Какая-то новая работа? Может, с тех пор он передумал и решил выставить ее на панель, а она тут размечталась бог знает о чем, да еще вырядилась... Ужас от этих мыслей сжал сердце железным кулаком, во рту пересохло, ноги как-то вдруг подкосились. Зачем только она нацепила туфельки, а не кроссовки?.. Если бы у нее было время, она могла бы позволить себе отдышаться тут минут пять, дожидаться, пока успокоится сердцебиение... Но время шло, а заставлять Барона ждать категорически запрещалось. Она уже поняла это, общаясь со всеми этими отморозками, не терпящими ни опозданий, ни

ошибок, ни слабостей, ни малейших промахов.

Выйдя из подъезда, девушка быстрым шагом проследовала к автомобилю, почти не чувствуя под собой ног, а когда дверь распахнулась, не колеблясь, шагнула внутрь и уселась на заднем сидении. Салон оказался огромным и алым, будто внутренности какого-то животного. Из-за сильно тонированных бронированных стекол свет с улицы сюда практически не поступал, поэтому единственной подсветкой были тянущиеся по периметру потолка салона светодиодные лампы. Они давали какой-то теплый желтоватый свет, отчего атмосфера внутри была жутковатой. Прямо напротив Марьяны, на боковом сидении, громоздился здоровенный амбал, который и открыл перед ней тяжелую дверь. Это, видимо, был личный телохранитель Барона, с лицом, похожим на морду питбуля, и такого громадного роста, что сидеть ему приходилось, нагнувшись вперед и опираясь локтями о колени.

Автомобиль тронулся с места.

– Привет, волчонок... – с улыбкой протянул сидящий рядом с ней на заднем сидении мужчина, растягивая слова, будто смакуя их вкус. На нем была темно-синяя в узорах, сильно расстегнутая на груди рубашка, светлый серо-голубой пиджак и синие брюки. Волосы как и в прошлый раз идеально подстрижены, подбриты и уложены. На шее сверкала массивная золотая цепь, на правом запястье – вычурные золотые часы с бриллиантами, на пальцах – перстни. Практически все видимые участки кожи, кроме лица, покрыва-

ли витиеватые иссиня-черные узоры татуировки. Только на горле, будто рваная рана, распускался бордово-алый пион. Барон обвел ее неторопливым оценивающим взглядом с ног до головы. – Давно не виделись. Похоже, ты соскучилась...

– Это вы меня позвали, а не я вас... – зачем-то огрызнулась Марьяна вместо того, чтобы просто вежливо поздороваться.

Барон негромко рассмеялся.

– Боишься и снова кусаешься... Но приручение диких зверьков требует времени и терпения... а в особых случаях и жесткой дрессировки... – Как же вызывающе, нагло и обидно звучали эти слова из его медовых уст. Марьяна тут же вспыхнула, как спичка, но все же вовремя остановилась.

– Я... зачем-то вам понадобилась? – сухо спросила она, решив сразу перейти к делу, чтобы не мучиться.

Босс проигнорировал ее дерзость и лишь молча указал рукой на место поближе к себе. Сейчас она находилась на другом конце сидения, чуть ли не забившись в дальний угол и даже не замечая этого. Она не двинулась ни на миллиметр. Он ждал несколько секунд, затем сделал знак глазами своему охраннику. В то же мгновение здоровенные ручищи схватили девушку за плечи и легко, будто она и не весила ничего, швырнули на сидение рядом с Бароном. У Марьяны даже дух вышибло от неожиданности и страха.

– Если я что-то приказываю, ты тут же выполняешь... – по-прежнему мягко произнес он, в упор разглядывая ее пы-

лающее лицо. – Поняла?

– Да, – Марьяна кивнула, чувствуя, как начинает дрожать подбородок.

– Чудесно... Только когда разговариваешь со мной, смотри мне в лицо, особенно если не хочешь, чтобы я считал тебя жалкой сыкуней. До сих пор я был о тебе гораздо лучшего мнения.

Так и не успев отдышаться, девушка облизала пересохшие губы и заставила себя повернуться, а затем поднять глаза на сидящего рядом мужчину. Дьявольски красивый, адски порочный, греховно обольстительный, он, конечно же, наслаждался, мучая ее и унижая. Его губы тронула кривая усмешка, едва заметно блеснул белоснежный оскал зубов.

– Вот так уже лучше... – кончики его пальцев тронули ее подбородок, слегка его вздернув, а глаза продолжали бесцеремонно выжигать узоры по ее лицу, волосам, шее и часто вздымающейся груди. – Тебе нужно научиться ценить себя, если хочешь чего-то добиться в этой жизни. Слабачки никому не нужны, разве что в качестве подстилок. – Барон вздохнул и откинулся на сидение, тем самым на время позволяя расслабиться и дрожащей рядом Марьяне. – Что ж... – продолжил он. – Я позвал тебя для разговора... – Он перевел взгляд на своего телохранителя. – Налей-ка нам шампанского, Вась... Девушке нужно расслабиться, а то того и гляди трусики намочит рядом со мной...

Заметив, как Марьяна зло стиснула зубы, он лишь рассме-

ялся и придвинулся ближе, как ни в чем не бывало вдруг закинув руку ей на плечи и небрежно поигрывая ее волосами. Его лицо, глаза, губы были так близко, что невозможно было дышать, по щекам новой волной разлился румянец, по телу побежал озноб.

– В глаза, волчонок... Смотри в глаза... Как бы ты не смущалась... – напомнил он, бесстыдно ухмыляясь ей в лицо. – Так вот... Мне докладывали, что ты, оказывается, очень ловкая девочка... За полгода ни одного промаха, ни одного инцидента, ни одного опоздания... Вообще-то это впечатляет... Надеюсь, ты понимаешь, что такой талант, если его правильно развить, открывает перед тобой большие перспективы...

– Перспективы шесть года на два? – нахмурилась Марьяна, стараясь смотреть в темные, оказывается, темно-карие глаза своего босса.

– Ты умная девочка, я никогда не сомневался, волчонок. Это очень хорошо, что ты в курсе, чем может грозить наша деятельность... Но в твоём случае тебе могут дать и пять лет, если выяснится, что ты работаешь на кого-то по сговору, да еще в таких масштабах... Однако, чтобы этого не произошло, нужно просто быть предельно аккуратной и верной мне... Поверь, у меня достаточно связей и возможностей, чтобы вытаскивать своих людей из серьезных передряг. – Сделав паузу, Барон облизал губы. Когда он говорил, Марьяна чувствовала его дыхание на лице – теплое, мятно-пряное,

невыносимо отвлекающее и притягательное. К нему применялся аромат его духов и его кожи. А еще прикосновения его руки к плечам, к шее, к волосам нестерпимо жгли и сводили с ума. Она сама не знала, как держится из последних сил, чтобы окончательно не растаять от его близости и сохранить здравый смысл. – Именно поэтому я собираюсь доверить тебе более ответственное задание... – мужчина перешел на более низкий доверительный тон, тот самый змеиный полусшепот, от которого становилось не по себе. – Ты украдешь для меня одну вещь из... одного дома... Очень ценную вещь. И если у тебя получится, в чем я лично не сомневаюсь, ты получишь такое вознаграждение, о каком не могла и мечтать... Ну как?

Барон озарил ее сияющей обезоруживающей улыбкой, сначала пожирая алчным, требовательным взглядом ее глаза, потом перейдя на ее губы. Девушка сглотнула и бессильно помотала головой. От шока в горле встал ком, да и кислород из легких куда-то испарился.

– Я... я никогда такого раньше не делала... Я не справлюсь... – выдохнула она, постепенно осознавая, как же она попала.

– Справишься, – тут же перебил Барон. – Отлично справишься... Тебя обучат, проинструктируют, прикроют... Тебе нужно будет просто четко следовать указаниям, сделать все чисто и быстро, как ты умеешь...

– Нет... – едва слышно прошептала она, уже готовая за-

биться в панике в дальний угол, из которого ее вытащил охранник-амбал. Однако, теплые мужские объятия не позволили ей рвануться. Барон зажал ее голову в сгибе локтя и склонился совсем близко, заставляя трепетать.

– Послушай, волчонок... – горячо прошептал он ей в губы. – Первый раз всегда страшно... Но поверь мне, тебе это понравится... и запомнится навсегда... – Не успела Марьяна как-то среагировать, как мужские губы накрыли ее рот, обволоки, распалили, заставили податливо разомкнуться и позволить языку проникнуть внутрь, искусно лаская и дразня. Сама себя не контролируя, она ответила на этот поцелуй жадным порывом, мужчина откликнулся, крепче стискивая ее в своих руках и пожирая ее с удвоенной страстью. Когда его рука бесстыдно погладила голое колено, внутреннюю сторону бедра, поднялась выше и чуть сжала промежность, Марьяна застонала и вывернулась из цепких коварных пут, тяжело дыша и пытаясь оттолкнуть от себя этого искусителя.

– Я боюсь, – в отчаянии воскликнула она, опомнившись. – Я не справлюсь... Я не могу так поступить со своей семьей... Пожалуйста, отпустите меня... Я ведь уже отработала свой долг... И я никогда никого не выдам и не предам...

– Волчонок... – протянул Барон то ли с сочувствием, то ли с разочарованием, но тут же повернулся к телохранителю, давно уже наполнившему два бокала шампанским, и взял у него один. – Выпей. Давай, давай, до дна... И послушай, что я тебе скажу. Я буду с тобой очень откровенен. Я ведь все

знаю о твоей сестре. Ей нужна пересадка костного мозга от неродственного донора. Ты ей не подошла... А это значит, что вам нужно много денег... очень много денег на донора, на перелет за границу, на проживание в отеле, на лечение и операцию в хорошей частной клинике у лучших специалистов, на реабилитацию... и все это желательно как можно быстрее, иначе она умрет... Я также знаю, кто твои родители. Не обижайся, конечно... но на них тебе рассчитывать нечего... Зато на себя, на меня, на нас всех... ты можешь спокойно положиться, чтобы все это организовать... Я, наверное, мог бы дать тебе эти деньги просто так... Но... я не даю людям рыбу, я даю им удочку и учу ловить ее самостоятельно... Понимаешь? Я даю им возможности и перспективы... И тебе хочу это дать...

Марьяна беззвучно качала головой, глаза защипало, горло перехватил спазм. Барон наблюдал за ее реакцией, бесцеремонно заглядывая в самую душу, затем вытер ее слезы и вздохнул.

– Что ж... Я не изверг. Я дам тебе время, чтобы подумать. Два дня. Если решишь уйти и никогда не возвращаться, пусть так. Никто никогда тебя больше не побеспокоит. Если передумаешь, мой телефон у тебя теперь есть. И еще знаешь что? Мне бы не хотелось с тобой расставаться... – он улыбнулся, чмокнул ее в дрожащие губки и погладил щеку.

Автомобиль вскоре остановился, охранник снова открыл перед Марьяной дверь, а Барон лишь задумчиво смотрел ей

в след своими змеиными глазами, которые сейчас снова стали холодными, безразличными и непроницаемыми. О чем он мог сейчас думать, и какой ад скрывался у него внутри, знал только он сам. Те, кто когда-то разделял самые его сокровенные тайны, давно умерли.

ГЛАВА 5

Марьяна очень надеялась, что ей больше никогда не придется увидеть эти лица, но разве у нее был выбор? За эту кражу со взломом Барон обещал ей триста тысяч и сказал, что специально будет подыскивать для нее выгодные сделки, чтобы она как можно быстрее смогла накопить нужную сумму. Триста тысяч – огромные деньги для такой соплячки, как она, особенно учитывая, что заработает она их за один день... Но в то же время это жалкие копейки, если представить, сколько ей еще предстоит таких вот опасных вылазок, чтобы наконец хватило на операцию. Она пока не думала, как станет все объяснять родителям и сестре, но это было и не важно на данный момент. Расчет Барона был верен – он надавил на самое больное, предварительно выбив ее из колеи поцелуем, прекрасно понимая, что она неопытна и что он ей нравится. До сих пор Марьяна и представить себе не могла, что ее первый поцелуй будет таким волнующе сладким и ядовитым одновременно. Собственно, чего еще можно было ожидать от Аспида? Душить своими кольцами и травить ядом – это то, что он умел делать лучше всего, иначе он ни за что не был бы тем, кем стал, и все эти отморозки и выродки не подчинялись бы ему так беспрекословно. Марьяна чувствовала, что продала себя же саму за тридцать сребреников, особенно когда начинала думать о предстоящем де-

ле со всей серьезностью. Каковы шансы, что она выйдет из этой истории живой? Зачем Барону вообще потребовалась такая, как она, неумеха и трусиха, если его окружает столько отпетых домушников с колоссальным опытом и навыками? Неужто он и правда искренне верил в то, что научит ее таким образом зарабатывать себе на кусок хлеба с маслом? Может быть, он и правда учил ее единственному, что хорошо умел и в чем разбирался... А, может быть, всего лишь использовал в каких-то своих целях как разменную монету...

Кое-какие лица на нынешней сходке были те же. Паук, которого все звали Отверткой или Коляном. Питбуль, личный телохранитель Барона, он же – Васян. Кабан, он же – Миха. Тот парень, что вычислил Марьяну в супермаркете, оказался отменным воришкой, который начинал с карманных краж и перешел в кражи со взломом. Кличка у него была Бабочка за мастерское обращение с ножом, а звали его Кириллом. Молчаливый водитель, который в первый раз отвез Марьяну на джипе в заброшенный пионерский лагерь, был Слоном, бог его знает почему, а его реальное имя ей пока не посчастливилось узнать. Еще ей представили Камбалу, тоже ворюгу со стажем, да и с внешностью примечательной: мало того, что у него отсутствовал левый глаз, и его веки были зашиты, так еще левую сторону его лица украшало серое родимое пятно. Смотреть на него было дико страшно и противно, но теперь Марьяна заставляла себя не прятаться по углам и не бояться смотреть в глаза всем этим отморозкам, как научил ее Барон.

Конечно же, общая картина была бы не полной без Феникс. Звали ее на самом деле Светланой, и выглядела она и вправду опасной, несмотря на кукольное личико и изящную фигурку. Говорили, что она безжалостна к своим врагам и соперникам, и когда впадала в раж, остановить ее было практически невозможно. Именно поэтому за ней были многочисленные поножовщины и огнестрелы. А еще Кабан поведал Марьяне, что родители Светы погибли в пожаре, когда ей было двенадцать лет, да и сама она чудом спаслась. За это ее и прозвали Фениксом. Глядя на эту молодую красивую девушку, Марьяна искренне ужасалась, как ее могло занести на такую стезю. Она могла бы стать деловой леди, актрисой, моделью или просто счастливой домохозяйкой в доме какого-нибудь небедного предпринимателя... Вместо этого она без какого-либо смущения общалась со всем этим сбродом и, кажется, занималась наркотой.

Конечно, все это была лишь самая малая часть общего коллектива, который Марьяна видела той страшной ночью в лагере. С двумя из них, с Пауком и Бабочкой, ей вскоре предстояло ограбить какой-то богатый дом, хозяина которого уже давно вычислили по наводке. Сегодня она должна была получить какие-то инструкции... Только вот она сильно сомневалась, что все это будет выглядеть как курс юного спецназовца или что-то в этом роде... Большинство из присутствующих смотрели мимо, сквозь или поверх нее, и едва ли были настроены читать ей лекции, проводить инструктаж

или тренировки. Сердце билось где-то в пятках, дико хотелось пить, но самое главное – поскорее сбежать отсюда и никогда больше не возвращаться.

Барон сегодня снова прикатил на Харлее, а не в лимузине. День выдался теплым, даже жарким, и он снял кожаную куртку, оставшись в черной футболке. Мощные мускулистые руки сплошь покрывали какие-то затейливые рисунки, татуировка была и на шее сзади, также как и на спине, и на всем торсе, надо полагать. Как ни странно, ему шло, и выглядел он органично и царственно, когда расхаживал между своими подчиненными, небрежно кидал какие-то приказания, фамильярно подначивал, шутил и озарял всех своими обаятельными улыбками. Когда привезли Марьяну, он единственный подошел к ней, чтобы поприветствовать, запанибратски сгреб ее одной рукой в объятия, чувствительно прижимая к себе, и развернул ко всем присутствующим.

– Наша новенькая, как всем вам уже должно быть известно, – весело и насмешливо заявил он. – Прошу любить и жаловать. Волчонок. Немного кусается, но зубки пока еще не отрасли, поэтому прошу не обижать ее без моего указания.

Произнеся эту не слишком лестную речь, он склонился и больно прикусил ей мочку уха, а затем обжег его мягким прикосновением губ.

– Гуляй пока... – шепнул он едва слышно и как всегда обманчиво нежно. – Придет время, я займусь тобой как следует.

Марьяна болезненно поморщилась, злясь на свою неизменную реакцию на него, к тому же поймала на себе какой-то недобрый взгляд Феникс, от которого по спине прошелся озноб. Может, Барон и был полнейшей тварью, но тело предательски реагировало на его внешность, его голос, его взгляды, его феромоны, его слова и эту его фамильярную манеру общения, которой он умел совершенно выбивать ее из колеи. А еще наивное сердце невольно ждало встречи с ним, даже несмотря на то, что она прекрасно понимала – такой как он, скорее всего, попользуется, сломает и выбросит, как ненужную вещь, не испытав при этом ни угрызений совести, ни сожаления. Даже Феникс ему, скорее всего, нравилось мучить, чего уж говорить о ней, мелкой сошке в его глазах... Кажется, ей потребуется собрать все свои моральные силы и волю в кулак, чтобы выдержать это испытание...

Днем территория лагеря выглядела не так ужасно. Кроме того, весна преобразила лес – свежая листва и пробивающаяся трава кое-как оттенила кучи мусора и уродливые стены развалин. Пригревало солнце, пели птицы. Если бы не устрашающие лица некоторых из присутствующих, сегодняшнюю встречу можно было бы принять за пикник на природе. Барон, она сама и двое ее сообщников в предстоящей краже отошли в сторонку, чтобы обсудить дела. Марьяна вся напряглась, пытаясь оценить обстановку и в нетерпении ожидая своего приговора.

– Ну и что у нас по особняку? – несколько небрежно поин-

тересовался Барон, хотя Марьяне почему-то показалось, что небрежность его напускная. В его чуть сощуренных, непронацаемых глазах горел огонь, зубы сжались, а губы превратились в жесткую линию. Кирилл даже не подумал оторваться от своего занятия и ничего не ответил – он упражнялся в трюках с небольшим перочинным ножичком, который из разных позиций падал вниз и на все лезвие входил в древесину когда-то гладко спиленного пня. Паук мрачно сплюнул, показывая свое недовольство.

– Там нечего делать толпой, – отрезал он. – Пустой заброшенный парк, самая дальняя его часть в глубине. Заброшенное строение. Изнутри, может, там и правда хоромы, но снаружи – труха. Открыть окно на первом этаже – любой дурак сможет, все рамы старые. Охраны нет, хозяин живет один и почти всегда отсутствует...

– И? – протянул Барон нетерпеливо и несколько раздраженно.

– Либо я один туда иду, либо не иду вообще, – изрек Паук, даже не глядя в сторону Марьяны.

– А ты что? – опираясь спиной о стену, босс несильно пнул Кирилла ботинком в бедро, чтобы тот, наконец, бросил свои игры с ножом и что-то ответил.

– Я считаю, что это дело для девчонки... – тут же заявил парень и бросил на Марьяну косой насмешливый взгляд. – Это зашквар – с малолеткой в одной связке ходить. Никто не станет с ней нянчиться, если она накосячит. Так что либо

пусть идет сама, либо Коляна посылай... Если тебе, конечно, очень нужен этот холст...

– Вот как... – Барон задумался, вдруг обратив лицо к ошарашенной Марьяне. Она сегодня ожидала чего угодно, но только не такого поворота. Понимая, что сейчас решается ее судьба, она открыла было рот, чтобы что-то возразить, но мужчина, чьего спасения она искала, лишь едва заметно ей подмигнул, будто сделал знак замолчать. – Что ж... – Барон не стал тянуть с ответом. – Значит, это будет твоим первым самостоятельным делом, волчонок... Надеюсь, ты меня не разочаруешь.

Услышав свой приговор, произнесенный вслух, она снова захотела было возразить, но лишь больно закусила губу и кивнула. Разве ей было, куда отступать, если приказывал босс самолично? Она ведь не дура, чтобы упираться. Наверное, он мог бы приказать этим двоим идти с ней и делать, что следует, а они подчинились бы беспрекословно. Только вот недовольство бы у них точно осталось... Вожак ведь не должен принимать глупые решения, не прислушиваться к мнению своих приближенных и идти на поводу у страхов какой-то соплячки. И все же... от осознания всей жестокости и несправедливости происходящего у Марьяны защемило в носу и тоскливо зануло в груди. Она еще сильнее покусала губу, чтобы подавить страх и обиду, а потом сжала в кулаки руки.

– Куда я должна идти? – заставила произнести себя она.

Кажется, голос ее при этом не дрожал.

– Пойди прогуляйся. Я все разьясню тебе чуть позднее, – как-то непривычно холодно ответил Барон. Она не могла понять, сердился ли он на нее или был не доволен этими двумя, но спрашивать было нельзя. Марьяна постояла еще несколько секунд, но все молчали. Зависла неловкая пауза. Видимо, она была здесь лишней. Стиснув зубы, девушка развернулась и зашагала, куда глаза глядят. У кромки леса валялся поваленный во время бури ствол сгнившего дерева, и она повернула туда, уселась там и принялась с тоской и тревогой наблюдать за находящимися здесь людьми. О чем они говорили? Решали ее дальнейшую судьбу без ее участия? Или вообще забыли о ее существовании, стоило ей отойти на пару шагов? Ведь не ради нее была эта очередная сходка... Как только босс ее прогнал, к Пауку, Бабочке и Барону подтянулись остальные приехавшие, все, кроме охраны и водителей, оставшихся при автомобилях. Все они что-то обсуждали. Одна она сидела в стороне, чувствуя себя изгоем, которого скоро отправят на смерть по ее собственному согласию.

Прошло не меньше получаса, когда к ней наконец-то подошел Барон. Он протянул руку, приглашая ее встать. Галантность самым непостижимым образом как-то соседствовала в нем с грубостью. Ей даже стало любопытно его происхождение... Кто его родители? В каких условиях он рос? Как его воспитывали и получил ли он какое-нибудь образование? На неотесанного гопника он никак не походил, хотя

при необходимости очень умело мог косить под такого.

– Ну что приуныла, волчонок? – как всегда насмешливо спросил он и поддел ее за кончик носа. Он обращался с ней, как с ребенком, дразнил и держал на расстоянии, а это ужасно бесило. Впрочем, расстояние, скорее всего, было к лучшему. Какой мог быть между ними союз? Такому, как он, наверняка нравились крутые девчонки, вроде Феникс, а не какие-то скромные домашние девочки вроде нее. Она всегда робела даже в присутствии своих сверстников противоположного пола, а здоровенный, красивый и откровенно флиртующий Барон вызывал в ней и вовсе неподдельный ужас. В голове будто высвечивалась красная мигающая табличка: «Не подходи! Убьет!». Применительно к боссу преступной шайки ее можно было истолковывать как в переносном, так и в прямом смысле. Марьяна вся внутренне напряглась и попыталась вздохнуть, чтобы успокоиться.

– А мне есть, чему радоваться? – мрачно уточнила она.

– В жизни всегда есть, чему радоваться... – беспечно заметил он, обходя ее сзади и крепко обнимая за плечи. – Например, приятной компании и хорошему сексу. – Последние слова уже прошелестели прямо у нее в голове, потому что были сказаны на ухо, а губы мужчины ласково потерлись о ее шею, нос зарылся в ее волосы и вдохнул их запах.

Ну вот опять – по телу прошла волна горячего возбуждения, а еще она почувствовала, как к попке прижалось нечто твердое, под его узкими кожаными брюками чувствовалась

нехилая эрекция. Она дернулась, пытаясь высвободиться из удушающих объятий, но он не пустил, лишь переместил одну руку ей на талию и крепче притянул к себе. Во второй его руке засветился экраном мобильный.

– Расслабься, я тебя не съем... Во всяком случае не сейчас... Посмотри сюда. – Он указал ей большим пальцем на экран, на котором отобразилась карта. – Это один из заброшенных городских парков, чья-то там бывшая усадьба... Там очень много построек и всяких объектов. Все в плачевном состоянии. Тебе нужен главный особняк. Смотри, – он прокручивал перед ее глазами карту, показывая маршрут, и Марьяна следила во все глаза, стараясь не отвлекаться на волнующую ее близость. На карте даже оказалась фотка этого самого особняка. Вид его впечатлял: бывшее величие с одной стороны и жалкий упадок, к которому пришла постройка, с другой. Шикарная белая парадная лестница все еще сохранила свою роскошь, изящные формы и даже белую краску, но фасад выглядел удручающе – полуразрушенные колонны портика, кусками отлетевшая штукатурка, а где-то и кирпичные куски стен, битые стекла, выцветший и посеревший желтый цвет везде.

– Впечатляет? – ухмыльнулся Барон. – Внутри еще больше впечатлит... Говорят, хозяин отреставрировал все интерьеры и воссоздал их первоначальный вид... Шикарные фрески на потолках и стенах, лепнина, статуи, инкрустированный паркет, мраморная лестница, дорогая мебель, ков-

ры, картины... Это шедевр... как музей... Правда, частный и никому не доступный. Мне нужно, чтобы ты украла оттуда одно полотно, волчонок... Мои люди говорят, что оно подлинное... Они отследили покупку и удостоверились, что оно было доставлено сюда.

– Но... оно может быть здесь где угодно... Здание – огромное... Может быть, он хранит его в подвале или в каком-нибудь тайнике...

– Не стану спорить... Может быть... Но, боюсь, выбора у тебя уже нет. Я не терплю отказов. Дала слово – придется выполнять. – Его губы вновь обожгли ухо и поцеловали в щеку. На миг Марьяна подняла глаза и заметила прямой и недобрый взгляд Феникс в их сторону. Вот же черт... Зачем он ее провоцировал?! Прекрасно же знал, что проблемы с ней будут только у нее, а не у него... Барон же, казалось, не замечал ничего вокруг. Он прижимался щекой к ее щеке, и их дыхания сливались в одно, когда он говорил. – Поскольку здание действительно огромное, даю тебе на все час... Может быть, повезет, и ты управишься минут за десять. Может быть, придется провозиться очень долго... Но мне нужно это полотно, волчонок... Оно очень ценное... Туда доберешься сама своим ходом. А обратно мои люди будут ждать тебя у юго-западного входа в парк. Вот здесь. Передашь им полотно и можешь быть свободна... – Его ладонь бесстыдно погладила ее живот, скользнула вверх, чуть касаясь груди снизу. Жар от его действий туманил сознание, заставлял млеть

и лишал всякой воли к сопротивлению.

– Пожалуйста, не делайте так... – задыхаясь, пролепетала Марьяна, пытаясь оторвать от себя его руки. – Ваша девушка... Она на нас смотрит...

– Моя девушка? – змеиный шепот сейчас звучал несколько удивленно, но скорее снова насмешливо. – Феникс не моя девушка. Я просто иногда ее трахаю, когда пожелаю... Но это вовсе не значит, что у меня не может быть других желаний.

– По-моему, это жестоко... потому что ей не все равно... – с пылом заметила Марьяна и, наконец, оттолкнула его руку и вывернулась из его объятий.

– Как и тебе... Да? – ничуть не смутившись, рассмеялся Барон. – Но послушай, что я тебе скажу... Сердечная привязанность – это слабость, которая в конечном счете сыграет с тобой злую шутку... Поэтому научись быть свободной и брать от отношений только самое приятное...

– Любовь не может быть слабостью. Она – сила. И она приносит счастье, – упрямо выпалила Марьяна. – Ты просто никогда никого не любил, поэтому так говоришь. – Она даже не заметила, как перешла на ты, но так уж получилось. Отступать теперь было поздно, а Барон, вроде бы, и не заметил этой перемены.

– А твоя любовь к сестре разве сделала тебя счастливее? – только спросил он, внимательно вглядываясь в ее лицо. – Ты стала воровкой...

Марьяна слегка смутилась, но тут же взяла себя в руки.

– Да, но это не навсегда.

– Что ж, посмотрим... все когда-то кончается... – холодно произнес стоящий перед ней мужчина, скрестив на груди руки. Девушка невольно прочла выведенные на тыльной стороне его ладони буквы в вензелях и узорах.

– Т-тебя зовут Виктор? – не смогла сдержать любопытство она.

– Да, но не называй меня так, – тут же ответил он и убрал обе руки в карманы брюк.

– Почему?

– Потому что имена – это для близких, – его голос и взгляд стали жестче. – А мы с тобой члены банды. Запомни это навсегда, волчонок, и никогда не забывай. Я пришлю тебе нужные координаты и кое-какие инструкции. Следуй им в точности, если тебе дорога твоя шкура.

На этом Барон вдруг развернулся и ушел прочь, а Марьяна почувствовала себя брошенной, одинокой и ужасно несчастной. А еще она точно знала, что в его словах была какая-то боль, которую он скрывал. Именно поэтому он вдруг так переменялся и снова стал жестоким и равнодушным... Может быть, на его левой руке было написано еще какое-то имя... то, что заставляло его страдать? А, может быть, все его тайны вплетались в узоры татуировки на его теле? Девушка сглотнула и осмотрела площадь. Все присутствующие потянулись к своим автомобилям и мотоциклам. Она тоже побрела к автомобилю, на котором ее сюда привезли, ощущая усталость,

тоску и пустоту. У джипа ждал лениво покуривающий Кабан.

– Ну что? – сразу поинтересовался он, и она была ему благодарна за хоть какое-то участие, даже если это было простым любопытством.

– Я пойду одна.

– В смысле? – мужчина нахмурился.

– В смысле эти двое отказались идти со мной на задание, и Барон посылает меня.

– Ммм... – как-то неопределенно выдохнул Кабан, похоже, очень удивленный.

– Все плохо, да? – выдала свои чувства Марьяна, не выдержав.

Миша пожал плечами, все еще пребывая в каком-то замешательстве.

– А... ты... хоть окно взломать сумеешь?

– Я не пробовала...

– Хуево, подруга...

Девушка только неопределенно развела руками.

– Ладно... – Кабан поджал губы. – Не очень понимаю, чего добивается босс, но ему виднее. Садись в машину. Съездим в одно место – покажу тебе пару трюков. Ну а там... все от тебя зависит.

ГЛАВА 6

Даже сам парк поздним вечером внушал ужас. Инстинктивно Марьяне показалось, что лучше держаться центральных аллей, потому что так она не собьется с дороги, да к тому же не постоянно будет идти между бесконечных чернеющих деревьев, а иногда будет попадать на какие-то постройки и свободное пространство вокруг них. Постройки все-таки были творением рук человеческих, и от этого должно было стать полегче, ведь на растительности парка рука человека уже совсем не чувствовалась – она давно превратилась в непроходимые заросли.

Шла Марьяна по навигатору и по фотографии какой-то старой туристической схемы поместья, раскинувшегося на многие километры. Впереди, как раз на ее пути, когда-то располагался парк развлечений, построенный в восьмидесятые годы и благополучно заброшенный в девяностые. На это даже было любопытно взглянуть, и она приободряла себя тем, что сейчас увидит нечто интересное, какой-то культурный памятник из прошлого. Это место представлялось ей романтическим и, возможно, все еще красивым, несмотря на пролетевшие годы. Однако, когда деревья, наконец, расступились, и она вышла на огромную площадь с хаотичным нагромождением каких-то металлических конструкций, мнение ее тут же поменялось. Старые, покосившиеся, поломанные и рас-

тасканные по частям карусели и аттракционы больше походили на остовы каких-то вымерших древних животных, динозавров или скорее монстров-мутантов... а, может быть, на огромные клетки для них или средневековые приспособления для изошренных пыток инквизиции. Совсем не кстати вспомнился Стивен Кинг, злобные клоуны, зло, притаившееся в бездонных сточных трубах, зло, бесконтрольно рыскающее по лесу, зло, зарытое глубоко в земле, но все же источающее свои тлетворные яды, способные одурманить, заманить в ловушку и свести с ума. На спине тут же физически почувствовались взгляды тысячи глаз, смотрящих из темноты. На коже выступил холодный пот, дыхание перехватило, к горлу подобрался вопль ужаса, а еще дико захотелось в туалет.

Для белых ночей еще было рановато, но в поздний лунный вечер на открытом пространстве все обволакивал холодный белый свет. Тут даже можно было выключить фонарик, но девушка не решилась, ведь вскоре ей предстояло снова войти под сень черных деревьев, уже успевших обзавестись молодой кружевной листвой, создающей тень. От ожидающей впереди черной пасти леса, казалось, волосы шевелились на голове, а ноги отказывались идти. Больше всего на свете хотелось наплевать на все, сбежать отсюда немедленно, оказаться дома в своей постели и забиться под одеяло. Только вот что-то подсказывало, что терпение Барона было не бесконечно, да и его симпатия к ней носила поверхностный,

чисто сексуальный характер. Он ясно дал ей понять, что не потерпит промаха, да и второго шанса не даст. О том, что будет, если она провалит это задание, даже думать не хотелось.

Миновав паукообразный остов карусели устаревшей тягеловесной конструкции, Марьяна двинулась дальше по беспросветной, уходящей вглубь парка дорожке. Под ногами хрустел гравий, и даже от звука собственных шагов обрывалось дыхание. Если верить навигатору, она уже прошла половину пути. Впереди справа ее ждал весь разбитый охотничий домик, а потом ей предстояло свернуть с боковой аллеи на главную, чтобы выйти к особняку. Думать о том, кто может повстречаться ей на пути, не хотелось. Место казалось самым подходящим для всякого сброда, начиная с бомжей и неформальной молодежи и заканчивая маньяками и грабителями. Успокаивало только то, что все кругом покоилось в гробовой тишине. Похоже, парк все-таки был мертв, и желающие посетить его отсутствовали.

Уже в который раз девушка попыталась ответить себе на вопрос, почему кто-то мог захотеть жить в таком месте. Почему-то найти логических объяснений этому не получалось. Возможно, просто днем тут было не так уж неприятно. Все же отсутствие лишних глаз, природа, пение птиц, белочки всякие и ежики имели свою прелесть, особенно для какого-нибудь отшельника-мизантропа, желающего жить в городе и по возможности не соприкасаться с «прелестями» цивилизации. Тем не менее, состояние парка и построек вызы-

вало удручающее впечатление, да и в целом место казалось небезопасным, особенно для человека небедного, решившего окружить себя предметами роскоши. Неужели он делал ставку на то, что на него никогда не выйдут плохие люди? Или был настолько бесстрашен и уверен в собственной способности за себя постоять, что не нуждался ни в охране, ни в сигнализации, ни в надежных замках, ни в близости человеческого присутствия, в первую очередь органов по охране общественного порядка, здоровья и благополучия?

Все эти вопросы разом отпали, когда Марьяна наконец вышла по центральной аллее к поместью. От вида этого мрачного и в то же время удивительно прекрасного здания закружилась голова и невольно открылся рот. Да уж – похоже, хозяин этого места был эстетом со странными склонностями к чему-то готическому... Конечно, усадебный стиль восемнадцатого века северной столицы не имел ни малейшего отношения к готике, но мрачный упадок, в который пришел особняк, вызывал именно такую ассоциацию.

Первой в глаза бросалась огромная ажурная лестница в форме подковы, манящая гостей в свои объятия и ведущая к главному входу на втором этаже. Белые кружева ее кованых перил были различимы даже в темноте и, должно быть, поистине эффектно выглядели днем. Только вот главный вход предназначался для желанных гостей, а не для воришек, поэтому Марьяне пришлось прервать бесцельное созерцание и поискать какое-нибудь окошко на доступной высоте, через

которое она могла бы проникнуть в дом.

Барон заверил ее, что хозяин сейчас находился в отъезде, поэтому ей ничего не грозило. Никаких сторожевых псов у него не было, сигнализацией и камерами слежения он тоже не обзавелся. Заглядывая в бездонную черноту окон, Марьяна дрожала, как в лихорадке. Она и правда чувствовала себя сейчас нездоровой: руки и ноги заledenели, по спине бежал озноб, а щеки неистово горели. Она раньше никогда не вламывалась в чужие дома, а это все-таки было более серьезное преступление, чем таскать кошельки, и за него грозило более суровое наказание...

Первым делом она натянула тонкие перчатки и обошла здание кругом, потолкав все окна: все оказались запертыми. Из-за перепада высоты с одной стороны здания окна шли почти вровень с землей, с другой они уже находились на уровне нормального первого этажа. Перепад был довольно большой, и девушка прикинула, что первые, видимо, вели в какое-то полуподвальное помещение, а вторые именно на первый этаж. Она без колебаний выбрала вторые. Идея сразу оказаться в каких-то складских или технических заброшенных комнатах ей совсем не понравилась. Выбрав одно из окон, она достала старый перочинный нож, подаренный ей Кабаном. Старинные окна изнутри запирались на обычные щеколды, и она без труда поддела одну из них, немного расковыряв подгнившую деревянную раму. Окно раскрылось с легким треском. Изнутри пахло ароматом новой ме-

бели – едва уловимой композицией из запахов древесины, лака, краски и нового текстиля. Так обычно пахнет в только что отремонтированных и обставленных квартирах. Что ж – первое впечатление было приятным. Она скорее ожидала чего-то более подходящего для подобного места: плесени, грибка, гниения.

Еще изнутри повеяло покоем и тишиной. Все, вроде бы, шло как надо, дом наверняка был пуст, как ей и обещали, но сердце почему-то все равно билось в горле, и она никак не могла заставить себя перелезть через подоконник, хотя уже обшарила светом фонарика пол и кое-какие предметы мебели. Помещение показалось ей небольшим – какая-то комната отдыха с камином и с красивым паркетом, зеркалами на стенах и изящными диванчиками, выстроившимися по периметру. Марьяна выдохнула, стиснула зубы и заставила себя забраться на подоконник и спрыгнуть на пол. Несколько секунд она стояла, не двигаясь, все ожидая, что сейчас на нее кто-нибудь накинется... Но ничего не произошло. Девушка начала осторожно двигаться к центру комнаты на негнущихся ногах, одновременно оглядываясь по сторонам.

Поразмыслив об этом еще накануне, Марьяна решила проникнуть в дом с бокового фасада, чтобы потом последовательно обходить каждый этаж, не возвращаясь обратно. Сейчас она находилась в левом крыле, и ей предстояло пройти этаж по всей длине, осматривая каждый его закоулок. В первой комнате она не нашла ничего примечательного. Кар-

тины на стенах висели, но не те. Оставалось только надеяться, что то самое полотно хранится не в каком-нибудь недоступном тайнике, а точно также вывешено на видном месте в одной из зал. Иначе зачем было бы его приобретать за бешеные деньги, если им потом нельзя было бы любоваться? Идея о том, что его можно было бы перепродать, как-то сразу не пришла ей в голову. Впрочем, все это было не ее дело. Ей только нужно было украсть то, что приказали, доставить, куда следует, и передать тому, кому велено, при этом не попавшись. По-видимому, для нее, как для новичка, специально подобрали такое простое дело, чтобы она его не провалила...

Планировка особняка, как и у всех усадеб и дворцов того времени, оказалась стандартной – бесконечный коридор тянулся на всю длину этажа, а вдоль него шли разные комнаты: маленькие, средние и побольше, обставленные и отделанные каждая в своем неповторимом стиле. Все они казались довольно-таки бесполезными с практической точки зрения и отдавали холодом. Зеленый каминный зал с шелковыми обоями, покрытыми растительным орнаментом, с бархатными шторами на окнах и шикарно отделанной изразцовой печью. Охотничий каминный зал с ружьями на стенах и картинами со сценками охоты. Голубая столовая с каким-то столпотворением античных богов и героев на расписном потолке, с красиво сервированным серебром столом и несколькими сервантами для посуды. Белая спальня с золотыми часами,

кроватью под балдахином и с изящными павлинами на стенах. Все это имело ровно тот же вид, что и в дворцах-музеях, которые Марьяна часто посещала с сестрой и мамой в детстве, когда их семьи еще не коснулись тяжелые испытания. Сразу чувствовалось, что в этих комнатах никто не живет. Их просто воссоздали в первоизданном виде с роскошью и со вкусом. За ними, видимо, следили, чтобы поддерживать здесь чистоту и порядок, но мало кто на самом деле по ним хотя бы прохаживался, не то что проводил здесь время...

На второй этаж вела шикарная мраморная лестница. Белые ступени, многочисленные рельефы и барельефы на стенах, а также античные статуи полуобнаженных дев, воинов и амуров нежно оттеняли своей белизной бирюзу стен, угадывающуюся в луче фонарика и в слабом свете луны, струящемся из огромных окон. Закинув голову, Марьяна пыталась рассмотреть все новые и новые фрески на потолке, медленно и бесшумно поднимаясь вверх, зачарованная и ошеломленная такой красотой. Что за человек мог здесь жить совершенно один? Делился ли он хоть с кем-нибудь всей этой роскошью? Приглашал ли гостей? Устраивал ли какие-нибудь приемы? Может быть, сдавал особняк в аренду для каких-нибудь мероприятий? От своих более обеспеченных сверстниц она слышала, что даже исторические особняки часто снимали для проведения свадеб или юбилеев. Она и мечтать не могла о подобном, даже считала это ненужным пафосом, но сейчас она отлично понимала тех, кто имел возмож-

ность наслаждаться такой красотой... О таком стоило мечтать и к такому стоило стремиться... Погруженная в любованье, она на время даже забыла о своем страхе, и на ее губах цвела восторженная улыбка.

Попав в огромный, холодный и пустынный холл второго этажа, колонны которого уносились ввысь живописными столпами, она заворожено остановилась, переводя дыхание. Как жаль, что ей нельзя было включить свет и в полной мере насладиться всем этим великолепием! Впрочем, даже в темноте она очень живо представляла себе, какие тут можно было бы устраивать приемы и балы, как тут мог бы раздаваться звонкий смех и изысканная классическая музыка, как пары могли бы кружиться в танце или слушать концерты в камерной атмосфере. Только взяв себя в руки, она смогла сосредоточиться на дальнейших поисках.

Большую часть второго этажа занимали огромные пустые балльные залы с бесконечными рядами высоких арочных окон, зеркал и подсвечников, со сверкающим при свете луны инкрустированным паркетом и целым пантеоном богов на потолках. Однако, нужной картины не оказалось и здесь.

Винтовая лестница, расположенная в боковой башне здания, привела ее на третий и последний этаж. Тут что-то заставило ее насторожиться, потому что даже воздух здесь поменялся... От него веяло жизнью, он был пропитан множеством запахов, довольно приятных, свидетельствующих о том, что кто-то находился здесь довольно часто. А еще,

немного обследовав интерьеры фонариком, Марьяна поняла, что отличался этот этаж еще и обстановкой. Комнаты внизу стояли практически полупустые. Здесь же царил уют тщательно и со вкусом обставленных помещений. Кроме того, роскошную мебель в том же дворцовом стиле уже дополняли практичные предметы быта, а не только бесполезные украшения. На диванах были разложены расшитые подушки, на креслах лежали пледы, на столиках и тумбочках – веерами были разбросаны журналы, книги и какие-то бумаги. Никакого паркета тут не было. Все полы покрывала шахматная плитка, ковры или шкуры животных. Картин на стенах стало заметно больше. Книжные шкафы ломились от книг, посуды, статуэток, ваз и прочих предметов. Кое-где даже можно было обнаружить небрежно брошенную одежду.

Скорее всего, весь третий этаж претерпел полную перепланировку. Смежных комнат Марьяна тут практически не обнаружила, и это тоже придавало каждому отдельному помещению уюта. Попав в великолепно обставленный кабинет из просторного холла, она сначала чуть было не завопила на весь дом, потому что случайно наткнулась лучиком фонарика на рыцарские доспехи. Рассмеявшись над своей трусостью, она внимательнейшим образом исследовала всю обстановку, а затем рассмотрела каждую картину на стенах. Оказалось их тут шестьдесят три – увлекшись, она специально их посчитала.

С книжных полок на нее смотрели корешки огромных фо-

лиантов с золотыми и серебряными вензелями. Соблазн вытащить хотя бы один и полистать был настолько велик, что ей пришлось просто бить себя по рукам, чтобы этого не делать. Впрочем, она тут же отвлеклась на груды разложенных на огромном письменном столе бумаг, исписанных каллиграфическим почерком. Временем на чтение она совсем не располагала, но от охватившего азарта и любопытства она не смогла удержаться и даже провела по ним пальцами в перчатках. И какие же тут были красивые письменные принадлежности! Тяжелые золотые перьевые ручки, золотые же автоматические карандаши, органайзеры из красного дерева и цельного камня, малахитовые настольные часы и роскошная настольная лампа тоже на малахитовой подставке...

Среди всего этого классического великолепия обнаружился ультрасовременный ноутбук, огромный плоский телевизор на стене, а также музыкальный центр с гигантскими колонками. Марьяна попыталась представить себе, как музыка из особняка разносится ночами по пустынному парку и тут же оборвала свои мысли. Увлечшись фантазиями, она совершенно забыла о времени. Оказывается, она провела в особняке уже больше получаса, но так и не нашла то, зачем сюда пришла.

Обойдя почти весь этаж в ускоренном темпе, она также обнаружила гигантскую ванную комнату с огромным джакузи посередине, которое отражалось в многочисленных зеркалах. Похоже, хозяину этого места нравилось любоваться

собой не меньше, чем всей окружающей его красотой. Кстати, почему-то он уже начинал нравиться и ей самой.

Почти бегом проскочив гостиную с камином, столовую, домашний кинотеатр, оранжерею и даже зал для фитнеса, девушка подошла к последней оставшейся комнате – по-видимому, спальне. Взгляд невольно остановился на огромной тяжеловесной и грубой распахнутой железной двери, больше подошедшей бы для сейфа или для хранилища золотых слитков в каком-нибудь банке. Марьяна сглотнула. Передвинуть эту дверь было довольно тяжело, поэтому она обошла ее, чтобы осмотреть снаружи. Не обнаружив там ни ручки, ни замка, она перешла к осмотру внутренней стороны и невольно опешила. Там располагалась клавиатура для набора кода, довольно большой замок-вертушка, который она, скорее всего, не смогла бы повернуть самостоятельно, а еще, кажется, считыватель отпечатка пальца. Ноги как-то сразу ослабли, а во рту пересохло, когда Марьяна попыталась себе представить, зачем кому-то запирать себя изнутри на сейфовую дверь и кодовый замок. Неужели здешнему обитателю все-таки было так страшно в одиночестве, что он пытался обезопасить себя таким странным образом? Что ж... Может быть, в этом был смысл... Только вот что-то еще во всем этом вдруг ее напрягло.

Марьяна осветила фонариком вглубь комнаты за железной дверью. О, это действительно оказалась шикарная королевская спальня – вся в белом роскошном текстиле и зо-

лотом блеске! Огромная кровать под балдахином, мягкие ковры, меха, шелка, тончайшей работы резная мебель и всевозможные предметы роскоши от изящных светильников и ошеломляющей люстры до захватывающего дух трюмо с инкрустациями и зеркалом в витой золотой раме. И все же от этой комнаты веяло опасностью...

К горлу быстро подобрался знакомый страх, который тут же перехватил дыхание и яростно вгрызся в живот. Эта комната показалась ей вдруг слишком темной. Слишком. Будто чья-то гробница. Она не хотела туда входить, хотя она, кажется, оставалась последним местом в доме, где могла находиться эта чертова картина. Кроме подвала, само собой. Девушка стиснула зубы, до боли сжала в руке фонарик и жадно втянула носом воздух. Туда нужно было зайти и все внимательно осмотреть. Возможно, даже обшарить комоды и шкафы... ведь не могла же она уйти отсюда ни с чем. Барон тогда точно больше не будет с ней таким милым... Она еще помнила, как он порезал ей шею в первый день их знакомства, и ничуть не сомневалась, что он мог на этом и не остановиться.

Преодолевая панику, Марьяна шагнула в спальню и в первую очередь подошла к зашторенному окну. Выждав несколько секунд, будто боялась увериться в своих подозрениях, девушка отдернула тяжелую портьеру в сторону и тут же в ужасе отпрянула. За портьерой шла глухая стена. Метнувшись ко второму, а затем и к третьему окну, она обнаружила ровно то же самое и резко обернулась в сторону выхода,

вдруг ощутив жар, панику, дрожь и удушье. Она, вроде бы, никогда не страдала клаустрофобией, но в данный момент прекрасно понимала тех, кто не переносил замкнутых пространств. Желание поскорее удрать отсюда казалось непреодолимым, но, боже, как же глупо и трусливо было бежать, уже практически достигнув цели. Некоторое время она стояла, жадно вглядываясь в проем открытой двери, тяжело дыша и кусая пересохшие губы. Потом вдруг приняла решение, попятилась к прикроватной тумбочке, не выпуская из поля зрения выход, и включила ночник. Все озарил теплый успокаивающий свет. В первый момент от него резануло с неприязни глаза, но это быстро прошло...

Девушка обвела быстрым взглядом всю комнату. О, боже! Вот она! Эта чертова картина в золоченой раме стояла закрепленная на декоративном этюднике! Классическая живопись девятнадцатого века – какая-то обнаженная девушка, растянувшаяся на шелковой постели и держащая в руке темно-бордовое наливное яблоко, которое почти поднесла к алым губам. Марьяна, конечно, не разбиралась в искусстве, поэтому не могла оценить качество работы в полной мере, тем более что предпочитала скорее импрессионизм или модерн. Кажется, Барон говорил, что когда-то картину похитили из какого-то музея, с тех пор она кочевала из одной частной коллекции в другую, иногда мелькая на черном рынке. Наверное, приобретая предметы искусства незаконным путем, нужно быть всегда готовым к тому, что кто-то может та-

ким же незаконным путем эти предметы присвоить. Так она себя успокаивала, пока дрожащими руками вырезала холст с подрамника острым, как бритва, строительным ножом. Только бы не порезаться! Еще не хватало оставить в этой жуткой комнате следы своего присутствия, да еще свою ДНК.

Справившись, наконец, с задачей, Марьяна на ходу свернула холст в трубочку и сунула его в сумку. Холст, к счастью, был невелик, всего сантиметров сорок в длину, так что сверток получился довольно компактным. С облегчением выскочив из ужасной комнаты, девушка почему-то решила вернуться в кабинет, затем в гостиную и остальные комнаты. Любопытство все-таки было сильнее страха, и она последовательно проверила каждое зашторенное окно: все они были лишь имитацией окон. За тяжелыми портьерами везде, кроме оранжереи, шла глухая стена. Если бы не железная сейфовая дверь, возможно, она и не обратила бы на это внимание – так искусно маскировал все роскошный текстиль... Нехорошие предчувствия только усилились. Нет, ей совсем не хотелось думать о чем-нибудь мистическом или потустороннем... Но как еще можно было объяснить такую странность здешнего хозяина?!

Девушка бросила беглый взгляд на часы и поплотнее укуталась в тонкую джинсовую куртку. Вечер был довольно теплый, но сейчас ее начал пробирать озноб, зубы стучали, если крепко не сжимать челюсти. Как-то разом осмыслив все, что она здесь увидела, она вдруг припомнила еще одну важную

деталь – во всем доме не было кухни... Вроде бы, она нигде не видела даже мини-бара или холодильника с напитками, не говоря уже о кулере, чайнике или кофеварке... Не мог же человек даже не употреблять напитки, и лишь пить воду из-под крана? Или мог...

Бегом спускаясь вниз по лестнице, Марьяна заставляла себя считать. Просто чтобы отвлечься от жутких мыслей и не думать. Просто чтобы не сорваться и не завопить от накатившего ужаса. А еще – чтобы не поддаться навязчивой идее, атакующей сейчас ее воспаленный мозг, идее осмотреть оставшуюся часть дома: подвал. На втором и первом этаже ей стало заметно спокойнее. Мысли снова вернулись в рациональное русло, и она попробовала доказать себе, что, наверное, хозяин проводил тут не так уж много времени и поэтому предпочитал питаться исключительно в ресторанах. В конце концов, такой богатый человек мог позволить себе еще одну маленькую странность. Как на зло, это очевидное объяснение только усилило желание исследовать оставшуюся часть дома. В противном случае она больше никогда не сможет спать спокойно, не узнав тайны этого особняка. Один случай из детства и так слишком надолго потревожил ее покой – сходить с ума из-за нового страха остаток жизни ей совсем не хотелось.

– Дура, дура, дура, чертова дура... – бормотала она себе под нос почти неслышно, спускаясь по темной лестнице в подвал. Ноги плохо слушались от слабости, поэтому, чтобы

не упасть, она скользила рукой по перилам, а когда они кончились – по стене. К счастью, подвальное помещение не было лишено окон. Как она и думала, задние окна здания, шедшие вровень с землей, как раз находились здесь. Тьма была не полной, а помещение ничем не захламленным, чистым и просторным. Пол и стены, правда, были бетонными, никакого домашнего уюта тут не наблюдалось, но все же и ничего особенно негативного тоже. В одном из помещений располагалось котельное оборудование – оно гудело, щелкало и хлопотало, но все же все это были обычные технические звуки... Марьяна продолжила осмотр и заглянула в просторную комнату с одним окном и несколькими промышленными рефрижераторами. От них тоже исходил легкий гул и кряхтение. Еще тут стоял самый обыкновенный деревянный стол, на котором располагался некий прибор, по виду напоминавший микроволновку, а рядом со столом находился единственный стул. Вот и все. Ничего пугающего и сверхъестественного.

Казалось бы, удостоверившись, что все в порядке, Марьяна уже могла бы уходить, но внутренний дух исследователя толкнул ее к новым действиям. Девушка приблизилась к одному из рефрижераторов и открыла дверцу, замерев в полном непонимании и шоке, потому что на нее дохнуло адским холодом. Маленький цифровой-экран наверху показывал температуру минус сорок градусов по Цельсию, а все полки снизу доверху были забиты какими-то одинаковыми плоскими и продолговатыми полиэтиленовыми пакетами с

чем-то темным внутри. Склонившись ближе, она слегка вытянула один из пакетов, аккуратно держась за его кончик, посветила фонариком и отчетливо почувствовала, как руки затряслись крупной дрожью, а на голове встали дыбом волосы. От верхней части пакета шли какие-то трубки с клапанами, а на наклеенной на боку этикетке черным по белому было напечатано: «Стерильно, нетоксично, апиrogenно», «Цельная кровь, 450мл», «Группа АВ0», «0(I)».

Марьяна едва не выронила ледяной пакет из рук, но все же успела запихнуть его обратно. В висках стучало, сердце тоже колотилось, как бешеное. Она захлопнула дверцу рефрижератора и отступила назад, оглядываясь по сторонам. Твою мать, зачем только она сюда забралась?! Надеялась найти успокоение, а нашла только новый кошмар, который теперь будет видеться ей каждую ночь! Дрожащий лучик фонарика высветил в темноте еще один проход в следующую комнату. Он обшарил бетонный пол, нащупал в темноте еще целый ряд рефрижераторов и испуганно вернулся обратно к выходу, сосредоточившись на двери. Дверь стояла распахнутой наружу, но не сразу бросилась Марьяне в глаза. Сейчас же тонкий лучик обнаружил на ней толстый слой металла, кодовый замок и уже знакомую сейфовую ручку-вертушку – все точно так же как и в спальне наверху...

Все... Это было последней каплей... Подавляя вопль, тошноту, отвращение и нестерпимые позывы в туалет, девушка метнулась к выходу, не помня себя, взбежала по сту-

пенькам и со всей мочи понеслась по просторным галереям первого этажа к тому самому окну, через которое проникла в дом. Ее шаги гулко отдавались в темноте, но ей уже было плевать. Был ли кто-то за ее спиной или нет, ощущение преследования не покидало ее ни на секунду, не давая оглянуться, отдышаться или замедлить ход. Вскочив на подоконник, она вцепилась в раму, уже готовая выпрыгнуть наружу, но тут невольно охнула и выругалась, отдернув руку. Кажется, она поранилась обо что-то. Не сильно, не глубоко, но все равно неприятно. Марьяна замерла на подоконнике и стянула с себя перчатку. На мизинце выступило немного крови, руку пришлось придерживать, чтобы она не тряслась, будто не своя.

Загнанно оглянувшись назад, на пустую комнату, она заставила себя задержаться и осмотреть раму. Там, где она расковыряла древесину, во все стороны торчали щепки и еще тоненький, как игла, острый гвоздик. Марьяна выругалась еще раз всеми страшными ругательствами, какие знала, прокляла за тупость себя, а также Барона, Паука, Кирилла и даже Кабана за то, что все они послали ее на это дело одну, не предложив должной поддержки. Эти сволочи наверняка рассчитывали, что она провалится и даже подставит их, хотя, если бы она была тут не одна, то точно не накосячила бы так глупо! Тоже еще мужики называется!

Под светом фонарика она внимательно осмотрела раму и гвоздь. Очень хотелось плюнуть на все и убежать, но этого

нельзя было делать, не уничтожив улики. Крови на самом деле нигде не было видно, но рисковать она не собиралась. Достав из сумки предусмотрительно заготовленные спиртовые салфетки, девушка тщательно протерла гвоздик, а затем взяла нож и сковырнула верхние слои дерева рядом с ним. Собрав все щепки и закинув их себе в сумку вместе с использованными салфетками, она спрыгнула на землю, слегка прикрыла окно и больше не задерживалась здесь ни на секунду.

В боку колело, волосы растрепались, все тело колотило, как в лихорадке, а кислород рвал легкие на части, когда она, как бешеная, выбежала из парка в условленном месте, ни разу не остановившись по дороге. У тротуара был припаркован ничем не приметный черный Фольксваген поло с условленным номером. Заметив ее, водитель предусмотрительно мигнул дальним светом, и она без сомнений рванула к нему, открыла дверь и заскочила на заднее сидение.

– Где товар? – мрачно пробубнил какой-то лысый тип рядом с ней вместо приветствия.

– В сумке, – девушка поспешно вытащила сверток и передала в протянутую мужскую лапищу.

– Что ж, молодец. Свободна, – холодно ответил он, как отрезал, мельком глянув на холст и переложив его в свой рюкзак. Автомобиль к ужасу Марьяны даже не думал двигаться с места.

– Я здесь не выйду! – выпалила она, понимая, что просто

умрет от разрыва сердца, если снова окажется вблизи этого парка. – Отвезите меня хотя бы до метро!

– Тебе тут что – такси, блядь? – вдруг злобно рывкнул водитель, и Марьяна узнала в нем того самого типа, который вел машину, когда ее похищали. Кажется, его кличка была Слон.

– А мне плевать! – тоже взвившись, возмутилась она, решив, что по собственной воле она из автомобиля просто не выйдет. – Я ведь понятия не имела, что меня одну отправили в дом к какому-то маньяку!

– За тобой был хвост или в доме кого повстречала? – немного сбавив обороты, резонно поинтересовался лысый.

– Я никого не видела, – уверенно ответила она.

– Тогда чего ты выкобениваешься, сука? – Слон, похоже, до сих пор намеревался ее высадить – чем-то она ему явно не приглянулась.

– Слушай, да хорош, – лысый совершенно смягчился и перешел на спокойный тон. – Отвези ты ее, куда она хочет. Вон тут станция метро поблизости. Было бы о чем трепаться.

– Посылают всяких соплячек – потом возись с ними... – пробурчал Слон, но с ручного тормоза автомобиль все же снял и наконец-то тронулся, набирая скорость.

– Я на это дело не напрашивалась! – все еще кипя от гнева и шока, не унималась Марьяна.

– Ну, ну... хватит уже... уймись... Видишь, едем уже... – как для маленькой разъяснил лысый и ослабился. – Чего

вся трясешься? Привидение повстречала и в штаны наложила?

– Привидение?! Там... там... – Марьяна чуть было не выболтала все, что только что увидела в ужасном особняке, но почему-то предусмотрительно прикусила язык. Только слезы облегчения вдруг хлынули из глаз, но это уже было не важно. – Да ничего... Просто жуткое место – вот и все.

Она выдохнула и расслабилась, откинувшись на сидение, а сидящий рядом мужик незлобно гыкнул.

– Первый раз что ли?

– Да...

– Первый раз – он трудный самый... На вот, глотни... – он протянул ей какую-то фляжку. – И в порядок себя приведи, а то в метро не пустят.

Марьяна сделала обжигающий глоток, поморщилась, а потом рассеянно осмотрела себя со всех сторон. Куртка была выпачкана в чем-то белом, должно быть, обтерла где-то известку. К джинсам прилипла сухая прошлогодняя листва, волосы, наверное, тоже растрепались, а на кроссовки налипла грязь. Она распустила косу и заново собрала волосы в тугой конский хвост, отряхнулась и немного почистилась. Что ж... Кажется, в ближайшее время ей стоило поговорить с Бароном... а еще всерьез подумать о собственной безопасности. Еще одну такую вылазку она может и не пережить.

ГЛАВА 7

Ник уже подходил к дому, когда учуял чудесный, ни с чем не сравнимый запах свежей крови. Он не был голоден, но отказать себе в удовольствии, когда десерт сам шел в руки, было бы глупо. С последней настоящей охоты прошла всего неделя, и он вполне мог продержаться на донорской крови еще месяц, однако, конкретно эта жертва чем-то его взволновала, фактически не оставляя выбора. Облизнувшись, он ускорил шаг и свернул с основной аллеи в заросли деревьев и кустарника, чтобы добраться до цели более коротким путем. Кстати, что делало это создание на его территории? В его парке? Рядом с его домом? Обычно люди сюда не забредали, особенно по ночам... разве что маргиналы, неформалы и изредка излишне любопытные любители старинной архитектуры и заброшенных поместий... У первых инстинкт самосохранения начисто отсутствовал вследствие особенностей психики, употребления алкоголя или наркотиков, у вторых – зашкаливало желание повыпендриваться перед друзьями, выставив в сети крутые селфи на фоне живописных развалин... Некоторые даже могли написать вполне пристойную статейку по истории или архитектуре... Но все же такое случалось крайне редко. Нормальных людей, не желающих расстаться с жизнью, сюда ничто не манило – у дома и парка была, как это говорится, плохая аура и дурная репутация. Тем

более, здесь совершенно нечего было делать молоденькой и неопытной девушке, напуганной до полусмерти. Может, на спор сюда заявила, не желая опозориться перед крутыми друзьями? А, может, тоже была из фанатичек, учащих на дизайнера интерьерера и мнящих из себя утонченного специалиста по архитектуре первой половины девятнадцатого века?

В любом случае девочке не повезло... Неделька сладких утех в одурманенном состоянии немного нарушит ее планы на учебу и на что бы там ни было. Надо будет не забыть напомнить ей, чтобы позвонила родным или друзьям, а то вдруг она успела кого-нибудь предупредить, куда собирается... Лишние праздношатающиеся и любопытствующие им здесь будут совсем не нужны в ближайшие дни.

Жадно пожирая аромат свежей крови, Ник уверенно шел через заросли, а когда почувствовал, что жертва перешла на бег и довольно быстро удаляется, тоже прибавил скорости. Да – это определенно был его типаж. Здоровая, юная, никем еще не тронутая, раненая... Да и бегала быстро, а значит, была в хорошей физической форме. Устоять просто невозможно... Жаль он заметил ее слишком поздно, потому что она уже приближалась к выходу из парка, а ему еще было до нее не меньше километра... Неужели упустит? Вампир остановился и попробовал ее позвать, но девушка совершенно не отреагировала. Видимо, страх отшиб на время все остальные чувства... Что ж, значит, придется побегать...

Черной тенью рассекая лес, он, наконец, выбежал на опустевшую улицу и успел только заметить, как от пустого тротуара отъезжает автомобиль. Видимо, это прелестное создание так натерпелось страху, что решило поймать попутку. Ник выругался себе под нос. Аромат ее крови все еще витал в воздухе и дразнил ноздри и желудок. Угроздило же эту дуреху еще и пораниться на его территории... Несколько секунд вампир размышлял, что ему делать – вернуться домой ни с чем или все же попытаться выследить этот лакомый кусочек. Он взглянул на наручные часы: без двух минут полночь... Высока была вероятность того, что девчонку только подбросят до метро, ведь студентки вечно экономят деньги... А уж там он с легкостью возьмет ее след. Кровь оставляет следы, неуловимые для человека, но всегда проступающие яркой красной линией для хищника.

Идти пешком до метро было минут пять-семь. Ник не торопился. Теперь уже время не имело значения – оставалось полагаться на счастливый случай. Когда до входа было метров пятьсот, он снова его почувствовал – этот дурманящий и зовущий аромат. Значит, его предположение было верным. Спустившись в подземку, он тут же взял след и довольно ухмыльнулся: народу на эскалаторах и платформах осталось совсем не много. Конечно, он шел за ней с большим отставанием и едва ли успел бы нагнать, зато посторонние запахи ему не мешали. Все же как он любил такие моменты – томительные и волнующие, тревожащие и многообещающие. Еще

немного – и у него появится новая беспомощная игрушка, с которой можно будет забыться и расслабиться, отдавшись зову плоти и зову голода.

Сделав две пересадки, он, наконец, вышел на нужной станции и нетерпеливо закусил губу, благодаря богу, что не очень голоден и может спокойно контролировать трансформацию. На всякий случай он все же натянул капюшон толстовки до предела и чуть приподнял тонкий шарф, прикрыв подбородок и губы. Все же эта девчонка слишком возбуждала как голод, так и плоть.

На улице поднялся ветер, а эта трусишка, видимо, снова припустила во весь дух, и Ник немного сбился с пути, но ее фатальная ошибка спасла его от неудачи – в одной из урн он учуял влажные салфетки, пропитанные ее кровью. Тогда вампир выбрал направление и прибавил ходу, пока снова не взял след. Он не бежал, но шел быстро и уверенно, как волк, уже уверившийся в близости добычи, загнавший ее в ловушку и предчувствующий ее смерть. Его расстегнутая куртка трепыхалась на ветру, с головы сорвало капюшон, но теперь он уже не собирался медлить. Переход через узкую улочку, поворот в арку, лабиринт из дворов, подъезд – и вот она, стоит у двери и набирает код. Настигнуть ее с такого расстояния он уже не успел бы, поэтому Ник позвал ее требовательно и взволнованно. Девушка резко оглянулась через плечо, будто что-то кольнуло ее в спину, и окинула полным непонимания взглядом двор. Ее глаза остановились на его фигуре, прячу-

щейся в тени арки вдалеке, и она почти уже готова была забыть все и пойти к нему навстречу, даже не видя, к кому идет. Только до Ника вдруг дошло, что звонок домофона уже раздался в ее квартире. Его наверняка слышали родные, которые точно поднимут панику, если их девочка не явится домой через пару минут. Конечно, существовала вероятность, что она жила одна, но... Но Ник отбросил эту мысль. Он пока еще не выжил из ума, чтобы так рисковать. И так уж несся за ней, как ошалевший от гормонального взрыва мальчишка, толком не глядя по сторонам. Прекратив зов и стиснув кулаки и зубы, хищник с жадностью наблюдал, как она скрывается за дверью своего подъезда, затем огляделся по сторонам. Район оказался довольно жалким, как и дом, в котором она жила. Старинные облезлые трехэтажки обступили со всех сторон покрытый битым асфальтом клочок земли. Ни дерева, ни скамейки, ни клумбы. Кое-где стояли дешевенькие припаркованные машины. На окнах первого этажа были закреплены ржавые решетки, а свет исходил только от фонарей над дверями двух расположенных друг напротив друга подъездов.

Что ж, теперь он знал, где она живет... Как только появится время и настроение поиграть, он обязательно сюда вернется... Отсрочка и предвкушение волновали еще больше...

Выйдя на оживленную улицу, Ник тут же вызвал такси. Что-то он слишком сегодня разгорячился, поддавшись на секундный порыв, а теперь он чувствовал легкое раздражение,

убеждая себя в том, что все это из-за работы, на которую теперь останется меньше времени. На этот раз он попросил остановить машину не рядом с главным входом, а в нескольких сотнях метров от особняка. Ему больше не хотелось ночных прогулок, хотелось домой, и хотелось дозы хотя бы донорской крови, если не живой. Как только автомобиль унесся на достаточное расстояние, молодой человек зацепился руками за высокое кованое ограждение парка, подтянулся и легко перемахнул на другую сторону, на мягкую лесную почву. В полной темноте он сразу почувствовал себя сильнее и свободнее. В городе ночному хищнику не всегда приходилось легко: слишком много шумов, слишком много света, слишком много потенциальных жертв.

Углубившись в тьму парка, Ник снова учуял ее запах чуть в стороне и инстинктивно взял след. На губах невольно расцвела кровожадная улыбочка, когда след привел его ко зломанному на первом этаже окну. Значит, вот как... Признаться, ей удалось его удивить. А он-то думал, что она так только, фасад пощелкала и бегом ломанула домой... Храбрая зайка... Вампир протянул руку, тронул исковерканную ножом часть рамы и торчащий острый гвоздь, затем поднес пальцы к носу и закрыл глаза. Ему нужна эта девчонка. Ник облизнулся. Как можно скорее.

Обойдя дом, он зашел в него с центрального входа под лестницей. Внутри все ей пропахло, хотя кровь здесь чувствовалась не так уж сильно. Шлейф ее недорогих слабень-

ких духов, ведущий в кладовку, слегка напряг... В мысли за-
кралась неприятная мысль об охотниках-наемниках. Иначе
что бы ей делать не на верхних этажах, а здесь, в полупод-
вале? Внутри все оставалось без изменений, только ее любо-
пытные ручки успели побывать на двери рефрижератора...
Что ж, понятно, что ее так испугало, если она столкнулась с
подобным первый раз... Все же на охотницу она совершенно
не походила. Слишком молоденькая, слишком испуганная.

Ник взял один пакет с кровью, тот самый, что брала она и
на котором остались отпечатки ее теплых пальчиков в пер-
чатках, открыл аппарат для разморозки и подогрева плаз-
мы, уложил туда пакет и нажал на несколько кнопок, задав
режим. Через пятнадцать минут ужин будет готов, а он тем
временем осмотрит остальные комнаты.

На первом и втором этаже ничего любопытного больше
не обнаружилось. Она не прикасалась здесь ни к чему. Воз-
можно, только фотографировала. Оказавшись в жилых по-
мещениях наверху, Ник насторожился, внимательно прислу-
шиваясь, принюхиваясь и приглядываясь ко всем деталям.
Он прошелся по всем комнатам, почему-то невольно пред-
ставляя, как проводил бы время с ней в каждой из них. Ей
бы наверняка понравилось, как и ему. Он улыбнулся. Од-
нако, улыбка вдруг быстро сошла с лица, когда он вошел в
спальню и наткнулся взглядом на вырезанный прямо из ра-
мы холст недавно приобретенной картины. Некоторое вре-
мя Ник стоял в замешательстве, нахмутив брови, но прошло

всего несколько секунд, как он разразился раскатистым смехом, подошел к рамке, взял ее в руки, поднес к носу и вдохнул. На ней тоже был аромат девчонки, милые цветочные духи... Кстати, сказать, не очень умно было с ее стороны душиться перед тем, как думала вломиться в чей-то дом... Но новичку подобное произошло, конечно... Особенно если ворюшка украл полнейшую безделушку. Вздумай он обратиться в полицию, над ним бы попросту посмеялись... Этой картине вместе с рамой в красный день цена была тысяча сто, не больше... И где она теперь станет продавать этот рваный холст? На Avito или Ebay? Ник снова раскатисто рассмеялся. Похоже, эта отважная зайка пересмотрела голливудских фильмов про похищение предметов искусства! Залезла в богатый дом, глаза разбежались, и решила прихватить с собой хоть что-нибудь ценное... И все же... ее дерзость определенно стоило наказать... Он будет долго с ней забавляться... очень долго...

Выйдя из спальни и прихватив с собой теперь уже ненужную рамку от картины, чтобы оставить ее на выходе и потом выбросить, Ник снова спустился в подвал. Кровь к тому моменту уже оттаяла и подогрелась до нужной температуры. Порывшись в столе, он извлек оттуда новую капельницу, жгут, медицинский пластырь, ножницы и небольшой стаканчик. Теперь оставалось только запереться в своем персональном бункере, чтобы отгородиться ото всего мира и по-настоящему расслабиться в покое и темноте. Двадцать ми-

нут транса пролетят незаметно. Последние оставшиеся в пакете пятьдесят грамм крови он выпьет, поморщившись. Ничего нет отвратительней мертвой, да еще мороженой крови... разве что кровь животных... Жить на ней, конечно, тоже можно, когда совсем припирало, но по собственному желанию ни один вампир не согласится на такой рацион пожизненно.

Ник принимал душ, когда почувствовал чужое присутствие. Свою недавнюю знакомую он узнал сразу и тут же ухмыльнулся приятному совпадению – она пожаловала как раз вовремя, чтобы не дать ему заскучать. Правда, полночи работы теперь насмарку, но это ничего... Сегодня он что-то был слишком взволнован, чтобы работать, а приятная компания молодой вампирки могла бы немного развлечь и главное подарить желанную разрядку.

Ник протер мокрые волосы полотенцем, а другое обернул вокруг бедер. Немного одеколона на мокрую кожу и сверкающая белоснежная улыбка – приятные штрихи к портрету молодого, красивого и обаятельного мужчины в зеркале. Разве что золотисто-карие глаза выдавали вечный голод кровожадного хищника. Холодный, пронзительно прямой взгляд мог пригвоздить к месту и вызвать оцепенение, если Ник не маскировал его под личиной приятной любез-

ности.

Юлю он, конечно, нашел в кабинете, за его собственным столом. Она сидела в кресле, слегка наклонившись вперед, и бесцеремонно вчитывалась в разбросанные по столу бумаги. Ник улыбнулся.

– Никто не учил тебя не трогать чужие вещи? Или это у всех детективов такие дурные манеры?

– Ах, прости, Ник... – иронично бросила она, даже не подняв на него взгляд. – Какие уж тут манеры в двадцать первом веке... Только бизнес и ничего личного. Волка ноги кормят... сам знаешь...

– Именно поэтому я никогда ничего ценного не оставляю здесь на всеобщее обозрение, – заметил он, тем временем неспешно приблизившись. Теперь она будто очнулась и подняла глаза, успев проводить взглядом его полуобнаженную фигуру, прежде чем он зашел ей за спину и остановился за спинкой кресла. Она заметно напряглась, но изо всех сил разыгрывала непринужденность.

– По обстановке твоего дома не скажешь... – девушка провела пальцами по роскошной тяжеловесной настольной лампе на малахитовой подставке и с абажуром, выложенным мозаикой из полудрагоценных камней.

– Сама знаешь, что это бесполезные безделушки...

– Ну, не скажи... Они тоже могут кое-что рассказать о твоём прошлом и привычках...

– Всего лишь предположения и теории... не более... А

мне нужны факты, Юленька... Как можно больше фактов...

– Может быть, тогда стоило нанять меня лет... эдак двадцать назад?! – раздраженно выпалила своенравная гостья вампира. – Чтобы мне не приходилось иметь дело с событиями прошлого века!

– А, может быть, мы для начала просто развлечемся, чтобы ты немного расслабилась? – Последние слова Ник произнес, склонившись к ее ушку и погладив кончиками пальцев ее шею. Ему всегда нравилось ее дразнить и провоцировать, а затем наблюдать, как она мечется между желанием поддаться притяжению и желанием порвать его на части. Отдачу он почувствовал мгновенно – жар, взрыв эмоций, учащенное дыхание и сердцебиение. Только вот сама девушка при этом резко подскочила с кресла и развернулась.

– Я не разрешала тебе себя трогать, – категорично заявила она, а Ник лишь прошелся медовым взглядом по ее фигуре, облаченной в прекрасно сидящий темно-синий деловой брючный костюм. Фигуристая, высокая, статная, с аккуратно уложенными, как у барби, белокурыми локонами, эта девушка совершенно не походила на детектива. Слишком женственная и мягкая, пожалуй... Так и не скажешь, что вполне себе успешный сыщик, хоть и не лучший. Просто прилежная, внимательная, терпеливая, ответственная и порядочная. Как раз то, что ему было нужно. Только вот в его деле она что-то продвигалась слишком медленно и сама по этому поводу немало сокрушалась...

– Что-то не припомню, чтобы в прошлые разы ты возражала... – резонно парировал Ник, обходя кресло и приближаясь к девушке.

– Теперь все изменилось. Не надо. Понял? И вообще – оденься.

Мужчина изобразил удивление, но тут же притворно улыбнулся и кивнул, покорно подняв руки вверх. Правда, спустя всего пару секунд, он уже остановился всего в полуметре от нее, скрестив руки на груди. Наблюдать за ее смущением тоже было забавно, хотя держалась она молодцом. Если бы он не умел видеть вампиров и людей насквозь, то никак не смог бы определить по ее неприступному виду, гордо поднятому подбородку и прямому предостерегающему взгляду, в каком она замешательстве.

– Разреши мне ходить в собственном доме так, как я хочу, ладно? – снисходительно усмехнулся он. – И... зачем же ты тогда явилась?

– Вообще-то я пришла по делу... – ее деловой тон слегка подводил охрипший от волнения голос.

– Да, я чувствую... – Ник склонил на бок голову, заглядывая ей в лицо и протягивая руку к ее подбородку, который она тут же отдернула.

– Никита... Я говорила, что уже не свободна, – почти простонала Юля, отводя взгляд.

– Тогда что это было две недели назад?

– Глупость! – не выдержали ее нервы, тонкие брови на-

хмурились, а руки сжались в кулаки. – Ошибка. Порыв. Нам вообще не нужно было этого делать. Никогда. Ты несерьезный, ненадежный и эгоистичный. Так что...

Никита облегченно выдохнул после всей этой тирады.

– Так что мы можем просто трахаться иногда, без всяких обязательств.

Она задохнулась от такой наглости, зло сверкнув глазами.

– Думаешь, я не понимаю, с чего это ты сегодня такой озабоченный? – яростно выпалила она. – Упустил добычу и никак не уймешься? Запахом твоей девчонки весь дом пропитался.

– Я так и понял, что ты ревнуешь, – теперь уже не очень добро парировал он. – Что ж, раз ты сегодня такая принципиальная, давай, пожалуй, начнем с твоего отчета.

– Им же мы и закончим, – сурово отрезала она, испепеляя его своими пронзительно-голубыми глазами.

– Ладно, ладно... Прости, – чтобы больше не тянуть время, мужчина отступил и уселся в свое кресло, вальяжно откинувшись на спинку. – Так что ты там говорила? Что-то удалось выяснить?

Все еще не чувствуя себя в безопасности, девушка изучила сидящего в кресле мужчину пристальным взглядом и предпочла отойти на более безопасное расстояние. Она присела на широкий подлокотник массивного кожаного кресла и скрестила руки на груди в защитной позе. Только немного успокоившись, она смогла взять себя в руки и ответить.

– Пока немного, но все же... – выдохнула она с усилием первую фразу, но затем сосредоточилась, и ее голос обрел прежнюю уверенность. – Во-первых, тот человек, что тебя спас... Он выжил тогда... Потерял много крови, но его все-таки откачали. После случившегося он переехал в другое место, очень отдаленное... Можно сказать, скрывался... Что вполне можно понять, учитывая то, что с ним произошло... Так вот он прожил довольно долгую жизнь, хоть и одинокую. Работал лесничим на территории заповедника. Никто никогда не слышал от него никаких странных рассказов о том нападении. Он предпочитал держать эту тайну при себе... Возможно, считал, что в новом месте ему все равно никто бы не поверил... Сомневаюсь, что он и мне захотел бы рассказать что-нибудь полезное... Тем более что в две тысячи десятом году он скончался по естественным причинам, так что пообщаться с ним уже не представляется возможным. – Юля сделала паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление произвела на своего работодателя, но Никита неподвижно сидел в кресле, откинувшись на спинку и глядя в пустоту. По его лицу невозможно было понять, что он чувствует и тем более, о чем он думает.

– Что-то еще? – будто очнулся он.

– Во-вторых, – тут же продолжила девушка-детектив, – следствие слишком напрягаться не стало, и то дело было квалифицировано как нападение дикого животного. Показания потерпевшего, видно, просто не взяли в расчет... Сliš-

ком они не соответствовали общей картине повреждений... Возможно, сочли, что он помешался со страха, или ему померещилось что-то не то... До этого захолустья до сих пор несколько часов даже летом пробираться по бездорожью от ближайшего отделения полиции... Да и специалистов там, прямо скажем, днем с огнем не сыщешь... Двадцать лет назад, надо полагать, ситуация была ничем не лучше... Так что все благополучно замяли... Тем более, что жертва осталась жива...

– Что ж, кажется, все не так плохо, как могло быть... – как-то безэмоционально прокомментировал Ник историю о своем прошлом, к которому так долго не мог вернуться. Воспоминания о тех временах всегда повергали его в мрачную отрешенность, и сейчас он пока не мог реагировать на все иначе. Тем не менее, это было далеко не все, что ему было нужно. – Как насчет того, что предшествовало всем этим событиям? – задумчиво спросил он. – Ты знаешь, что меня интересует...

– Да... Что ж... Кое-что любопытное удалось раскопать в архивах и старых газетах. Недалеко от того места располагалась военная база. Где-то за неделю до того, как тебя нашли в лесу, обессиленным и потерявшим память, там, вроде бы, наблюдалась какая-то необычная активность. Местные жители отметили, что приезжало намного больше военной техники, чем обычно, а стрельбу, вроде бы, слышали не только на полигоне, но и в окрестных лесах... В основном старо-

жины предполагают, что шла какая-то спецоперация... охота на преступную группировку, возможно... Это совпадение показалось мне странным... Не находишь?

– Возможно... Но все это как всегда только предположения... – безразличным эхом отозвался Ник.

– Еще раз напомню, что речь идет о событиях двадцатилетней давности... – снова слегка завелась Юля в ответ на его скепсис. – К тому же военные уж точно не будут передо мной отчитываться о своих секретных мероприятиях... Но если ты хочешь знать мое профессиональное мнение, я считаю, что это была охота на вампиров... среди них был и ты, но тебе каким-то образом повезло... Со временем я раскопаю доказательства.

Ник вздохнул. Он не очень-то привык делиться с кем-нибудь деталями о тех событиях, и теперь чувствовал себя в присутствии этой очаровательной ищейки несколько уязвимым. Конечно, он поведал ей далеко не все, но кое-что пришлось, а до чего-то она и сама додумалась. Самым паршивым было то, что он и правда не помнил ничего, что происходило с ним до событий тех злополучных дней, а эти дни как раз отпечатались в памяти особенно ярко, хотя больше всего на свете он хотел бы забыть именно их. Он очнулся в лесу, в снегу, весь трясаясь от боли и холода, задыхаясь и захлебываясь собственной кровью, ни черта не соображая и не имея сил пошевелиться. Единственное, что ему удалось, это согнуть трясущуюся руку в локте и кое-как ощупать то,

что пронизывало его невыносимой адской болью, не давая ни дышать, ни расслабиться ни на секунду, ни даже плакать. Под пальцами он ощутил горячее, пропитанное живой, струящейся из всех щелей влагой, мягкое месиво. Потрясение от осознания того, что в груди у него зияла огромная дыра, породило крик ужаса и отчаяния, но он лишь бессильно застрял в горле, в котором клокотала кровь, а через пару секунд еще и рвота. Задыхаясь и истекая кровью, он терял сознание и снова приходил в себя, беззвучно рыдая от боли, а затем опять проваливался в черную бездну, надеясь, что никогда из нее не вернется к полному кошмара существованию. Да... таким он помнит свое возрождение... Но он так до сих пор и не знает, кто он, почему его пытались убить, почему он выжил тогда и кто его спас, указав путь во вновь обретенной жизни...

– Это все? – лишь уточнил он сухо, как взыскательный профессор на экзамене. Девушка и правда опять разволновалась, но не нашлась, как выкрутиться.

– Все.

Никита встал, прошелся по комнате, раздумывая, стоит ли посвящать ее еще в какие-нибудь детали, чтобы ускорить процесс, и остановился у окна. Там, в черноте парка, гулял теплый весенний ветер, шумели деревья, на них набухали почки, распускались клейкие листочки, без остановки кипела лесная жизнь, поскрипывали где-то вдалеке громоздкие ржавые конструкции каруселей, обсыпалась штукатур-

ка и краска с полуразрушенных фасадов, а надо всем этим проносились безумные облака и светила прячущаяся за ними призрачная луна. Мужчина прикрыл глаза.

– И никаких предположений о моем возможном возрасте?

– Пока нет, но я продолжу расследование, – твердо ответила она, но потом голос ее немного смягчился. – Ну, и если тебя все-таки интересует мое мнение, ты довольно молодой вампир, очень безответственный, очень самовлюбленный и очень наглый.

– Ты со мной флиртуешь? – расплылся в улыбке Ник.

– Нет! – девушка поднялась с места, как бы собираясь уходить. – Я просто хочу сказать, что для дальнейшей работы мне бы не помешала более подробная информация. Ты же сам что-то знаешь обо всем этом, но скрываешь, правильно?

Ник медленно развернулся к Юле и поймал ее взгляд.

– Умная девочка, – похвалил он, почувствовав, как потеплели ее щеки от румянца. – Только работать тебе придется с тем, что есть.

– Тогда я оставляю за собой право найти то, что мне нужно, самостоятельно, – она снова гордо вздернула подбородок. Ник рассмеялся, одновременно наблюдая, как она уверенно берет со стола оставленную там ранее сумочку и вешает ее на плечо.

– Ты что, правда рассчитываешь свалить отсюда просто так?

– Никита... Я прошу тебя... – ее голос тут же ослаб, даже

сменил тональность.

– Просто подойди сюда, – приказал он, используя зов и жадно прислушиваясь к ее отклику. Юля дрогнула, пошатнулась на тоненьких шпильках, облизала губы и сглотнула. – Не заставляй меня применять силу. Ты же знаешь, что я бы никогда не тронул тебя, если бы ты сама не хотела.

Она не двинулась с места, но дыхание ее участилось и стало более глубоким, жадным, горячим. Девушка еще пыталась с собой бороться, но требовательный и властный приказ самца не оставлял выбора. Иногда Юле казалось, что он совсем не тот, за кого себя выдает или кем кажется, и тогда ей становилось рядом с ним не по себе. Ее охватывала паника, тревога, растерянность. Хотелось либо убежать и спрятаться, либо внимать каждому его слову и жесту, преданно заглядывая в глаза и исполняя любое его желание. Сумочка выпала у нее из рук, она развернулась и взглянула на Ника осуждающим, обреченным взглядом. Но вот он улыбнулся краем губ – многообещающе, развратно, призывно, и она ответила ему такой же порочной улыбкой женщины, готовой сейчас для него на все.

ГЛАВА 8

Ворвавшись в собственную квартиру ураганом, Марьяна захлопнула дверь, совсем не рассчитав силу, и она грохнула в полуночной тишине, наверняка разбудив соседей. Впрочем, сейчас ей было совсем не до вежливости. Всю ее трясло крупной дрожью от пережитого кошмара. Хотелось забаррикадироваться в собственной комнате, забраться под кровать или в шкаф, укутавшись одеялом, и сидеть там тихо-тихо, не дыша, пока ощущение преследования и опасности не исчезнет вместе с утренними лучами солнца. Только не могла же она до смерти перепугать и Настю... Та и так наверняка сходила с ума из-за ее позднего отсутствия. Это ей еще повезло, что мама с папой работали сегодня в ночную смену и потому ей не придется отчитываться перед ними. Но вот сестренка... Что делать с ней? Она ведь сейчас начнет задавать вопросы...

Прижавшись спиной к запертой на все замки входной двери, девушка затравленно всматривалась в темный коридор, ведущий на кухню. Нет, там никого не было. Просто какая-то тень мелькнула на улице за окном – наверное, птица. Нужно будет плотно задвинуть шторы. Ну почему их квартира располагалась на первом этаже? Раньше она никогда не задумывалась о том, как это может быть опасно, а теперь даже решетки на окнах не казались ей надежной защитой.

Все еще дрожа с ног до головы, она на цыпочках пробралась в спальню и тихонько приоткрыла дверцу платяного шкафа, чтобы переодеться.

– Ты что, была у него? – Неожиданный вопрос сестры из темноты заставил вздрогнуть. Она все же надеялась, что та спит себе крепким сном.

– Д-да... – не оборачиваясь, выдавила из себя Марьяна.

– Ну и как?

– Да ничего особенного... – В голосе отчетливо звучал страх и неестественное напряжение.

– У вас что, уже все было? – не унималась эта любопытная Варвара, от которой Марьяна уже ожидала любого подвоха.

– Настя! – попыталась возмутиться она, но тут же смягчилась после следующих слов сестры.

– Я надеялась, что ты расскажешь мне, как это бывает...

Марьяна глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

– У нас ничего не было... – наконец выдавила из себя она, краснея.

– Что-то не верится... – скептически заметил веселый голосок с кровати напротив.

– Честное слово...

– Но ты теперь и по ночам будешь пропадать?

– Ну уж нет! – возмутилась Марьяна, но тут же потеряла запал. – Надеюсь, что нет...

– А я бы хотела, чтобы да. Ну в смысле, если бы я была на твоём месте и если бы у меня с моим парнем все было хоро-

шо... – сегодня эта неугомонная явно была в ударе. Неплохо было бы ей подыграть, но у Марьяны совсем не осталось сил, чтобы что-то выдумывать, лгать и лицедействовать. Девушка никак не стала комментировать последнее замечание сестры, быстро разделась, натянула самую теплую свою пижаму, чистые носки и с головой забралась под одеяло.

– Эй! – окликнула ее Настя.

– Ммм? – неохотно подала голос она.

– Я думала, мы поболтаем...

– Я ужасно устала, Настюш... давай в другой раз...

– Другой раз... другой раз... – недовольно проворчал девичий голос. – Ты вечно так говоришь... и тебя дома постоянно не бывает...

Это было абсолютной правдой. В последнее время Марьяна чувствовала, что слишком ушла в свои проблемы. Она уставала на работе, пыталась помогать по хозяйству маме и, конечно же, обчищала чужие карманы, всякий раз умирая от страха, что попадется, а Барон и не подумает ее защищать. Теперь еще ко всему добавилась кража со взломом в очень странном доме... Что если хозяин этого ужасного места найдет ее? Ей тогда точно не жить... Оборвав внутренний монолог, девушка заставила себя ответить.

– Я знаю... прости... Давай поболтаем... – покорно согласилась она. – Чем ты сегодня занималась?

– Печатала реферат по истории... – нехотя пробубнила сестра.

– На какую тему?

– Я бы предпочла поговорить про тебя... – прозвучало упрямо и не очень-то весело.

– Черт, говорю же, я еще ничего такого не пробовала...

– Вообще-то я не это имела в виду! – возмутилась Настя и села на кровати. – Твой парень очень странный тип. Мне кажется, он вообще тебя не любит, раз поступает с тобой так. Я видела, что ты снова возвращалась домой одна и что тебе было страшно. Он не подвез тебя, хотя уже далеко за полночь. Почему ты позволяешь так к себе относиться?

Ее непредсказуемость и прямолинейность ставили в тупик и порой бесили, но сейчас почему-то все это попало в точку.

– Мой парень... он... – Марьяна попыталась что-то объяснить, но тут же замолчала и зажмурилась, чувствуя, как из глаз потекли горячие обжигающие слезы. Кажется, «ее парень» подставил ее по полной! Даже не проверил, к кому посылает! Но самым ужасным было то, что он и дальше будет посылать ее в другие места... где она постоянно будет рисковать собственной жизнью. Что если когда-нибудь она попадется?! Хорошо, если хозяева ограбленного дома вызовут полицию... А если они окажутся плохими людьми и захотят разделаться с ней лично?! Она даже не сможет себя защитить... Никто за нее не заступится! И ей негде будет от них укрыться. Этот дом, эта квартира, ее семья – были единственным убежищем, но теперь она даже их подвергает рис-

ку. О чем она только думала, когда начала воровать, когда переступила черту, за которую нельзя было заходить?!

– Эй, ты чего? – Настя подскочила с кровати и тут же оказалась рядом, присев на край ее постели. Она попыталась отодвинуть одеяло, но Марьяна не позволила. Тогда сестренка навалилась сверху, сжав ее в объятьях. – Янка! Ну ты чего?! Не плачь, пожалуйста! И немедленно расскажи, что произошло, иначе я маме позвоню!

Боже, только не это!

– Я... меня... – Марьяна изо всех сил боролась с жестоким спазмом в горле, причиняющим боль и не дающим говорить и дышать. – Меня, кажется, парень бросил... – прошептала она, испытывая к себе отвращение из-за этой очередной лжи.

На некоторое время сжимающая ее в объятьях девушка замерла и притихла. Кажется, просто прислушивалась к ее всхлипываниям. Почему-то от ее тепла и защиты стало намного легче и безопаснее, а еще вдруг появились новые силы и уверенность. Разве все, что она делала, было напрасно и ради пустяков? Разве не стоили ее усилия того, чтобы у Насти все было в порядке?

– Ну и черт с ним... Он все равно никогда мне не нравился, – заявила вдруг сестра очень серьезным тоном.

– Ты ведь даже его не видела ни разу, – невольно улыбнулась Марьяна сквозь слезы.

– А мне незачем на него смотреть, если ты из-за него постоянно в плохом настроении.

– Вообще-то ты права... Я бы такого ни за что не привела знакомить с родителями и с тобой...

– Вот видишь! А, значит, хватит плакать! – Настя проворно перелезла через Марьяну, улеглась у стенки и по-свойски влезла под одеяло, снова крепко обнимая сестру со спины. – А ну-ка спи давай! Уже и так час ночи, а тебе завтра рано вставать.

На некоторое время в комнате повисла тишина. Тепло и надежные объятия будто дарили новую жизнь. Какой же дурочкой она была, если хотя бы на секунду сомневалась в правильности своих действий. Все же в их положении это был единственный выход... А текущие проблемы она обязательно решит – Марьяна была уверена в этом.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, уже совсем успокоившись.

– Больно, только когда смеюсь... – хмыкнула пригревша-яся сзади сестренка.

– У тебя что-то болит?!

– Да нет же... Просто старый анекдот. Ничего у меня не болит... Янка, ты только не попади ни в какую беду, пожалуйста... Хорошо? – прошептала девушка и крепче притиснула ее к себе.

Дыхание на миг оборвалось от страшного осознания, что Настя обо всем догадывается, только не хочет говорить напрямую... Впрочем, нет... Откуда она может обо всем знать? Ведь она всегда так осторожна...

– Я... постараюсь... – прошептала Марьяна в ответ и закрыла глаза. После пережитых тревог и кошмаров сон уже путал ее мысли и заставил отяжелеть веки.

От ожидания ладони вспотели, пальцы заледенели, а страх обдавал с макушки до пяток горячими приливами, от которых подкашивались ноги. Неужели он так и не возьмет трубку?! Марьяна насчитала уже десять гудков и до боли искусала губы. Прогуливаясь в обеденный перерыв на заднем дворе супермаркета, в котором работала, она минут пятнадцать не могла решиться набрать сохранившийся у нее во входящих номер Барона, хотя до этого полдня настраивала себя на этот звонок. Еще пара гудков – и придется вешать трубку и навсегда забыть о наивной идее связаться с шефом напрямую... Однако, в трубке вдруг раздался певучий низкий голос.

– А ты настойчивая, волчонок... – произнес он раздраженно, с сарказмом, от которого давно заготовленные слова застряли в горле. – Чего хотела? Просто послушать мой голос? Или все-таки решишься что-нибудь произнести?

Черт, как же бесило и выбивало из колеи его обычное хамство, но в то же время он был прав – от его голоса почему-то сносило крышу. Возможно, лишь потому, что он оказался первым мужчиной, который ее поцеловал. При воспомина-

нии об этом щеки вспыхнули, но отмалчиваться дальше она уже все равно не собиралась.

– Мне нужно встретиться с вами и поговорить лично. Хотелось бы получить разъяснения по поводу того особняка, в котором я была. И еще – поделиться своими мыслями, – кажется ей удалось произнести все это довольно уверенно. Можно сказать, она осталась собой довольна.

– Ты серьезно? – усмехнулся он холодно. Нет, даже зло.

– Совершенно серьезно.

– Звучит как приглашение на свидание, твою мать... А ты... как бы это сказать, не в том статусе, чтобы мне его назначать...

Услышав очередную грубость, Марьяна на миг стиснула зубы, чтобы не разреветься от обиды.

– Вообще-то я видела там кое-что... И это наводит на мысль, что вы не очень-то беспокоитесь о безопасности своих людей, как обещали! – уже не сдерживая злость, выпалила она.

– Что? – коротко выдохнул он. – У тебя ко мне претензии? А ты там не зарываешься, малявка? – Кажется, босс был удивлен, несмотря на то, что пытался скрыть это за своей обычной язвительностью.

– Я только хотела сказать, что... – чуть сбавила обороты она, – что если вы посылаете меня куда-то, то я хочу быть в курсе того, что происходит. Хочу знать, кто будут те люди, в чьи дома я буду лазать! И я готова сотрудничать... Пото-

му что я кое-что выяснила про хозяина этого дома... Может быть, вас это заинтересует...

Во время мучительной паузы Марьяна пыталась побороть спазм в горле, чтобы голос не сорвался на писк, когда вновь придется говорить.

– Ах вот как... – протянул Барон уже более серьезно, но при этом еще более холодно. – Что ж... ладно... Если ты хочешь проявить себя и сама напрашиваешься, разве я стану возражать? Где ты? Через полчаса за тобой заедет машина. Чтобы была готова и не опаздывала.

Сердце у девушки ухнулось с обрыва в пропасть, да и дышать тут же стало нечем.

– Я... я не смогу прямо сейчас... – пролепетала она жалобно. – Я на работе... Меня не отпустят...

– А мне с прибором положить на твою работу, волчонок... Если уж вякаешь что-то, так будь добра ответить за базар по полной. И если придешь с какой-нибудь чепухой, я тебе голову сниму. Когда ж ты уже, блядь, просечешь, что мы тут не на курорте отдыхаем?

Звонок скинули, и девушка медленно опустила руку с телефоном. В первый момент появилось сильное желание немедленно сбежать и спрятаться, потому что она даже не сомневалась, что ровно через полчаса за ней приедут и отвезут туда, куда прикажет Барон. Что там с ней произойдет – одному богу известно. И напросилась на это она сама... Только вот выхода у нее все равно не было... Либо она так и

останется девочкой на побегушках, мнение которой никто и никогда не будет принимать в расчет, либо она все-таки постарается выяснить, что происходит, и попытается себя защитить.

После увиденного в этом чертовом особняке она больше не сомневалась, что вампиры существуют. Может быть, они совсем не такие, о каких пишут в романтической женской литературе, а обыкновенные маньяки, помешанные на крови... Но тем хуже для нее... Потому что кроме устаревших средневековых трактатов, кроме мистических и фантастических версий, она читала миллион научных теорий о чудодейственных свойствах крови, об устройстве организмов животных-вампиров, о мутациях, приводящих к самым разным последствиям, о типичных вампирских признаках, которые не совсем уж лишены смысла и очень уж походят на симптомы некоторых болезней. В свете воспоминаний из детства о девочке, повстречавшейся ей в больнице, все это уже не казалось каким-то нелепым совпадением... Это казалось опасным, очень реальным и близким, и потому даже угроза со стороны последних отморозков-бандитов выглядела менее ужасающей, чем вероятность быть растерзанной полужверем-получеловеком со странными пищевыми пристрастиями.

Когда-то очень давно она читала историю об одном каннибале, по частям живьем съевшем человека. И это был вовсе не вымысел какого-нибудь популярного автора ужаси-

ков... Этого человека судили и посадили пожизненно... Но сколько таких маньяков еще ходило по земле, безнаказанно верша бесчинства? Нет уж, пусть лучше Барон пристрелит ее лично... Это все равно лучше, чем иметь дело с монстром в человеческом обличье один на один и не иметь возможности себя защитить...

А еще... еще она очень хорошо запомнила слова той девочки... «Твою сестру можно спасти. Она полностью излечится, если ты кое-что для нее сделаешь... Тебе всего лишь нужно найти вампира, который согласится ее обратить. Например, такого как я... Которого тянет на слабых и больных...» От одного только воспоминания об этих словах Марьяну передергивало. Но что если это правда, а другого шанса у Насти не будет?

Джип подъехал к КПП с вооруженной охраной. Несмотря на то, что один из охранников и водитель поприветствовали друг друга жестами, автомобиль полностью обыскали с собаками, включая багажник и днище. Затем всех попросили выйти наружу, внимательно обследовали салон, а потом ощупали и пассажиров. Марьяна думала, что они въезжают на территорию какого-то элитного поселка, однако, никакие постройки им долгое время не встречались. Красиво вымощенная камнем дорога с низенькой деревянной изго-

родью, выкрашенной в белый цвет, шла через тенистый лес, но вскоре вывела в роскошный парк, благоухающий цветущими клумбами, кустарниками и деревьями. За всеми переживаниями последних дней Марьяна и заметить не успела, как неожиданно в свои права вступила настоящая весна. Кажется, тут цвела сакура... Над многочисленными водными каналами, сверкающими в лучах солнца, склонились густо усыпанные бело-розовыми лепестками развесистые ветви.

Все каналы, как и дорожки, вели к одному единственному дому, больше напоминающему административное здание в авангардном стиле, а также к большому пруду перед ним. Белоснежное асимметричное строение в три этажа, легкое и полупрозрачное из-за огромных панорамных окон, идеально вписывалось в воздушность ландшафта и в пронзительную голубизну неба с белыми яркими облаками. Берега пруда были вымощены тем же белым мрамором, которым был облицован дом. Под огромными каскадными навесами, украшенными белыми, чуть трепещущими на ветерке занавесками, были установлены кожаные диваны, кресла и лежаки для отдыха. Между ними тоже благоухали цветы в огромных вазонах, а ближе к дому стоял сервированный посудой стол, готовый к трапезе, если за ним, конечно, пожелает отобедать хозяин.

Совсем оробев, Марьяна притихла и следовала за двумя сопровождающими ее людьми, молча рассматривая окружающую ее роскошь. Зона отдыха под навесами незаметно пе-

реходила в огромную веранду, совмещенную с крыльцом. Когда все они прошли в дом через широкие стеклянные двери, навстречу им выбежало три огромных немецких дога. В какой-то момент Марьяне даже показалось, что они их снедут, но те ловко и легко увернулись от столкновения, процокав когтями по мрамору мимо. За собаками, по-видимому, вышел кто-то из сопровождающих.

Обведя глазами гигантский холл, который мог бы посоперничать в роскоши и размерах с каким-нибудь концертным залом средней величины, девушке невольно вспомнились язвительные слова Барона: «Когда ж ты уже, блядь, просечешь, что мы тут не на курорте отдыхаем?» Станным образом данное место очень уж напоминало элитный курорт, но разве этот избалованный и упивающийся богатством и властью тип когда-нибудь признает, что удача не обошла его стороной? Такая роскошная жизнь, сотни людей в подчинении и вседозволенность кого хочешь сделают тем, кем он есть – бесчувственным наглецом, который с легкостью будет вершить судьбы. Девушка недобро стиснула руки в кулаки, пока их вели по снова и снова открывающимся перед ними помещениям. От великолепного убранства, изящности и элегантности комнат слепило глаза, да еще по спине бежали мурашки от робости, будто она явилась на прием к президенту, не меньше. Это чувство ей совсем не нравилось...

Наконец перед ними раскинулась еще одна зала, сияющая золотом и ослепительной голубизной на фоне матового блес-

ка стен и кожаной мебели цвета слоновой кости. Прозрачная лазурь пола, будто ковер из тонкого стекла, заволаживала и манила. Из тонированных окон с улицы шел приглушенный бело-лунный свет, который отражался от пола и тысячами солнечных зайчиков переливался на потолке, усыпанном зеркальной мозаикой.

Где-то на другом конце залы располагалась зона отдыха. Несколько огромных круглых диванов-лежаков, усыпанных подушками, удобные кресла и журнальные столики с напитками и какими-то угощениями выстроились там в таких количествах, будто готовились принять несколько десятков самых взыскательных гостей. Правда, сейчас Марьяна видела только троих мужчин, вольготно устроившихся в креслах с бокалами в руках.

– А, волчонок! – привычный приветственный возглас Виктора разнесся по зале со странным эхом, будто они находились в пещере. – Присоединяйся к нам! Разбавь немного нашу скучную мужскую компанию.

Марьяна выдохнула и оглянулась через плечо. Ее сопровождающие молчаливо остались стоять в проходе. Им, кажется, не так повезло, их сегодня никто не пригласил к барскому столу. Стараясь не слишком демонстрировать полнейшую растерянность и удушающее волнение, девушка напрямик через весь зал направилась к Барону. Она уже почти ступила на гладкое голубое стекло, когда кто-то вдруг резко дернул ее назад, больно выкручивая руку.

– Совсем сдурела? Не видишь бассейн? Глаза разуй! – грозно пробурчал все еще больно сжимающий ее предплечье громила, а она с полнейшим ужасом и стыдом осознала, что чуть не свалилась в воду. Вот была бы потеха для отдыхающих! Впрочем, по залу и так тут же разнесся дружный мужской ржач. Румянец обжог щеки, уши, кажется, всю кожу, а ноги стали совсем ватными. Охранник отпустил ее руку, подтолкнув в нужную сторону, и она инстинктивно потеряла больно нывшее плечо. Расстояние, которое ей предстояло пройти, показалось непреодолимым, да и идти вдруг совершенно расхотелось. Правда, отступать уже было поздно. Что ж, несколько минут позора она, пожалуй, сможет выдержать... Не сахарная, не растает...

Приблизившись к трем развалившимся перед ней в креслах мужчинам, Марьяна лишь бросила на них беглый взгляд исподлобья и тут же опустила глаза. Этого взгляда оказалось достаточно, чтобы заметить, что на Викторе был махровый халат, а на двоих его гостях – дорогие деловые костюмы. Все трое взирали на нее с противными ухмылками и облапывали бесцеремонными взглядами. Оставалось только надеяться, что простая девчонка без макияжа и лоска, в дешевых китайских шмотках, да еще работающая продавцом-мерчендайзером в супермаркете ничуть их не заинтересует.

– Так и не скажешь, что ловкая воровка, да? С виду так просто милашка-отличница из педагогического... – доволь-

но заметил Барон, обсуждая ее со своими друзьями в ее же присутствии и ничуть не смущаясь. – Как думаешь, волчонок, не нужно ли мне прятать от тебя в надежные места все дорогие побрякушки? А то вдруг у тебя это уже профессиональное?

Мужчины негромко рассмеялись. А у Марьяны столь унижительное оскорбление вдруг вызвало вспышку гнева. Девушка быстро поправила выпавшие из прически тонкие пряди волос, которые щекотали лицо, и выпалила, толком не дав себе поразмыслить:

– Лучше спрячьте, – холодно посоветовала она. – Уверена, я в этом плане далеко не самая ненадежная из ваших гостей.

На несколько секунд зависла пауза, от которой противно зазвенело в ушах. Сейчас Марьяна поняла, что эхо и странная акустика были вызваны наличием в комнате бассейна. Все также не поднимая головы, она, тем не менее, заметила какое-то движение впереди. Один из мужчин вдруг прыснул, а потом дружно загоготали все трое. Смеялись долго, до слез, чуть не покатываясь в своих удобных мягких креслах, а она от всей души пожелала, чтобы они и вовсе свалились на пол.

– А она смелая и языкатая... – заметил один из гостей тоном ценителя.

– Да, иногда... Поэтому я и прозвал ее волчонком. Бывает, кусается, а, бывает, жалко поджимает хвостик и просто смотрит зло. Видимо, приворожить хочет... – Виктор хохотнул еще раз, сверкнув белоснежным оскалом.

– И где ж ты такую откопал?

– Мои люди заметили и выследили. Весь свой район обобрала и ни разу не попалась. Просто звезда... Так что я не шучу – берегите карманы... и то, что в штанах... – последний намек вновь вызвал грубый хохот, а девушка лишь стиснула зубы и огляделась по сторонам, ища, куда бы сесть. Как на зло, все ближайшие кресла располагались слишком далеко от общей компании. А стоять тут перед ними, как на сцене, было более чем неудобно.

– Ко мне, волчонок... Здесь хватит места... – приказал Барон, угадав ее замешательство и указав на широкий и мягкий подлокотник своего кресла. – Ты ведь хотела мне о чем-то рассказать... Я слушаю...

– Это личный разговор, – твердо заявила девушка, хотя почувствовала, как голос заметно дрогнул. Барон нетерпеливо постучал кончиками пальцев по журнальному столику.

– Мне нечего скрывать от моих друзей и партнёров, да и с тобой у нас личных разговоров быть не может... пока я сам этого не захочу.

Так и не найдя, куда тут можно присесть, Марьяна осталась стоять. Только упрямо качнула головой и сцепила на груди руки, обхватив себя. Идти в когти к этому зверю ей совсем не хотелось. Она пока что совершенно не умела брать под контроль те чувства и ощущения, что он вызывал в ней своими прикосновениями.

– Вы не предупредили меня, что хозяин того особняка –

сумасшедший маньяк! У него тонны замороженной донорской крови в подвале, на жилом этаже все окна замурованы, а в спальне еще и дверь от сейфа, которая запирается изнутри! – Разозлившись на этого наглого самовлюбленного болвана, Марьяна выпалила все на одном дыхании, вся кипит от возмущения. Кажется, на лицах мужчин не промелькнула и тень удивления. Один из них, полноватый, но холерный и просто сияющий от лоска блондин лет двадцати пяти, лишь лениво приподнял брови и бросил немного скептический вопросительный взгляд на Барона. Другой надменно ухмыльнулся. Он очень напоминал Марьяне хитрого сытого кота, который все же следил за ней с внимательностью хищника, привыкшего к охоте на более слабых. Азиатский разрез глаз усиливал сходство, а негромкий мурлыкающий голос дополнил образ.

– Мне кажется, у девушки обоснованные претензии, а, Барон? Я бы на ее месте тоже возмутился... – неторопливо произнес он, подначивая Виктора.

– А я бы возбудился на месте маньяка... – расхохотался блондин. – Наверняка именно таких молоденьких и нежных они и предпочитают на ужин. Особенно, когда ужин сам приходит в постель.

– Это вовсе не смешно! – Марьяна вся вскипела.

Барон снисходительно улыбнулся.

– С чего ты взяла, что кто-то обязан предоставлять тебе всю информацию о хозяевах домов, которые ты будешь оби-

рать? Довольно того, что кто-то пас этого типа достаточно долго, чтобы выяснить, когда он будет отсутствовать. Ради твоей безопасности кто-то уже постарался. Разве у тебя были проблемы? Тебя кто-то засек? Преследовал? Вызвал полицию?

Марьяна задохнулась от возмущения, но в то же время растерялась из-за веских аргументов.

– Такой никогда не вызовет полицию, потому что ему самому есть, что скрывать! И, может быть, это мы должны ее вызвать, чтобы они проверили этот особняк! Этот... этот тип... Я уверена, что от него пострадали люди! – Ей очень хотелось сказать, наконец, что он вампир, и она обязательно скажет это Барону лично, но только не при этих типах. На этот раз улыбка сошла с лица Виктора. Расслабленно откинувшись на спинку кресла и склонив голову на бок, он смотрел на нее с откровенным безразличием и даже лёгким раздражением.

– А тебе, волчонок, случайно нечего скрывать? И от твоих действий разве никто не пострадал? Или деньги не в счёт, да? Или ты научилась находить оправдания лично для себя?

– Я никого не убивала! – возмутилась девушка такой несправедливости.

– Это пока... – с сарказмом парировал Барон. – Переступила через один запрет, переступишь и через другие, если потребуется... Особенно, если я прикажу.

– Я никогда... – начала она в запале, уже понимая, что

проиграла этот спор и сморозила глупость, но Виктор ее грубо перебил.

– Может, ты и в мой дом хочешь вызвать полицию, а? Он не кажется тебе подозрительным? Может быть, я убил здесь кого-то и не раз... и даже прикопал у себя в саду... И, кстати, почти наверняка сделаю это снова... Никогда об этом не задумывалась?

Окончательно стусевавшись, девушка молчала, глядя в пол. Руки сами расцепились и потянулись поправлять лезущую в глаза прядь волос. Кажется, она разозлила его не на шутку. Всех их. В огромном зале повисла тишина.

– Что ж... – наконец прервал молчание азиат, – все это, конечно, очень любопытно... Я, право, люблю поиграть с дикими волчатами... но только если они кусаются или гадят, предпочитаю бить их по морде или тыкать носом в их же собственное дерьмо.

– Н-да... – мрачно протянул блондин, а Барон лишь сделал кому-то знак рукой. Послышались шаги, за спиной девушки появился один из громил-охранников.

– Уведи эту сучку, забери телефон и запри где-нибудь. Я разберусь с ней позднее. – В его словах не слышалось ни нотки сочувствия, только злость и презрение, а темные змеиные глаза сверлили ее острым, как игла, взглядом. Марьяна открыла было рот, чтобы возразить против такого насилия над собой, но вовремя сдержалась. Ее снова больно схватили за руку и рванули в сторону. От резкого движения оторва-

лись нижние пуговицы на ее рубашке. Глаза защипало, подбородок дрогнул, но доставлять им удовольствие, дав полюбоваться собственными слезами, она не собиралась.

– Отпустите! Я в состоянии идти сама! – бросила она тянущему ее здоровяку довольно громко и дернула руку. Как ни странно, он не стал возражать, только подтолкнул вперед в спину, и она пошла перед ним на ватных от страха ногах, пытаясь успокоить себя тем, что Барон лишь устраивает ей показательную порку перед своими гостями.

ГЛАВА 9

В комнате, в которой Марьяну заперли, не оказалось окон. Да и какие тут могли быть окна, если они спустились в подвал, кажется, на три лестничных пролета? После того, что она рассказала Барону о том особняке, это выглядело как откровенное издевательство. Радовало только то, что сейфовой двери тут по крайней мере не было, да и рефрижераторов с замороженной кровью тоже... Сама комната выглядела вполне прилично: мягкий ковер на полу, красивые обои на стенах, изящные светильники и люстра на потолке. Только вот мебель отсутствовала совершенно... как и что бы то ни было еще... Совершенно пустая коробочка метров пять на семь... Чистая, теплая, аккуратная... тут можно было бы целую семью поселить, но сейчас она все же была именно коробочкой и тюрьмой, да еще оснащенной двумя видеокамерами.

Без телефона Марьяна понятия не имела, сколько она уже здесь провела. Ощущение времени, оказывается, совершенно терялось в отсутствии часов и возможности выглянуть на улицу. Иногда ей казалось, что прошла всего пара часов, иногда – что часов пять или шесть. По крайней мере, ей ужасно хотелось есть, пить и в туалет, а еще с каждой минутой нарастала тревога, что о ее существовании вообще забыли. Сунутся в эту никому не нужную комнату по чистой слу-

чайности через пару недель – и найдут ее труп. Как ни глупо звучало, а все-таки вполне могло оказаться правдой. Барон не относился к тем людям, которые очень пекутся о других. Да и кто она такая, чтобы он о ней помнил? Сегодня он явно указал, где ее место. Даже сучкой обозвал. Высокомерная, неотесанная, бесчувственная сволочь! Вот он кто!

Вспоминая все, что наговорила сама, девушка вновь невольно покраснела. Как глупо у нее все получилось... Она ведь хотела, чтобы все вышло совсем не так, но вот только не предусмотрела, с кем имеет дело. Просто эти типы специально над ней издевались, чтобы вывести из себя и выбить из колеи. И вот она наговорила того, чего не должна была... Наверное, все же существовала вероятность, что впереди ее еще ожидало какое-то наказание... Вопрос только в том, какое... Неужели Барон мог пойти на откровенное насилие и жестокость? Почему-то ей совершенно в это не верилось, но внутри все равно все холодело и замирало, и сердце билось одновременно в висках, в горле и в животе. С чего бы ему ее запирать, если он не планировал что-то плохое?

Совершив очередной круг по комнате и чувствуя, как гнев и отчаяние уже переполнили чашу терпения, Марьяна со всей силы пнула ногой запертую деревянную дверь. На белоснежной поверхности шли тонкие золотистые молдинги в виде выющихся узоров, и в одном месте узор тут же помялся от силы ее удара. Будто воодушевившись этим, она принялась колотить ногой еще и еще, сначала одной, потом второй.

Узор постепенно крошился, а в ней росло чувство несправедливости, страх навсегда остаться в этой ловушке и еще ярость, горящая огнем ярость, приказывающая стереть любые преграды на своем пути.

– Эй! – Закричала она изо всех сил, молотя в дверь кулаками. – Эй! Отпустите меня! Мне нужно в туалет! И мне нужна вода! Вы не имеете права меня здесь удерживать!

От перенапряжения голос быстро сорвался, да и все физические силы иссякли. Дверь даже не думала поддаваться, а пустое помещение уже кружилось перед глазами безумной каруселью, давя на нее потолком, стенами, полом – всеми гранями замкнутого пространства.

– Эй! Мне плохо! Мне нужно выйти! Я здесь больше не могу!

Паника пережимала горло, дыхание участилось, к голове прилила кровь, руки дрожали. Черт, кажется, приступ клаустрофобии случился с ней второй раз за последние пару дней... а это уже похоже на закономерность... Марьяна схватилась за голову и зажмурилась, совсем позабыв о наблюдающих за ней камерах. Понимая, что кроме нее самой помочь ей больше некому, девушка начала считать про себя, чтобы успокоиться, а потом села на пол, прислонившись спиной к стене, уткнулась лицом в колени и обхватила их руками.

В этот момент замок вдруг тихонько щелкнул и дверь раскрылась. На пороге стоял тот самый охранник, который привел ее сюда.

– Вставай, – безразлично бросил он, почти не глядя на пленницу. Марьяна даже не сразу сообразила, чего от нее хотят, и только вопросительно подняла лицо. – Пошли, я сказал! – рявкнул ее надсмотрщик более грубо и требовательно. – Или хочешь тут еще четыре часа провести?

Значит, все-таки четыре часа... На этот раз девушка поднялась на ноги и осторожно, будто опасаясь какого-то подвоха, вышла из комнаты вслед за громилой. Они прошли всего ничего и даже не поднялись на этаж выше, когда тот вдруг остановился.

– Вот туалет. У тебя пять минут, – пояснил он, открыв перед ней какую-то дверь.

Марьяна послушно кивнула, напилась воды из-под крана, привела себя в порядок и невольно задалась вопросом, что, собственно, будет с ней дальше. Возвращаться в ту комнату ей совершенно не хотелось. Эти четыре часа показались ей адом. Она просто не выдержит там больше ни минуты...

– Куда вы меня ведете? – спросила она через плечо шедшего за ее спиной охранника, когда он снова подтолкнул ее вперед по проходу. Ответа не последовало, но перед ними оказался лифт, так что надежда выбраться наконец из подвала забрезжила. Спустя несколько секунд двери раскрылись, и Марьяну ослепили косые лучи садящегося за горизонт солнца. Лифт привез их в тот самый зал с бассейном. Только сейчас был уже не день, а вечер, и кораллово-розовый закат раскинулся на всю ширь панорамного окна, занимавшего две

стены помещения. С такими масштабами тут при желании можно было бы проводить соревнования по плаванию, однако сейчас в пронзительной голубизне бассейна плавал всего один человек. Это, конечно, был Виктор, и девушка невольно залюбовалась сильными, мощными бросками натренированного тела в узорах татуировок.

Сопровождавший ее охранник ушел, оставив их наедине, но Барон, кажется, даже не думал прекращать свой заплыв. Некоторое время Марьяна терпеливо ждала стоя, но потом присела на край широкого кожаного лежака. От перенесенного стресса и голода она чувствовала легкое головокружение и спазмы в животе.

Прошло около получаса, и в зале вдруг появилась роскошная блондинка в красном купальнике. Ее густые светлые волосы были уложены в аккуратные локоны, будто для фотосессии, а вовсе не для плавания, а перед собой она несла аккуратно сложенное полотенце. Марьяна проводила ее внимательным взглядом и успела отметить для себя дизайнерский педикюр на ухоженных, мягко ступающих ножках, а еще широкий золотой браслет на щиколотке и татуировку в виде цветочной композиции на покрытом безупречным золотистым загаром бедре. Девушка тоже бросила на Марьяну небрежный короткий взгляд из-под приопущенных ресниц – презрительный и холодный. Впрочем, может быть, ей просто показалось. Лицо красавицы на самом деле не выражало ровным счетом ничего и больше напоминало изящную мас-

ку.

Стоило блондинке остановиться у края бассейна, как к ней подплыл Виктор. Он оперся о борт, поднялся на мощных накачанных руках и одним ловким плавным рывком выбрался из бассейна, обтекая водой. Марьяна тайком наблюдала, как блестящие струи стекали по загорелой, покрытой изящными рисунками коже, а мускулы красиво надувались при каждом движении, как магнитом приковывая взгляд к великолепному атлетическому телу. Красив, как Аполлон, и здоровенный почти под стать своей охране. Только вот сердце змеиное, если оно у него вообще есть. Девушка невольно покраснела и отвела взгляд, когда буквально физически почувствовала на себе внимание темных, как омуты, мужских глаз. Пройдясь по телу полотенцем, а затем бросив его обратно блондинке, Виктор пятерней зачесал назад тяжелые влажные вихры волос.

– Надеюсь, немного поумерила свой пыл? – небрежно бросил он, проходя мимо и располагаясь именно на том лежаке, на котором сидела Марьяна. Его вытянутые ноги коснулись ее сзади, и она вскочила, как ошпаренная.

– Вы не имели права меня запирать, – мрачно пробурчала она, злясь на свою реакцию и смущаясь. Барон удобно устроился на подушках, закинув за голову одну руку.

– А кто мне запретит? Я если пожелаю, тебя отсюда вообще не выпущу. И поверь мне – никто тебя никогда здесь не найдет...

– Значит, убегу сама, – зачем-то снова поддалась она на глупую манипуляцию, с детским пылом сцепив руки в кулаки. Почему-то терпеть его насмешки было невыносимо. Все внутри взрывалось от возмущения и обиды.

Виктор рассмеялся в голос.

– Не убежишь, а станешь шелковой, – мягким, как бархат, тоном протянул он. – Будешь кланяться, когда я скажу, улыбаться, когда я скажу, делать все, что я прикажу, и притом с большой радостью.

Блондинка в этот момент подала Барону на подносе стакан со льдом и свежесжатым апельсиновым соком, а затем выпрямилась, развернулась и направилась прочь подиумной походкой, эффектно виляя круглой подкачанной попкой с тоненькой ниточкой бикини между ягодицами.

– По-моему, тут уже есть, кому вам кланяться... – заметила Марьяна.

– А по-моему, кому-то пора укоротить язычок... Не думаешь? – с коварной улыбочкой парировал Виктор, почему-то смеривая ее оценивающим взглядом с ног до головы. – Оставь я тебя на растерзание моим сегодняшним гостям, поверь мне, ты бы сейчас не продолжала выпендриваться, а просила бы о пощаде... Хорошо, если бы калеку из тебя не сделали.

Угроза неприятно стеганула ледяным ознобом по спине.

– С чего же вы вдруг такой добрый? – нахмурилась она.

– А вот это правильный вопрос, волчонок... Будем счи-

тать, что ты пока что мне не надоела. К тому же ты хотела мне что-то там рассказать... Ложись, расслабляйся, отдыхай, пока я не передумал и готов слушать...

Марьяна присела в соседнее кресло и откинулась. Мягкое, удобное и эргономичное, оно приятно заключило ее в свои объятия. Только расслабиться она все равно никак не могла.

Вскоре появились еще две девушки в купальниках. На этот раз обе оказались темноволосыми и не менее эффектными, чем первая. Обе принесли огромные блюда с какими-то закусками: небольшие канапе из морепродуктов, овощей и листиков салата, фрукты и сыры, тарталетки с черной и красной икрой и какими-то другими закусками.

– Угощайся, – будто дал разрешение Виктор и отправил себе в рот маленький бутерброд. – Что-то мне подсказывает, что строптивых пленниц в моем подвале морят голодом...

На этот раз Марьяна не стала обращать внимание на его укол, а просто взяла самое вкусное, что увидела на блюде. В животе урчало и ныло от голода, и аромат еды сводил с ума. Кровать-гриль с ананасом и каким-то экзотическим соусом оказалась и правда божественной, как и тарталетка с черной икрой и каким-то кремом, как и сыры, как и фрукты. Кажется, темно-карие змеиные глаза следили за ней внимательно и насмешливо, пока Барон неторопливо попивал сок и задумчиво поглаживал подбородок.

– Appetit у тебя по-истине волчий, – заметил он, приподняв бровь, когда Марьяна, насытившись, наконец-то остано-

вилась. – Как тебе только удается быть такой тощей?

– Быстро бегаю... тренируюсь по утрам... – неохотно ответила она.

– Плаваешь тоже быстро? – улыбнулся Виктор.

– Немного умею... но... уже не пробовала давно...

– Ах, вот как... – Барон взял со столика мобильный и набрал кого-то. – Елена-прекрасная, принеси-ка сюда один из твоих купальников. Только новый. И такой, чтобы мне понравился. Наша гостья хочет поплавать, а у вас, кажется, один размер.

– Я не хочу! – взвилась Марьяна, став невольным свидетелем разговора и почему-то ужасно разволновавшись. Еще не хватало ходить тут перед ним полуголой! Но Барон уже сбросил звонок и отложил телефон в сторону.

– Ты еще не поняла, что твоего мнения тут никто не спрашивает?

– Я просто не буду переодеваться!

– Предпочитаешь, чтобы тебя переодела моя охрана? Уверю, они те еще умельцы... За годы работы у меня чем только не занимались... от расчленения и закапывания трупиков до дрессировки строптивых девиц...

Девушка в отчаянии выдохнула, покачав головой.

– Как... как только вас терпит все ваше окружение... – не выдержала она.

– Они просто знают, что если я останусь доволен, им же самим будет лучше, – на полном серьезе тем же невозмутимым

мым тоном, что и раньше, ответил этот тиран.

Марьяна не поверила своим ушам.

– Это не жизнь, а каторга какая-то! – воскликнула она.

– Это сделка, выгодная для обеих сторон, – отрезал он, едва заметно скривив губы.

Очевидно, что спорить было бесполезно.

– Хорошо. Тогда я предпочла бы поговорить до того, как переоденусь.

– Что ж, слушаю... – Барон пожал плечом. Видимо, сейчас он находился в хорошем расположении духа.

Марьяна запнулась. С чего же теперь начать? Ведь не говорить же в лоб о вампирах... Все-таки это выглядело бы неправдоподобным... Может быть, Барон действительно не знал ничего лишнего об обитателе этого особняка... Ему нужна была лишь информация о полотне, которое тот приобрел, и о его образе жизни, чтобы иметь возможность это полотно выкрасть. Девушка облизала губы.

– Много лет назад, когда моя сестра впервые попала в больницу, у нее обнаружили рак крови. Я тогда тоже подхватила какой-то вирус, и меня положили в инфекционное отделение. Как-то поздно вечером я вышла в тамбур немного развеяться... и туда с улицы пришла одна девочка... очень странная... она сказала, что любит всякие тяжелые и неизлечимые болезни... и еще... что она общалась в этой больнице с мальчиком, который шел на поправку, но вдруг умер... Она даже не сожалела по этому поводу. Ей это казалось за-

бавным. Я возмутилась и начала с ней спорить... Сама не знаю, как случайно призналась, что моя сестра тоже неизлечимо больна... Тогда эта девочка сказала мне одну очень странную вещь... Она сказала, что мою сестру может спасти только вампир... вампир вроде нее...

– Сколько лет тебе тогда было? – прервал ее рассказ Виктор, который все время слушал молча и внимательно, даже не отвлекаясь на еду и напитки. В его голосе не слышалось издевки или сарказма.

– Двенадцать... Но... вы не подумайте, что я сочиняю или... что просто перепугалась до смерти и поверила в какие-то бредни... Точнее я перепугалась, конечно... И с тех пор стала много читать про вампиров... Но все-таки я знаю, о чем говорю...

Она осторожно взглянула на Барона. Тот снова пожал плечами и кивнул. Даже не верилось, что этот тип готов был ее выслушать, но он, кажется, был готов.

– В общем... сначала я читала всякую беллетристику на эту тему... Думала, что там найду что-то полезное... Но в фэнтези и мистике все-таки было слишком много всего намешано... и в основном речь шла о магии и о том, чего в принципе не могло существовать... что противоречило законам физики и биологии... Я поняла это со временем, когда немного повзрослела... Тогда я стала читать всякие древние и средневековые трактаты... Надеялась найти исторические сведения, но они тоже оказались сомнительными... Рань-

ше люди были склонны верить во всякую нечисть... жгли ведьм, боялись мертвецов... за вампиров принимали, например, больных туберкулезом, потому что они были бледны, кашляли кровью, и у них могла оставаться кровь на губах... Даже их трупов боялись, потому что у них и после смерти могли выйти изо рта остатки крови... Тогда люди считали, что те ходили по ночам, охотились, а потом снова ложились в гроб...

Марьяна вновь замолкла на время, осторожно изучая реакцию своего слушателя. Тот молчал, глядя куда-то в даль, но теперь вдруг повернулся к ней.

– И? – спросил он со всей серьезностью, глядя ей в глаза.

– Сейчас еще есть много более научных теорий... – поспешила продолжить Марьяна. – Есть даже группы в соцсетях, где выкладывают всякую такую информацию... Это не фрики какие-нибудь... обычные люди... Среди них есть студенты-медики, есть биологи, есть криминалисты, есть анонимы... От последних чаще всего появляется информация о необычных преступлениях и всяких странных случаях, происходящих с людьми... Например, находят полностью обескровленные трупы без каких-либо ран или укусов... Еще в больницы часто поступают пациенты, которые, как в бреду, утверждают, что их покусал вампир... Конечно, официально все это списывают на проблемы с психикой или временным помутнением на почве шока... Иногда можно отследить связь между такими сообщениями и официальными верси-

ями тех же преступлений в СМИ. В официальных, конечно, нет ничего необычного... Они всегда всему находят разумное объяснение. Но вот эти анонимные... они всегда довольно жуткие...

– Из разряда чернухи, надо полагать? Пятиклассники сгрызли в лесу бабушку, отправившуюся по грибы? – все таким же ровным тоном без единого намека на издевку, как бы попытался обесценить ее теорию Виктор, будто проверял ее убеждения на прочность.

Девушка разочарованно покачала головой, понимая, что терпение Барона, видимо, лопнуло. Она бы и сама так реагировала на его месте, если честно... Все это действительно выглядело абсурдно и наивно для человека непосвященного и образованного. Да и чего ему бояться в своем надежном, как крепость, доме, нашпигованном до зубов вооруженной охраной и даже собаками? Наверняка у него была и сигнализация... Даже если бы она рассказывала ему о реальной угрозе, а не о мистической, он все равно имел бы полное право на скепсис и насмешки...

– Да, это очень похоже на то... хотя комментарии ко всему этому всегда делают очень серьезные и научные. Если это и прикол, то хорошо продуманный. Никто там никогда не шутит.

– Значит, хорошая модерация... – холодно отрезал ее собеседник. – Что-то еще?

– Тот особняк... – продолжила Марьяна, несколько выби-

тая из колеи. – Я уже говорила, что там хранится очень много донорской крови в морозильных камерах... А во всем верхнем этаже окна замурованы. По-видимому, тот этаж и есть жилой, потому что два других хоть и отделаны, но совершенно не оборудованы. С чего бы человеку было комфортно жить в помещении без окон? Да к тому же запираться на ночь в сейфе изнутри? Это... очень странно... Вы не думаете?

– Допустим, странно... На свете много странных вещей. Одни можно объяснить сбоем в психике или какой-то иной болезнью. Другие – практическим интересом. Может быть, он продает эту кровь частным клиникам. Никогда не думала? Может быть, у него у самого есть частная операционная. Он ведь может оказаться врачом или владельцем больницы...

– Хорошо... А как насчет сейфовой двери и замурованных окон?

– А ты слышала когда-нибудь о болезни Гюнтера? Она очень редкая... Люди с этим заболеванием боятся солнечных лучей, потому что под их воздействием у них образуются язвы на коже, разрушаются красные клетки крови и даже зубы окрашиваются в красный цвет... На свете столько всякой херни, волчонок, что, если начнешь копать, жить не захочется... Окажется, что рядом с нами живут настоящие монстры, а мы об этом и не знаем... и потому выдумываем несуществующих.

Почему-то в словах Виктора звенела сталь, какое-то

странное упрямство, какая-то непонятная уверенность и главное – никакого удивления. Она, конечно, ожидала, что он ее просто высмеет, но он, хоть и не верил, все же вел диалог и всерьез отстаивал свое мнение, пытался ее переубедить.

– Я слышала об этой болезни, – подхватила девушка. – И именно поэтому уверена, что от подобной могут страдать и вампиры... Или же они могут просто быть ночными хищниками, которых слепит свет... А еще я читала, что у летучих мышей-вампиров совершенно уникальная флора в системе пищеварения. И что если человеку полностью поменять состав флоры, он тоже сможет перейти на питание кровью...

– И читала ты обо всем об этом в той же самой группе в соцсети?

– Да, но не только там...

– Волчонок, волчонок... – теперь уже разочарованно протянул Барон, откинувшись на спинку лежака и отправляя в рот очередную закуску. – Вроде, взрослая умная девочка, а сама веришь в такие сказки... Ну и чего же ты ожидаешь от меня? Я не интересуюсь всей этой херней. Мне нужна была картина. Ты ее украла. Тема закрыта.

– Я боюсь, что этот человек... этот вампир, сумасшедший маньяк или кто бы он ни был... будет меня преследовать... – честно призналась она, опустив глаза и краснея.

– С чего бы вдруг, если ты все сделала, как надо? Никто тебя не видел. Никто за тобой не следит. Или ты все же чув-

ствуешь наблюдение?

– Н-нет... – неуверенно выдавила она из себя, совершенно не готовая признаваться, что поранила руку на месте своего преступления и по сути оставила там свой след и улики. Да, может, люди ничего бы и не обнаружили, но вампир... если, конечно, он существовал на самом деле... он такого бы точно не упустил... Марьяна сглотнула, очень надеясь, что ход ее мыслей и опасений никак не отразился на лице, потому что Барон следил за ней очень внимательно. – Я просто была почти уверена, что вы... заинтересуетесь тем, что я расскажу... – обтекаемо пояснила она.

– Да с какого бы хуя, радость ты моя? – теперь уже в открытую высмеял ее вальяжно развалившийся на лежаке бандитский барон, привыкший свободно распоряжаться человеческими жизнями. – На кой мне это все?

– Например, из-за бессмертия... – постаралась ответить Марьяна не менее спокойно и уверенно. – Ну или из-за регенерации... Вы наверняка слышали, что вампиры устойчивы ко многим болезням. Они единственные не болеют бешенством, только являются его переносчиками... И еще целебные свойства крови доказаны даже признанными учеными. Проводили эксперимент на мышах. Если одной особи вливать кровь другой молодой, то у нее улучшается самочувствие и повышается интеллект. Если той же самой особи вливать кровь старой мыши, интеллект снижается и самочувствие ухудшается... Описание этих экспериментов есть в

интернете... Просто все это разрозненные знания, и никто никогда не пытался собрать их воедино...

– Может быть, никто не пытался, потому что они не связаны и все это дерьмо собачье? Ты правда думаешь, что я мог клюнуть на подобное? Блядь, ты, конечно, занятная зверушка, но ни за что бы не подумал, что до такой степени... – тяжело вздохнул Барон, одарив ее скептическим взглядом через плечо. Впрочем, его глаза очертили ее лицо и опустились ниже, осматривая остальную фигуру: довольно низко застегнутую на груди рубашку, голый животик, видимый из-за оторвавшихся на рубашке пуговиц, длинные стройные ножки, затянутые в облегающие джинсы. – Знаешь, если ты боишься вампиров, я готов лично осмотреть твое тело на предмет укусов, – ухмыльнулся он нагло и беззастенчиво.

– Но... – Марьяна встрепенулась, понимая, что, кажется, упустила свой шанс в чем-то его убедить.

– Все, волчонок. Твое время вышло. Мне надоела эта болтовня. Хочешь, чтобы я тебя толпой телохранителей обеспечил из-за твоих кошмаров или чтобы лично дежурил по ночам у твоей постельки, пока ты спишь? А не жирно ли будет первое для простой карманницы, и не боишься ли ты, что со мной в постели будет вовсе не безопасно?

Марьяна только вспыхнула от этих намеков, но все же попыталась снова открыть рот.

– Я сказал, довольно. Иди переодевайся в купальник. Елена покажет тебе, где тут раздевалка и душ, – безапелляци-

онно перебил ее Виктор и махнул рукой в сторону девушки, терпеливо ожидающей поодаль. Марьяна даже не заметила, когда она успела появиться и как долго тут находится. Это оказалась еще какая-то барышня из его свиты с черными вьющимися волосами и очень смуглой кожей, похожая на испанку, очень тоненькая и миниатюрная, с алыми пухлыми губами и огромными глазами с пушистыми длинными ресницами. Должно быть, у них с Марьяной и правда были одинаковые размеры. По крайней мере роста они точно были одного. Только вот яркостью и эффектностью Марьяна ей точно уступала...

Девушка поднялась и направилась к ней. Черт, неужели ей и правда придется вырядиться в купальник и изображать тут перед ним русалку, вроде этих его девочек на побегушках?

ГЛАВА 10

Марьяна придирчиво осмотрела себя в зеркале и залилась румянцем. Конечно, она не была какой-нибудь там монахиней... Нормальная современная девчонка... Но сейчас, именно в этом доме с его хамоватым и непредсказуемым хозяином почему-то изводило чувство стыда и терялась всякая уверенность в себе... Он жестокий и беспринципный тип, рядом с которым ей определенно грозит опасность. Он либо поиздевается над ней, либо... Девушка в нехорошем предчувствии больно закусила губу, в сотый раз поворачиваясь перед своим отражением и рассматривая купальник, состоящий из маленьких нежно-голубых треугольничков и длинных черных завязок на бедрах, на шее и на спине. Все это выглядело ужасно ненадежно и призывно... и, вроде бы, очень ей шло... Правда, от одной только мысли о здоровенном накачанном атлете, поджидающем ее у бассейна, дыхание тут же перехватывало, и ноги будто прирастали к полу, никак не желая вести ее к выходу. Неужто, если она откажется выходить в таком виде, он и правда пришлет сюда охрану и та выволочет ее наружу и зашвырнет в бассейн? Как бы абсурдно и смешно это ни звучало, в случае с Виктором проверять такую вероятность совершенно не хотелось...

Марьяна закинула назад голову, глубоко вздохнула и потерла ладонями лицо. Задерживаться в раздевалке и дальше

было бы уже нежелательно, она и так слишком долго провозилась в душе. Руки были как ледышки, босые ноги тоже... Больше всего на свете хотелось снова залезть под горячий душ, потом надеть свои вещи и свалить отсюда, но вместо этого она развернулась и направилась к выходу. Перед смертью все равно не надышишься.

Барон о чем-то переговаривался со своей охраной, когда она появилась. Уловив движение боковым зрением, он оглянулся через плечо, смерил ее ничего не выражающим взглядом с ног до головы и снова повернулся к своим бугаям, видимо, давая последние указания. Опять испытать на себе этот змеиный гипнотизирующий взгляд очень уж не хотелось. Выйдя из легкого оцепенения, девушка решила присесть на краю бассейна, опустив в воду ноги. Так она чувствовала себя более защищенной, хотя это, конечно, была иллюзия.

Не прошло и минуты, как хозяин дома приблизился неторопливой походкой и тоже сел рядом, касаясь ее и плечом, и бедром. Эти прикосновения обожгли и чуть не заставили метнуться в сторону, но она удержалась. Черт, как же страшно было находиться в такой близости с ним, но только отодвинуться было еще страшнее. В конце концов, пока что он не делал ничего такого... Или?..

Мужчина рядом с ней чуть отставил назад ближайшую к ней руку и, опираясь на нее, немного отклонился назад. Его лицо приблизилось, она даже чувствовала на щеке его горя-

чее дыхание, а еще собственные мурашки, предательски разбежавшиеся по коже и никак не желающие утихомириться. Мужские пальцы бесцеремонно тронули висок, щеку, затем тонкий локон, выпавший из хвостика, заправили его за пылающее ухо и двинулись вниз по шее, заставляя сглотнуть.

– Тебе идет этот купальник. И мне нравится, как ты краснеешь... – Теперь его пальцы поглаживали ее плечо, вызвав внутреннюю дрожь.

– Почему у тебя столько татуировок? – едва дыша, выдавила она из себя единственный пришедший в голову банальный вопрос.

– Красиво?

– Да, но... от них же нельзя будет избавиться, если тебе вдруг надоест...

– Мне не надоест. Они отражают мою суть.

Когда он наконец-то убрал руку, Марьяна отважилась взглянуть на его грудь. Вообще-то до этого она толком не решалась рассмотреть все узоры на его теле, и сейчас ее глаза изумленно расширились, уставившись на огромную голову королевской кобры, разверзшей кроваво-красную зубастую пасть как раз в том месте, где располагалось сердце. Жуткая, ничего не выражающая морда, раскрытый капюшон, смертоносные острые длинные клыки, высунутый раздвоенный язык, мертвые дыры зрачков, окруженные золотистой радужкой – застывший, стеклянный, пригвождающий к месту и пронизывающий насквозь взгляд.

– Что, похоже? – усмехнулся он как-то недобро, будто давно уже догадался, что про себя она прозвала его аспидом. Может быть, эта аналогия когда-то неосознанно пришла ей на ум из-за чешуи на его руках, и лишь теперь настало полное понимание.

– Я... не знаю... – растерялась Марьяна. – Человек не должен быть похож на змею. Змеи не умеют чувствовать.

– Иногда так случается, что места для чувств больше не остается.

– Мне жаль, если так...

– А мне уже нет... Дай руку, – Виктор протянул ей ладонь, и она вложила в нее свою. – Зачем ты на самом деле мне звонила, Марьяна, и почему хотела встретиться? – Он положил ее руку себе на грудь, заставляя провести пальцами по изображению змеи. Пальцы постыдно дрожали, но нужно было признать, что прикасаться к его шелковисто-гладкой коже было приятно, хоть на ней и была чешуя – блестящая, очень реалистичная, переливающаяся. Вот только сейчас девушка разглядела, что змеиное тело опутывало своими кольцами его всего – торс, ноги, руки, шею... Это выглядело красиво и устрашающе одновременно, будто он попался в плен к этому чудовищу, а потом слился с ним воедино.

– Я... я хотела выяснить, почему вы послали в тот особняк именно меня... Почему все другие отказались? И еще я хотела, чтобы вы рассказали мне, кто там живет на самом деле...

– То есть ты правда хотела поговорить о вампирах... – несколько угрожающе прошелестел насмешливый голос совсем рядом с ее ухом. Они вдруг как-то неожиданно оказались очень близко. Марьяна дышала тяжело и часто, чувствуя, как под ладонью размеренно бьется мужское сердце и разливается жар. Барон склонился и нежно поцеловал ее в тут же вспыхнувшую щеку, затем притянул к губам ее руку и поцеловал в запястье, в ладонь, в кончики пальцев. Девушка облизала губы и скользнула взглядом по низу его живота. Его неистовое, животное возбуждение невозможно было не заметить под узкими плавками. По спине, казалось, прошелся ледяной хвост кобры с его татуировки. Нет, она точно не была готова к такому раскладу. Резко рванувшись в сторону, Марьяна высвободила свою руку и тут же скользнула в воду, надеясь, что ей хватит дыхания, чтобы выплыть.

Вынырнув и жадно схватив ртом воздух, девушка ловко развернулась и поплыла на другой конец бассейна. Холодная вода немного остудила и отрезвила, но анализировать свои чувства и свою реакцию на Виктора было по-прежнему невыносимо. Надолго ли она получила эту отсрочку? Захочет ли он принимать во внимание ее страх и ее неготовность? Будет ли она вообще когда-нибудь готова довериться такому, как он? Барон ведь даже не скрывал того, что из себя представляет...

Добравшись до своей цели, девушка немного задержалась у борта и оглянулась назад. Барон по-прежнему сидел на

краю, опустив в воду только ноги. Откинувшись на выставленные назад руки, он расслабленно наблюдал за ней безо всякого смущения... Отсюда ей не было видно его лица, но она готова была поклясться, что он улыбался. Конечно, чего ему горевать... Рыбка ведь никуда не денется из его аквариума, а он в любой момент может выловить ее и придушить, как любой нормальный проголодавшийся или всего лишь заскучавший хищник. Марьяна загладила назад волосы, немного отдышалась и поплыла обратно, правда, не так близко к тому краю, где сидел Барон, а посередине. Кажется, она не совсем еще растеряла свои плавательные навыки. Выглядеть полной неумехой ни капельки не хотелось...

Сделав несколько кругов, Марьяна почувствовала естественную усталость с непривычки. Из последних сил устремившись к приближающемуся бортику, она глянула через плечо на Барона, но никого не обнаружила в том месте, где он сидел. Значит, всё-таки змей вышел на охоту. По всему телу прошли судороги паники, руки и ноги невольно заработали быстрее, предчувствуя нападение. Казалось, она буксирует на месте и никогда не доплывет... Но вот пальцы ухватились за край бассейна. Девушка резко развернулась, одновременно протирая ручьем стекающую по лицу воду. Поверхность бассейна была пустой, как и все громадное помещение. Только вот под водой метнулась темная стремительная тень. Она ринулась к Марьяне, потом ушла на глубину и вдруг взорвалась фонтаном брызг прямо перед ее лицом.

Виктор тоже ухватился за борт, заключив ее в ловушку своих рук. Марьяна глухо вскрикнула от неожиданности. Дыхание перехватило от его близости, от исходящей от него силы и жара, несмотря на разделяющую их прохладную, приятно освежающую воду.

– Ты неплохо плаваешь, – похвалил он. – Только неправильно дышишь, и с техникой у тебя не очень. Потому и устала так быстро. Давай научу, как надо.

В его словах, вроде бы, не было никакого подвоха, но его бесцеремонный взгляд, прикасающийся к ней, где не надо, его порочная улыбка, его развязность – совершенно выбивали из колеи.

– Не нужно, – смутилась она, желая его отстранить, но при этом боясь к нему прикоснуться. – Я просто очень давно не плавала...

Ее реакция не ускользнула от его внимания. Он неторопливо облизал губы и приблизил к ней свое лицо.

– Так боишься меня, волчонок? Даже кусаться расхотелось? Я не достаточно хорош для тебя, для порядочной девочки? – Его рука погладила ее щечку, ласково убрала влажные волосы, прилипшие к шее, скользнула по ключице, прошибая рядами электричества.

– П-пожалуйста, не надо... – прошептала она срывающимся голосом, чувствуя, как его пальцы скользят ниже, задевают тонкие шнурки купальника на груди, опускаются вниз по животу, а затем касаются спины, затягивая в омут

объятий. Боясь ещё больше его спровоцировать, девушка попыталась толкнуть его в плечи, а сама до предела вжалась спиной в бортик. Вместо того, чтобы выпустить ее, он наоборот прильнул к ней всем телом, давая прочувствовать свое возбуждение. Его окаменевший член бесстыдно прижался сквозь мокрую ткань к ее лобку, затем к ногам, когда он сильнее погрузился в воду.

– Волчонок, волчонок... – обжигаяще прошептал он ей в самые губы. – Знаешь, в чем твоя основная проблема? Ты совершенно не умеешь скрывать свои чувства. Я тебя насквозь вижу... как ты смущаешься... как ты меня хочешь... как возбуждена... Может, ты не такая уж хорошая девочка, какой кажешься самой себе? Таскаешь чужие кошельки, вламываешься в чужие дома и крадешь дорогие полотна... Связываешься с настоящими бандитами и отморозками и пытаешься качать среди них права... А ещё напрашиваешься на встречу с их боссом и так мило меня провоцируешь, что я готов лишить тебя девственности прямо здесь. Ты ведь девственница, Марьяна?

Он, кажется, впервые назвал ее по имени, и от вкуса этого имени на его губах по спине почему-то пробежался озноб. Вся дрожа от ужаса, девушка сглотнула и рванулась изо всех сил. Всего полминуты назад она, возможно, ещё могла ускользнуть, но сейчас он перехватил ее за хвост на затылке, опираясь о борт локтем, коленом развел в стороны ее ноги под водой, а свободной рукой накрыл ее обнаженную грудь,

неспешно проведя пальцем по окаменевшему в прохладной воде и необыкновенно чувствительному соску.

Девушка вскрикнула, осознав вдруг, как ловко и незаметно он избавился от ее лифчика. Тот плыл по воде рядом с ними, а потом пошел на дно. Больше ждать он не мог. Его губы накрыли ее рот, нежно обволакивая. Вода размывала вкус поцелуя, но она же придавала ему волнующей лёгкости и трепетной влажности. Вся дрожа от паники, девушка с изумлением осознавала, как воздвигнутый ею барьер тает с каждым движением его языка, с каждой умелой лаской его пальцев. Блаженство разливалось по всему телу, руки послушно легли на здоровенные мужские плечи, губки требовательно тёрлись о его умело распалюющие губы, жёсткие и шелковистые одновременно.

Сама себя не контролируя, она обвила руками его шею и прогнулась в талии, прижимаясь к мускулистому торсу. Язык невольно пытался повторить умелые, неторопливые, обучающие движения его языка, подчиняясь и очень робко стараясь подчинить в ответ. Из груди вырвались стоны. Невесомость так расслабляла, так сводила с ума... как и потоки прохладной всегда подвижной воды, что их омывали.

Однако доставляющий ей удовольствие мужчина вдруг остановился, прервав сладкое безумие. Он дышал ей в губы и сверлил ее глаза своим гипнотизирующим змеиным взглядом.

– Что, вошла во вкус, хорошая девочка? – с угрожающей

усмешкой спросил он, вскользь снова целуя ее губки. – Остановиться не можешь?

Он склонил голову, любуясь чуть выглядывающей из воды высокой девичьей грудью с маленькими острыми сосками. Марьяна запоздало прикрылась одной рукой, стыдливо опустив глаза. Другая ее рука, напряжённая, как пружина, упёрлась в мужскую грудь. Если бы он не держал ее, крепко обхватывая за талию и прижимая к борту, она бы сейчас утонула.

– Не надо больше, прошу... – почти умоляя, пролепетала она, прекрасно понимая, что все в его власти. Виктор буровил ее взглядом в упор, потом глубоко вздохнул. Ещё пара секунд в его объятьях – и у нее совсем помутится в голове, она просто сдастся, не сможет противостоять, сделает все, что он прикажет... Но крепкая мужская хватка вдруг ослабла. Виктор отстранился.

– Вали отсюда, пока я не передумал, волчонок... – мрачно сцедил он. – И даже не надейся, что в следующий раз я буду таким понимающим и сдержанным...

Девушка вскинула на него недоверчивый взгляд. Всего мгновение задержки – и она скользнула в воду, легко, как рыбка, улепетывая из ловушки почти проглотившего ее хищника. Она добралась до бокового бортика бассейна и неловко выбралась из воды, всей кожей чувствуя, как он наблюдает и, возможно, размышляет, не передумать ли. Прикрывая грудь, девушка бегом рванула в раздевалку, заперлась на за-

щёлку, остановилась, прижавшись к двери спиной и пытаюсь отдышаться. Вся кожа пылала, хотя с нее ручьями текла холодная вода. Она даже не вытерлась... Слава богу, тут тоже были полотенца... Не теряя ни секунды, Марьяна стянула с себя мокрые плавки, растерла кожу полотенцем и тут же нацепила на себя свои вещи, даже не принимая душ и не высушив волос.

Выходить отсюда было ужасно страшно. Она слишком хорошо прочувствовала на себе силу мужского желания. В сочетании со вседозволенностью, к которой он привык, его благородное терпение казалось сомнительным. Тем не менее, оставаться здесь дольше тоже было нельзя. Вечерело. На улице уже давно сгустились сумерки. Сегодня мама с папой будут дома, и перед ними придется отчитываться, не говоря уже о Насте... Что только она теперь ей наплетет? Сможет ли сочинить что-нибудь мало-мальски убедительное?

Трусливо, как мышонок, Марьяна выскользнула в зал с бассейном. Сейчас она не чувствовала себя даже волчонком, не то что отважной девочкой, какой считала себя когда-то в детстве, думая, что ей море по колено. В помещении царил полнейшая тишина. Вода бассейна снова замерла, превратившись в гладкое стекло, сквозь которое проступали живописные узоры дна, обманывающие зрение. Пройдя к выходу и открыв дверь, девушка резко остановилась. Путь ей преградил громадный охранник в черном классическом костюме, пиджак которого визуально увеличивал его и без того

необъятные плечи.

– Дождитесь Виктора Аркадьевича. Присядьте. – Громила указал рукой на ближайший диванчик в каком-то проходном холле, явно не предназначенном для проведения здесь времени или для отдыха.

– У меня забрали телефон. Я бы хотела получить его назад, – собравшись с последними силами, произнесла она твердо.

– Я выясню, – обещал здоровяк и ушел куда-то, оставив ее наедине с еще двумя охраняющими дверь бугаями. Почти не чувствуя под собой ног от моральной и физической усталости, Марьяна села. Сердце неистовствовало в груди, увеличившись, кажется, вдвое. Оно мешало дышать, глотать, думать и двигаться. Оно сводило с ума своим припадком безумия. Девушка откинулась на спинку дивана, но внутреннее напряжение не ослабевало ни на секунду. В голове пронеслись воспоминания о том, что только что произошло в бассейне. Их отголоски чувствовались во всем теле – пробегались заревом по коже, отдавались мучительно-приятной истомой внизу живота, всплывали яркими образами перед глазами. Ей только не хватало по-настоящему влюбиться в этого змея-искусителя... Ну не могло же это чувство быть настолько неуправляемым! Она не хотела, не хотела ничего к нему испытывать, потому что боялась... потому что была уверена, что он предаст или сделает больно... потому что хотела его так сильно, что почти теряла разум, и это казалось совер-

шенно неправильным, опасным и порочным.

Дверь вдруг раскрылась, и в комнате появился Барон. Он уже надел джинсы и накинул, не застегивая, рубашку, но при этом почему-то все равно выглядел вызывающе сексуально и откровенно. Когда он приблизился и протянул к Марьяне руку, в ней оказался ее мобильный. Девушка взяла его осторожно, боясь прикоснуться к мужским пальцам, но Виктор снова подал руку, чтобы помочь ей встать. Теперь прикосновения было не избежать. От него по телу как всегда пробежал ток.

– Пойдем, провожу... – потянул он ее к выходу. Они молча прошли через гигантские пустые комнаты дома, а когда вышли на крыльцо, весь сад был усыпан огнями фонариков, а навстречу им подбежали две здоровенные собаки.

– Не бойся. Это Бой, а это Ларри. Они своих не трогают. Можешь погладить. – Марьяна и не боялась. Она любила собак и почему-то даже этим двоим доверяла больше, чем их хозяину, хоть он и повел себя сегодня как джентльмен. Шерсть у обоих гигантов оказалась гладкой, как шелк, а морды мягкие, теплые и мокрые. Девушка улыбнулась, когда Бой вылизал ей руку. Однако, Барон повел ее дальше по дорожке между деревьями цветущей сакуры. Тут было красиво и волшебно, как в сказке. Только вдруг больно сжавшаяся на ее ладони рука Виктора отвлекла ее от удовольствия созерцать эту красоту. Они остановились у подъездной выложенной садовой плиткой дороги, по которой подкатил уже хорошо зна-

комый Марьяне джип. Мужчина развернулся к ней лицом и больно сжал ее щеки пальцами, заставляя ее смотреть ему в глаза. Стоять так перед ним было неловко и неудобно, но двинуться с места или вырваться она побоялась. Его змеиный пронизывающий взгляд пригвождал к месту.

– Будь осторожна со мной, Марьяна, – прошипел он ей в губы холодно и жестко, совсем не так, как пытался общаться в бассейне. – Я не люблю игры и хорошо чувствую людей. Если ты будешь делать что-то, что мне не понравится, я буду беспощаден. Всегда помни об этом и не строй себе никаких иллюзий после того, что сегодня произошло.

Его недобрые слова, его очередная грубость и угроза, вдруг вывели ее из себя.

– Сегодня ничего не произошло, Виктор, – ледяным тоном в его же духе прошептала она. – И никогда не произойдет. – Девушка попыталась вырваться, но не смогла. Рука на ее щеках сжалась еще крепче, четко давай понять, кто тут принимает решения, а кто подчиняется.

– Посмотрим... – ухмыльнулся он многообещающе и только после этого выпустил ее на свободу. Девушка развернулась и, боясь споткнуться под его тяжелым взглядом, бросилась к машине. Он прав... Он как всегда был прав... Она не должна строить себе иллюзий. Никогда. Единственная, кто сможет ей помочь и ее защитить, это она сама. Только нужно научиться закрывать свое сердце для тех, кто не готов его беречь, кто может растоптать его и пройти мимо, даже

не заметив, что натворил.

Проводив взглядом отъезжающий автомобиль, Виктор сунул руки в карманы и направился к дому. Из темноты парка к нему выскочил третий дог, белый в черных пятнах, с розовым носом, которым он тут же ткнулся ему в руку. На самом деле это была сука, Мэй, самая ласковая и красивая из всех его собак. Тяжело дыша после вечерних скачек на раздолье и вывалив изо рта длинный язык, она пошла рядом с хозяином, подстраиваясь под его шаг, чтобы он успевал гладить ее по голове и холке. Сегодня хозяин молчал, и это не нравилось Мэй. Скорее всего, он думал о чем-то серьезном, а, значит, был не в духе.

На веранде Виктор сел на диване под навесом, а собака устроилась рядом на полу, положив тяжелую голову ему на ногу. Мужчина будто не замечал ее, он смотрел в даль парка и не двигался. Сейчас он вспоминал все, что произошло за сегодняшний очень длинный день и был не доволен.

Охота на вампира... Когда-то он посмеялся бы над одним только упоминанием подобного бреда... Жизненный опыт давно лишил его всяких иллюзий касательно любой мистической чуши... Если где-то и происходило что-то необычное – это всегда оказывалось делом рук человека, ну или каким-нибудь замысловатым явлением природы. Но потом ему

раскрыли глаза на некоторые очень странные вещи, сунули под самый нос доказательства, а точнее трупы... многочисленные полностью обескровленные трупы... а трупы никогда не лгут в отличие от живых людей... К тому же позднее он удостоверился во всем на собственном опыте, послав на верную смерть не самых умных и ценных из своих подчиненных... Зато теперь он очень хорошо представлял себе, что случится с толпой последних отморожков, для которых убить человека – раз плюнуть, если они вздумают покушаться на жизнь или свободу кровососа, вышедшего на охоту. Нет, вампир не высосал из них кровь, потому что предпочитал молоденьких девочек, он просто порвал этих бугаев на части зубами и когтями, как взбесившийся пес беспомощных котят... Они даже не успели опомниться и бежали от него, обоссавшись от страха, и сдохли как трусы... Но что самое главное, это чудовище даже не ответило ни перед кем за свое преступление. Дело попросту замяли, и Барон пока что даже не имел возможности выяснить, через какие каналы, чтобы самому не засветиться.

С одной стороны, сущность этих тварей пугала, потому что до конца не была понятна. С другой стороны, вызывала восхищение. Бессмертие, немеряная физическая сила, намного более развитые органы чувств, пусть и с определенными неудобствами вроде странных пищевых пристрастий и непереносимости солнечного света, – все это казалось весьма привлекательным и перспективным. Он начал выслежи-

вать вампиров совсем недавно и слишком мало о них знал... Теперь ему нужно было понять их сущность, оценить их силу и слабости, чтобы поймать и выяснить, что к чему... Для этого нужен был исследовательский материал, рискнуть которым было бы не жалко. И вот наконец-то удача ему улыбнулась – этот одиночка казался вполне реальной целью, близкой, достижимой, желанной и не слишком сложной, учитывая его отшельнический образ жизни. Он был готов выложить за него любую цену, будь то фантастическая сумма денег или человеческие жизни...

Однако сегодня... сегодня уверенность его на миг пошатнулась из-за этой девчонки. Он сам подпустил ее слишком близко к себе... позволил ей затронуть те струны, которые уже очень давно никому не позволял задевать. И самым отвратительным было то, что он хотел еще... Неутоленный голод остался и мешал мыслить спокойно и рационально... Но больше всего раздражал смутный страх потерять ее. Барон натянул губы в холодной кривой улыбке. Юная, чувственная, влюбленная в него, наивная, смелая и неглупая... Мог ли он подумать, что девчонка, которую он решил без всякого зазрения совести использовать как экспериментальную приманку, может знать о вампирах и относиться к ним всерьез?.. Один шанс на миллион... И теперь именно этот шанс и не давал ему отступить назад. Что если ее осведомленность и разрозненные знания как-то помогут в дальнейшем? Вампиры никогда и никого не подпускали к себе близко просто так.

Он никак не мог проникнуть в их мир, он не мог подобраться к ним ближе, оставаясь лишь сторонним, очень сторонним наблюдателем с приличной дистанции. Теперь же все складывалось лучше, чем он мог подумать. Такая девочка у любого вызовет любопытство... У него у самого текли на нее слюнки. Если он хоть что-то понимал в вампирах и в этом кровососе в частности, тот уже должен был ею заинтересоваться и выйти на охоту, а уж его люди теперь проследят, чем именно все это закончится. Терпение. Настоящий охотник всегда должен отличаться терпением и умом, чтобы самому не стать дичью. Так учил его отец, когда еще маленьким брал его с собой на охоту и учил выслеживать и убивать. Поначалу это были животные.

Он еще раз улыбнулся. На этот раз тепло и искренне. Вспоминая ее гибкий тонкий стан в своих объятьях, ее дрожащие губки, ее робкие прикосновения и попытки вырваться, Виктор невольно задался вопросом: а действительно ли он готов ее потерять? По тем сведениям, что он добыл о вампирах, большинство из них предпочитало девственниц. Они вообще любили молодую здоровую кровь... хотя детей в основном не трогали... Что ж... Улыбка ушла с его лица... Он приносил в этой жизни разные жертвы. Все они были впоследствии оправданы и были оплачены с лихвой. Не она первая. Не она последняя.

Барон достал из кармана джинсов телефон и набрал номер. В трубке раздалось теплое, соблазнительно-манящее

«Да?».

– Привет, Феникс... – протянул он безучастно. – Приезжай. Ты будешь мне нужна.

ГЛАВА 11

Оказавшись в автомобиле, Марьяна выдохнула и закрыла глаза. Только сейчас страшное напряжение этого дня наконец-то немного ее отпустило. Коснувшись щеки, она поморщилась – после хватки Барона кожа горела и болела. Правда, еще больше пекло и ныло в груди... Наверное, она и правда в какой-то момент поддалась на его обаяние и его сдержанность, поэтому получить перед прощанием очередную порцию грубости было больно и обидно. Немного придя в себя, она достала из сумочки мобильный и просмотрела уведомления. Семь звонков от папы. Четыре – от мамы. Они разыскивали ее с семи часов вечера, как раз с того момента, когда она должна была вернуться домой, но не вернулась. Боже, сейчас на часах была половина одиннадцатого! Кажется, она окончательно перестала быть хорошей, порядочной девочкой, связалась не с теми людьми, занималась плохими вещами, позволяла себя трогать и целовать опасному и жестокому человеку, который ни во что ее не ставил. Девушка сглотнула и чертыхнулась про себя, но все же набрала ответный звонок маме.

– Марьяна, ты с ума сошла? – голос мамы был убитый, обескровленный, усталый. – Мы ищем тебя с семи часов! На работе сказали, что ты ушла после обеденного перерыва и больше не вернулась!

То, как это прозвучало, на некоторое время лишило девушку способности говорить.

– Мам... мам, прости, пожалуйста... – наконец прошептала она еле слышно. – Я... просто должна была встретиться с одним человеком...

– С каким еще человеком? – кажется, мама чуть не плакала и была на грани нервного срыва. – Почему нельзя было позвонить?

У Марьяны сердце упало, у самой на глазах навернулись слезы. Как она могла довести до такого состояния родителей? А теперь еще снова лихорадочно выдумывала липовые оправдания...

– Я... звук у телефона в кино выключила и не слышала звонков... – произнесла она на одном дыхании, – а потом забыла снова его включить...

– В кино? Ты отпросилась с работы, чтобы сходить в кино?! – голос мамы стал неестественно высоким.

– Меня отпустили без проблем... Я же редко когда отпрашиваюсь... Думала, вернусь вовремя... Мам, не расстраивайся, пожалуйста... Я так больше не буду...

Марьяна пыталась говорить как можно более ласково и искренне, но в трубке зависло мучительное молчание. Девушка затаила дыхание, отсчитывая удары собственного пульса.

– Мы в больнице, – еще более упавшим голосом наконец выдавила из себя мама, оставив тему ее исчезновения без от-

вета. – Насте стало плохо. Увезли на скорой. Она в тяжелом состоянии... В реанимации...

– Что?! – девушка захлебнулась в эмоциях, чуть ли не подскочив на ноги в тесном салоне автомобиля. – Почему?! Что говорят врачи?!

Мама тяжело вздохнула.

– Реакция на последнюю химию. Обещают стабилизировать... Потом снова возьмут анализы... Если показатели позволят, нужно срочно делать пересадку костного мозга...

– Но... – У Марьяны все внутри обледенело, стало тяжелым, огромным, мучительно перекрыло дыхание. – Мы же не сможем это оплатить... – пролепетала она жалобно.

Мама снова замолчала. В трубке только слышались едва различимые всхлипывания, потом она все-таки взяла себя в руки.

– Это все равно не телефонный разговор... Поезжай домой... Приготовь что-нибудь... Займись уборкой... Кота покорми... И... – Было похоже, что мама и сама не знала, что делать, что говорить, как себя вести... просто говорила на автомате.

– Мам, можно я лучше к вам приеду? – жалобно протянула Марьяна, с ужасом думая о пустой квартире.

– Не нужно... – женский голос в трубке немного смягчился. – Тут... нечего делать... Мы просто ждем...

– Мам, пожалуйста... – чуть не плача, взмолилась она. – Я не смогу там одна... И я хочу быть рядом... Скажи мне

адрес...

– С кем ты сегодня была? – снова переключилась мама на первоначальную тему.

– С одним... молодым человеком... – вымученно произнесла Марьяна. Но хотя бы эта малосодержательная фраза была правдой...

– Вы встречаетесь?

– Я... не знаю... Не знаю пока...

Мама помолчала в раздумье.

– Записывай адрес... И больше никогда не пропадай вот так. Я уже думала, что... – Она вдруг расплакалась в голос. – Что теряю обеих дочерей...

Настю выписали спустя две недели, и теперь она сутками лежала у себя в комнате, ослабленная, молчаливая, полусонная. По ночам у нее теперь дежурила мама. Когда Марьяна заходила к ней в комнату и осторожно садилась на край кровати, она только медленно приоткрывала глаза и слабо улыбалась краем пересохших губ. Казалось, что даже эти нехитрые движения даются ей с трудом и с мукой. Она даже перестала носить свою бандану, с которой раньше не расставалась и во сне, ворча, что отсутствие волос превращает ее в яйцеголовую инопланетянку. Сейчас ей было все равно. Она почти все время спала или пребывала в каком-то неопреде-

ленном забытии.

Марьяна чувствовала, что родители что-то ей недоговаривали. Оба они рассказывали, что набрали кредитов, что собирают все имеющиеся у них суммы, что возьмут в долг у каких-то знакомых, но на самом деле все это напоминало какую-то последнюю агонию, смысла в которой уже не было. Раньше Насте никогда не бывало плохо так подолгу и она никогда не выглядела такой обессиленной... А между тем, пока даже речи не шло о том, что донор уже найден, что есть договоренность с какой-то больницей, занимающейся трансплантацией, что операцию вообще можно провести при ее состоянии... О последних анализах родители тоже умалчивали, все убеждая, что нужно сделать их позднее, когда все стабилизируется...

Иногда Марьяне в голову приходили жуткие, отвратительные, тошнотворные мысли о том, что она снова позвонит Барону, что она попросит у него денег, что она предложит ему взамен себя, если он откажется помочь просто так... В конце концов, чего стоила ее невинность и честь в сравнении с жизнью сестры? Она могла бы попробовать понравиться ему по-настоящему... Возможно, тогда он стал бы более человечным, проникся бы к ней какими-то чувствами... Однако стоило ей подумать о его реакции на этот жалкий шаг, как всю ее охватывал ужас и отчаяние. На память тут же приходили слова Виктора, и все разом переворачивалось с ног на голову: «Тебе нужно научиться ценить себя, если хочешь чего-то

добиться в этой жизни. Слабачки никому не нужны, разве что в качестве подстилок». Эти слова отрезвляли... Он не терпит слабачек, а она ведь и правда не готова ползти к нему и умолять о помощи, унижаясь и исполняя любые его желания... Такой, как он, позабавится и выкинет на панель... Он ведь обещал научить ее кое-чему при самой их первой встрече, если она попросит как следует...

Тогда что? Какие у нее еще были возможности? Она и так делала все, что могла. Она даже перестала отдавать посредникам всю выручку, которую удавалось добыть из чужих сумок и карманов. Вроде бы, никто не мог бы вычислить этот жалкий обман, но страх быть уличенной и наказанной постоянно висел над ней, как Дамоклов меч. «Если ты будешь делать что-то, что мне не понравится, я буду беспощаден», — пульсировало мучительной болью в висках всякий раз, когда она прятала очередную крупную купюру себе в карман в обход общей кассы. Только остановиться уже не могла. Один из кредитов был оформлен под залог квартиры, и что стало бы с ними, лишись они жилья, она даже думать не хотела. Улица, дно, с которого уже не поднимаются...

Все чаще ввиду всего этого в мыслях всплывал этот заброшенный с виду и шикарно отделанный изнутри особняк с огромными запасами донорской крови и замурованными окнами. Он не давал ей покоя. Что если там действительно жил вампир? Что если он был бессмертным? Что если вампиры и правда умели обращать людей в себе подобных? Воз-

можно, это был бы последний шанс для Насти, хотя от мысли о том, какой образ жизни ей тогда пришлось бы вести, к горлу подступала тошнота. Но был ли другой выход, кроме этой ничтожной и наивной надежды?

Марьяна уже давно не заходила на сайты и в группы, где раньше читала о вампирах. Все, что там имелось существенного, она уже давно выучила наизусть, а читать новости из раздела жутких криминальных сводок совсем не хотелось. Она и так едва отошла после этой своей ночной вылазки и немного успокоилась, что ее никто не ищет. Однако сейчас что ей еще оставалось делать? Разве что сразу же ограбить банк, причем без всякого участия банды Барона...

В одной из самых многочисленных и активных групп про вампиров в ВК сразу же запестрили фотографии мест преступлений, трупов, вскрытий... Иногда она удивлялась, почему весь этот кошмар еще не заблокировали... Однако, группа существовала уже несколько лет, и популярность ее хоть и не слишком росла, но все же не падала, да и активность в ней не затухала. Честно говоря, если бы не та встреча в больнице в детстве, а теперь еще не этот особняк, она тоже считала бы все это бредовой чернухой городских сумасшедших... ну или таким своеобразным способом развлечься. Кому-то нравилось читать кровавые триллеры, кому-то щекотать себе нервы не художественным вымыслом, а журналистским...

Девушка немного прокрутила ленту группы в ВК. Кстати,

аккаунт у нее был фейковый. Светить личные данные в сети ей совсем не хотелось. Сейчас одной из первых шла новость об убийстве ребенка в какой-то полузаброшенной квартире, причем располагалась она совсем недалеко от ее квартала. По коже пошел озноб от подробностей, но она все-таки дочитала статью до конца. Многочисленные укусы по всему телу, последней повреждена сонная артерия, труп практически полностью обескровлен, но следов крови на месте преступления не обнаружено. Под новостью как всегда шли ожесточенные споры о том, что тело, возможно, привезли сюда откуда-то и бросили... Кто-то приводил экспертные доказательства в пользу обратного. Марьяна закрыла эту новость и перешла к другой. Какую-то девушку привезли в больницу на скорой. Ее обнаружили где-то на улице. Она тоже потеряла много крови, но ран при этом обнаружено не было. На этот счет тоже шли разные мнения. Кто-то утверждал, что вампиры при желании могут залечивать раны своей кровью. Скептики приводили доказательства в пользу иной природы кровопотери.

Еще покрутив ленту, Марьяна наткнулась на призывный заголовок: «Как поймать вампира». Коротенькая заметка велла на другой сайт, который ей уже тоже был знаком, но она все же перешла по ссылке. Раздел оказался огромным, просто неохватным, да еще как всегда изобилующим всякими научными (или все же псевдонаучными?) терминами. Оценить достоверность информации она никак не могла. Что

она по сути знала о биологии, о медицине, о криминалистике, о работе полиции и спецназа? Разве что научно-популярные идеи, вбрасываемые в неподготовленные умы обывателей через научно-популярную литературу, статьи, фильмы и передачи. Девушка вздохнула и принялась внимательно читать текст, пока не дошла до раздела: «Техника безопасности. Самооборона. Меры предосторожности. Читать обязательно в первую очередь!» Сначала на лице невольно возникла скептическая ухмылка. Потом брови нахмурились, и на пару часов она полностью ушла в чтение.

Спустя некоторое время Марьяна сидела, уставившись застывшим невидящим взглядом в угол комнаты, потом сглотнула, понимая, что все тело почему-то вдруг сковал страх. Такого реального, осязаемого, всепоглощающего страха она давно уже не испытывала. Он был похож на тот, что она чувствовала в детстве, когда практически без сомнений верила в притаившееся за каждым углом зло. Почему она поверила и теперь, сложно сказать... Наверное, потому что окончательно решила поймать вампира.

Поймать – это громко сказано. Если верить информации с сайта, отлавливали их разве что военные спецназовцы, ну или хорошо обученные и вооруженные люди. Она же всего лишь могла выступить в качестве приманки, при этом попро-

бывав себя защитить. Вампиров привлекала свежая кровь, так что если на теле будет хоть какая-то маленькая ранка, они ее учуют и могут взять след. А еще они предпочитали детей и молодежь, желательно девственников, потому что любили чистую, молодую, здоровую кровь. Она лучше тонизировала и казалась им более питательной и вкусной. Марьяна невесело хмыкнула... Кажется, она идеальная жертва...

Как бы абсурдно все это ни выглядело со стороны, но вероятность того, что все это правда, по-прежнему оставалась, и ей все же придется рискнуть. Только вот с Бароном все же нужно быть начеку... Едва ли он одобрит то, что она замыслила. Может быть, в этом свете последнее предупреждение Виктора обретало новый смысл: «Будь осторожна со мной, Марьяна. Я не люблю игры и хорошо чувствую людей. Если ты будешь делать что-то, что мне не понравится, я буду беспощаден. Всегда помни об этом и не строй себе никаких иллюзий после того, что сегодня произошло». Этот Аспид мог ласкать и целовать нежно и чувственно, но потом без каких-либо угрызений совести придушить собственными руками или отдать на растерзание кому угодно. Он все равно использует ее так, как посчитает нужным, а это значило, что ей оставалось только позаботиться о своей безопасности самостоятельно.

У всех вампиров существовала непереносимость солнечного света. Она усиливалась, когда вампир был голоден, и снижалась, когда он напивался чистой молодой крови. Нахо-

даться на прямом солнечном свете им все равно всегда было некомфортно. Однако, одно дело – простые солнечные ожоги, как у людей с недостаточной пигментацией. Другое дело – серьезные поражения как при болезни Гюнтера. И все же эту их особенность ей едва ли удастся использовать... Вампир не выйдет из своего логова днем, а ночью она и сама ни за что не сунется внутрь. Более серьезной их слабостью было серебро. Травмы от него восстанавливались гораздо медленнее обычных, более того, от серебра у них иногда развивался анафилактический шок. Если же нанести серебром смертельные раны, то вампир, возможно, умрет, хоть его организм и обладает незаурядными способностями к регенерации.

Нет, Марьяна не была настолько наивной, чтобы вступать в смертельную схватку с вампиром, если ей вдруг удастся привлечь его внимание. Но что если ей удалось бы с ним поговорить? Ведь не все они убивали людей, если верить информации с сайтов. Гораздо больше было случаев, когда они выпивали кровь и отпускали жертву, возможно, предварительно одурманив ее какой-то наркотой. Так, может быть, ей удалось бы уговорить его помочь Насте? Если же не удастся и это, она без малейшего зазрения совести сдала бы его банде Барона.

Девушка легла на диван и закрыла глаза, пытаясь припомнить все детали общения с Виктором. Может быть, он все-таки в какой-то степени поверил ее рассказу? А, может

быть, интересовался этой темой и до этого... Откуда ему, например, было знать о болезни Гюнтера? Это редкая болезнь, и никто особо подобным не интересуется... разве что какие-нибудь эрудиты, с первого раза запоминающие все на свете, как нужное, так и ненужное... Только что она знала о Викторе? Кто он вообще такой? Есть ли у него образование? Как он получил все, что имеет – власть, деньги, тот самый шикарный дом, в котором живет? Почему, будучи таким молодым, он стал боссом целой группировки полных отморожков? Что совершил он сам? Сидел ли в тюрьме или только был наследником какого-нибудь известного в соответствующих кругах авторитета? Не зная всего этого, она не могла даже проанализировать его поведение... Он всегда казался непроницаемым, изменчивым, полностью держащим под контролем все эмоции. Если он хотел, он мог свести с ума ослепляющей улыбкой и искрящим веселым взглядом. Если хотел, мог тем же взглядом уничтожить, сделать больно, оскорбить, но через минуту свести с ума прикосновением или поцелуем. Если бы у нее было больше жизненного опыта, если бы она была мудрее, если бы хоть немного знала мужчин, она, возможно, могла бы что-то у него выведать или угадать, что скрывалось за его поведением... Но он, к сожалению, был для нее неразрешимой загадкой, логической головоломкой, которая была ей не по зубам...

Что ж... значит, из всех возможных козырей у нее оставался один. Когда-то он заверил ее, что всегда защищает сво-

их людей, если они ему верны. Так, может быть, он не откажет ей в помощи, если она окажется в лапах вампира и если попытается при этом выжить...

Некие знатоки из интернета, представляющие себя экспертами, публиковали целые статьи с рецептами приготовления каких-то насыщенных серебром составов, которыми можно было на время нейтрализовать вампира, а иногда даже убить. У Марьяны голова взрывалась от приведенных там формул и названий непонятных веществ. Она даже не представляла, где такие можно приобрести и не являются ли эти химикаты запрещенными... Однако, там также были упомянуты вещества, которые были вполне доступны простому смертному... Например, проявитель для рентгеновской пленки, содержащий раствор нитрата серебра. Звучало как-то жутко и абсурдно, но она старалась думать об этом как о некоем медицинском препарате. Ножом, даже серебряным, она едва ли смогла бы нанести живому человеку, пусть вампиру, серьезную травму, от которой он потерял бы сознание... А вот сделать укол она бы точно смогла, если бы успела... Мама давно научила ее делать инъекции, и она даже делала иногда уколы Насте, хоть та и морщилась от ее неумелых медицинских услуг. Что ж, теперь ей оставалось только заказать проявитель через интернет... А потом... потом, возможно, вернуться днем в тот парк с жутким особняком и надеяться на то, что вампир возьмет ее след, если вдруг не успел взять его в тот раз...

ГЛАВА 12

Марьяна откладывала роковой день сколько могла. Чувствовать себя мышонком, пытающимся поймать кота в его же собственном логове, оказалось до обморока страшно и дико, когда она начинала реально оценивать все риски. Но только не было у нее времени и возможности для размышлений. Насте не становилось лучше. Даже вопросы к родителям были излишни...

Ноги подгибались, к горлу подступала тошнота, живот крутило, вся она горела, как в горячечном бреде, когда заставила себя наконец-то выйти из дома и отправиться по сотни раз продуманному маршруту. В кармане, во взмокшей от волнения ладони, был зажат шприц на пять кубиков с собственноручно приготовленным раствором. Разводить порошок согласно инструкции нужно было в полутора литрах воды, но она сыпанула на глаз, чтобы раствор получился концентрированным. Для надежности. Сколько раз она пыталась понять, следит ли за ней кто-нибудь... В книгах часто писали, что люди всегда чувствуют чужой взгляд, особенно в толпе. Марьяна ничего такого не чувствовала, ничего не ощущала. Единственное, что ее накрывало с головой, был удушающий, парализующий кошмар, от которого стало совсем дурно, когда она вышла из автобуса у главного входа в парк.

Может быть, она всегда была ужасной трусихой. А, может быть, это место сводило с ума любого, кто к нему приближался. Во всяком случае, даже сейчас, в пять часов солнечного весеннего вечера, девятого мая, тут царило полное запустение и тишина, как и в прошлый раз. Ни случайных прохожих, ни жильцов из близлежащих районов, выгуливающих собак, ни болтающихся без дела подростков, которые часто любили всякие потаенные местечки для своих тайных сходов или разборок... Только унылая, давящая, странная тишина посреди огромного, никогда не замолкающего города. Кажется, даже ночью это место не выглядело настолько жутким и отталкивающим, как днем... Сейчас девушка искренне недоумевала, как только ей хватило духу прийти сюда в полнейшей темноте, с фонариком, забраться в особняк и украсть что-то, принадлежащее хозяину этого призрачного мира.

Она понятия не имела, как далеко должна зайти и что должна делать. По некоторым заверениям с сайтов, которые она читала, вампир должен был спать днем, спрятавшись от света. Он должен быть сытый, спокойный и умиротворенный. Кровь из небольшого пореза, который она сама нанесла себе новой бритвой и тут же заклеила пластырем, он должен был учуять, только когда проснется и выйдет на прогулку после захода солнца. Может быть, она должна прикоснуться к чему-то, чтобы оставить свой след? Или он учуял бы ее и так, спустя несколько часов после ее ухода? А еще ее больше

всего мучил вопрос – всегда ли он спит днем? Ведь нигде не было написано, что ночные хищники совсем не могут выходить из своих убежищ при свете солнца...

На самом деле все эти размышления уже давно были позади. Она прокручивала их в голове сто тысяч раз, а сейчас единственное, на что ее хватало, это держаться на ногах и идти вперед, затравлено глядя по сторонам. Сама себя не помня, она все-таки вышла к особняку и замерла, увидев его издали среди совсем уже подросшей, но все еще повесенному свежей листвы. Не сводя взгляда с окон и пытаюсь охватить их все разом, она прошла еще метров пятьдесят, инстинктивно прячась за зарослями кустов и деревьев. Остаться на дорожке и дальше стало невыносимо страшно. Дом будто сам следил за ней своими стеклянными глазницами. Марьяна спряталась за ближайшим деревом в парковых зарослях, окружающих особняк, и остановилась. Пусть это и глупо, но раз она все равно сюда пришла, то лучше было действовать наверняка. Девушка сняла пластырь с пораненного пальца и коснулась раной коры дерева. Крови уже практически не было, но для эксперимента этого будет вполне достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.